

Чернигов
и его округа
в IX-XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Чернигов
и его округа
в IX-XIII вв.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

В сборнике освещается роль одного из древнейших русских городов Чернигова в период средневековья.

Исследуются этапы развития города, его связи с другими центрами (Киевом, Новгород-Северским), этническое окружение Чернигова, экономический уровень развития округи, разрабатываются и анализируются материалы из более обширного региона Левобережья Днепра.

Для историков, археологов, краеведов и всех, кто интересуется древней историей нашей Родины.

Редакционная коллегия

П. П. Толочко (ответственный редактор), *Я. Е. Боровский*, *В. П. Коваленко*,
А. П. Моця (ответственный секретарь), *Р. С. Орлов*

Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике

Чернигов и его округа в IX—XIII вв.

Сборник научных трудов

*Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР*

Редактор *А. А. Золотарева*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Технический редактор *Г. Р. Боднер*

Корректоры *О. А. Гаврилец*,
Л. И. Семенюк, *Л. М. Тищенко*

ИБ № 9667

Сдано в набор 15.02.88. Подп. в печ. 23.05.88. Формат 60×84/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн.
Усл. печ. л. 10,7. Усл. кр.-отт. 10,93. Уч.-изд. л. 12,63. Тираж 3300 экз. Заказ 8-152.
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

0507000000-413
Ч КУ-1-251-88
М221(04)-88

ISBN 5-12-000103-3

© Издательство «Наукова думка», 1988

Чернигов — один из древнейших городов Восточной Европы крупнейший центр Южной Руси. Возникнув в эпоху раннего средневековья, он на протяжении столетий был крупным политическим, экономическим и культурным центром восточнославянского мира.

Историческое развитие Чернигова неразрывно связано с развитием Киева и других древнерусских городов. Вместе с такими городами «Русской земли», как Киев и Переяслав, Чернигов был одним из центров формирования феодальных производственных отношений, становления древнерусской культуры, консолидации древнерусской народности. Эти и другие вопросы, связанные с Черниговом и его округой в IX—XIII вв., были рассмотрены на историко-археологическом семинаре ученых Москвы, Киева, Ленинграда и Чернигова, который состоялся в апреле 1985 г. в Чернигове.

Публикуемые статьи тематически охватывают несколько крупных тем или разделов. Открывают сборник работы, в которых характеризуется место современного областного центра в социально-экономическом и культурном развитии, подводятся итоги и намечаются перспективы охраны памятников его истории и культуры (Л. И. Палажченко, П. Т. Тронько).

Большой интерес вызвали выступления, в которых анализируются материалы по вопросам ранних этапов развития Чернигова, его связям с другими древнерусскими центрами. В этих статьях исследуются вопросы политической истории Киева и Чернигова и их тесного единства (П. П. Толочко), основных этапов развития древнего Чернигова (В. П. Коваленко), первого летописного упоминания древнего северянского центра в связи с проблемой формирования города (М. Ю. Брайчевский), связей Чернигова и Новгорода-Северского в эпоху «Слова о полку Игореве» (А. В. Куза, В. П. Коваленко, А. П. Моця).

Во втором разделе сборника публикуются материалы, характеризующие этнокультурную ситуацию в регионе во второй половине I тысячелетия н. э. Это исследования Левобережной Украины в VIII—XIII вв. (О. В. Сухобоков), Среднего Поддесенья в VIII—X вв. (А. В. Григорьев), а также о трех группах

русов на территории Восточной Европы в IX в. по данным восточных источников (Я. Е. Боровский).

В следующем разделе раскрыты вопросы экономического развития Чернигова и Черниговской земли (А. В. Фомин, П. С. Пеньяк, А. В. Калюк, А. В. Шекун, Е. М. Веремейчик), охарактеризованы погребальные памятники местного населения X — первой половины XIII в. (А. П. Моця, П. М. Покас, М. А. Сагайдак).

В ряде статей рассматриваются проблемы культурного развития Чернигова и его округа в древнерусское время: освещаются вопросы истории монументального зодчества (Ю. С. Асеев, Л. Н. Большаков), языческой дружинной культуры (А. В. Чернецов), развития художественного ремесла (Р. С. Орлов), связи древнерусской летописи и скандинавской саги (А. П. Толочко).

В представленных в сборнике докладах семинара подчеркивается культурно-историческая самобытность Черниговской земли, рассматриваются многочисленные и разнообразные связи Чернигова с другими древнерусскими землями и соседними странами.

Представленные материалы внесли значительный вклад в решение проблемы происхождения, становления и развития древнего Чернигова — крупного политического, экономического и культурного центра древнерусского государства. Вместе с тем более четко определились проблемы, которые предстоит решить в будущем. Главная среди них — возникновение и развитие в южнорусском регионе феодальных производственных отношений.

Л. И. Палажченко

ЧЕРНИГОВ — КРУПНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР УССР

История Чернигова насчитывает более десяти веков. Первое письменное упоминание о городе относится к 907 г., когда, как свидетельствует «Повесть временных лет», киевский князь Олег в результате успешного похода на Византию обязал греков платить дань Руси, указывая: «...даяти уклады на рускыя грады: первое на Киев, та же на Чернигов...».

Само упоминание Чернигова в тексте договора на втором месте после «матери городов Русских» свидетельствует о высоком уровне развития его в начале X в.

Безусловно, город, впоследствии ставший столицей одной из крупнейших древнерусских земель-княжеств, возник задолго до этого. Однако время его основания скрыто в глубине веков, и только привлечение всего комплекса источников, в первую очередь археологических материалов, может помочь в определении даты возникновения Чернигова.

На протяжении всей древнерусской истории город играл заметную роль в укреплении и развитии восточнославянской государственности, ее идеологической надстройки — христианства. Необходимо отметить, что до наших дней сохранился Спасо-Преображенский собор — ровесник знаменитой Софии Киевской.

Во времена вражеских нашествий жители обоих княжеств мужественно становились на защиту родной земли, отражали набеги кочевых племен. Литераторы называют Черниговскую землю «землей вещего Бояна». Отсюда начинал свой знаменитый поход 1185 г. против половцев новгород-северский князь Игорь Святославович, воспетый в бессмертной поэме «Слово о полку Игореве». Как и Киев, Чернигов подвергся нашествию орд Батыев, которое повлекло за собой глубокий многолетний политический упадок. Вскоре город перешел под власть литовских князей, а в XVII в. устоял в борьбе с польской шляхтой и католичеством. Освободительная война под предводительством Богдана Хмельницкого принесла черниговским землям избавление.

Выступая за единство с русским государством, черниговцы с радостью встретили решение Переяславской рады о воссоединении Украины с Россией: быть навеки вместе! 28 января 1654 г. в присутствии главы Великого русского посольства В. В. Бутурлина население Чернигова одобрило союз с Россией.

Патриотическим подъемом отмечена общественно-политическая жизнь Чернигова в период Отечественной войны 1812 г. Здесь формировалось народное ополчение, принимавшее участие в борьбе с войсками Наполеона.

Развитие капитализма на Черниговщине, как и во всей стране, привело к обострению социальных противоречий. В конце 90-х годов XIX в. в Чернигове возникли первые марксистские кружки. В 1903 г. была создана социал-демократическая организация. Она проводила большую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу по распространению идей марксизма. В период первой русской революции 1905—1907 гг. в городе прошла волна революционных выступлений. Большими масштабами характеризовалось стачечное движение, возглавляемое Черниговской организацией РСДРП.

В 1917 г. после победы Февральской революции большевики города вышли из подполья, образовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Они единодушно одобрили решение VI съезда РСДРП(б) о подготовке вооруженного восстания. В сентябре был избран городской комитет РСДРП(б).

Черниговцы — активные участники Великой Октябрьской социалистической революции, вооруженного восстания в Петрограде. Н. И. Подвойский возглавлял Петроградский военно-революционный комитет, В. А. Антонов-Овсеенко от имени военно-революционного комитета руководил арестом Временного правительства. Непосредственное участие в вооруженной борьбе за власть Советов в Петрограде принимали Ю. М. Коцюбинский, В. М. Примаков. Позднее по заданию В. И. Ленина они были направлены на Украину, где вместе много сделали для победы народной власти.

Трудящиеся города приветствовали победу Октябрьской революции в Петрограде, исторические декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле, создание первого Советского правительства во главе с В. И. Лениным. В городе состоялись массовые политические демонстрации, митинги. Большевистская фракция Советов рабочих и солдатских депутатов приняла резолюцию о солидарности с восставшими солдатами и рабочими.

19 января 1918 г. в Чернигове была установлена Советская власть, первым председателем Совета рабочих и красногвардейских депутатов избрана С. И. Соколовская.

По ленинскому призыву большевики мобилизовали трудящихся на борьбу с Центральной радой и немецкими оккупантами. 12 января 1919 г. Чернигов был освобожден Богунским полком 1-й Украинской советской дивизии, командиром которого был Н. А. Щорс.

В августе 1919 г., в период жестоких боев с белогвардейцами, из Киева в Чернигов переехали ЦК КП(б)У и Совет Рабоче-

Крестьянской Обороны Украины. Среди трудящихся города, в частях Красной Армии большую организаторскую и политическую работу проводили К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, Д. З. Мануильский, А. С. Бубнов, Е. Б. Бош, Н. А. Скрыпник.

После окончания гражданской войны, уже в 1925 г., продукцию выпускали 11 предприятий, в том числе одно из старейших — завод «Октябрьский молот». За годы первых пятилеток были построены фабрики музыкальных инструментов, первичной обработки шерсти, мебельная, хлебозавод, электростанция. Объем промышленного производства в 1940 г. по сравнению с 1913 г. возрос в 58 раз.

Непоколебимую волю к победе, безграничную преданность Коммунистической партии и Советской власти проявили черниговцы в годы Великой Отечественной войны. В первые дни тысячи из них ушли на фронт, вступили в народное ополчение. Из коммунистов и беспартийных рабочих и служащих города был сформирован отряд для организации партизанской борьбы. Он стал впоследствии ядром партизанского соединения под командованием дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова.

В годы оккупации гитлеровцы расстреляли и замучили в городе 52 тыс. человек. Однако им не удалось сломить патриотический дух людей. В городе действовали антифашистские подпольные группы, патриоты устраивали диверсии, вели агитацию среди населения.

21 сентября 1943 г. Чернигов был освобожден войсками Центрального фронта. Приказом Верховного Главнокомандующего десяти соединениям и частям, отличившимся в боях при форсировании Десны и освобождении города, присвоено наименование «Черниговских». Москва салютовала доблестным войскам артиллерийскими залпами. 28 воинов, участвовавших в боях за освобождение Чернигова, удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В годы войны черниговцы достойно выполнили свой патриотический долг перед Родиной. За мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, около 5 тыс. человек награждены орденами и медалями СССР. Пяти уроженцам Чернигова присвоено звание Героя Советского Союза.

За время фашистской оккупации население города уменьшилось на две трети. Гитлеровцы сожгли и уничтожили 70 % жилого фонда, вывели из строя промышленные предприятия, школы, больницы и разрушили выдающиеся историко-архитектурные памятники. Чернигову был нанесен ущерб на сумму свыше 1 млрд руб. Однако с помощью братских народов Союза ССР трудящиеся Чернигова в короткие сроки восстановили свой родной город из руин и пепла.

Сегодня народнохозяйственный комплекс города включает

высокоразвитую промышленность, строительную индустрию, автомобильный, железнодорожный, речной и авиационный транспорт энергетическое хозяйство, коммунальные предприятия, развитую сеть торговли и бытового обслуживания населения.

Ведущими отраслями промышленности являются легкая, химическая, пищевая. На эти отрасли приходится более 90 % валового выпуска продукции. Хорошо развита промышленность строительных материалов и деревообрабатывающая. Промышленность города выпускает 43 основные группы продукции. Это горячие штамповки, запчасти к автомобилям, металлоконструкции и различные заготовки, металлорежущий инструмент, пианино, швейные изделия, обувь. Продукция черниговских предприятий поставляется во все союзные республики, в 24 страны мира. Крупнейшее из них — производственное объединение «Химволокно», одно из ведущих предприятий химической промышленности Украины. Новейшей современной техникой и высокопроизводительным технологическим оборудованием оснащен камвольно-суконный комбинат им. 50-летия Советской Украины. Далеко за пределами республики известна продукция ремонтно-механического завода «Октябрьский молот», завода автозапчастей, фабрики музыкальных инструментов им. П. П. Постышева. В городе работают также инструментальный и опытно-инструментальный заводы, завод «Муздеталь», другие предприятия. Среди задач, связанных с повышением благосостояния народа, пожалуй, нет другой социальной проблемы в Чернигове, которая разрешалась бы с такой последовательностью и настойчивостью, как жилищная. Тысячи жителей ежегодно справляют новоселье. Каждый, кто приезжает в этот город над Десной, отмечает обилие зелени. Природа наделила Чернигов благоприятными условиями. Однако же не она, а руки людские придали городу неповторимый облик. Ныне на каждого жителя города приходится свыше 30 м² зеленых насаждений.

Из года в год улучшается медицинское обслуживание, неуклонно развивается духовный и культурный уровень населения. В городе 32 общеобразовательные школы, 14 профессионально-технических училищ, три музыкальные и две детско-юношеские спортивные школы. Каждый третий горожанин — учащийся. В Чернигове — 1630 учителей. За годы Советской власти Чернигов превратился в крупный центр по подготовке кадров высшей и средней специальной квалификации. В городе два вуза и восемь средних специальных заведений, в которых обучаются свыше 5 тыс. студентов, 6,5 тыс. учащихся. Научную работу на кафедрах вузов ведут 11 докторов и 160 кандидатов наук.

Гордость города — Высшее военно-авиационное училище им. Ленинского комсомола. Здесь обучались шесть летчиков-космонавтов. К услугам жителей областной украинский музыкаль-

но-драматический театр, филармония, театр кукол, 17 домов культуры и клубов, 138 массовых библиотек с книжным фондом 5,3 млн экз., 7 кинотеатров и 162 киноустановки. В городе 3 музея: исторический, художественный и литературно-мемориальный М. М. Коцюбинского. В 1967 г. создан государственный архитектурно-исторический заповедник, в котором открыты 4 музея, постоянные выставки.

Славится древняя Чернигово-Северская земля культурными и литературными традициями. В городе жили и творили основатель первой черниговской типографии, литературный и политический деятель Л. Баранович, этнографы и фольклористы А. В. Шишацкий-Иллич, С. Д. Нос, баснописец Л. И. Глебов, писатели М. М. Коцюбинский, Б. Д. Гринченко, Марко Вовчок, В. И. Самойленко, драматург И. А. Кочерга. В Чернигове начинали свой путь в литературу классики украинской советской поэзии П. Г. Тычина, В. М. Блакитный и др. С Черниговом и областью связаны также жизнь и творчество многих выдающихся отечественных историков и археологов: А. Ф. Шафонского, В. Л. Модзалевского, А. М. Лазаревского, П. И. Смоличева, Н. Н. Петровского и др. Здесь родился, получил образование и начинал научную деятельность Д. Я. Самоквасов — один из основоположников русской археологии.

В советское время плодотворно трудились и трудятся над изучением истории черниговского края специалисты научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, а также местные кадры — сотрудники педагогического института, исторического музея, архитектурно-исторического заповедника.

Всего в городе под охраной государства находится 104 памятника истории и культуры, в том числе 28 памятников археологии.

Сохранить историко-культурное наследие для будущих поколений наша обязанность. Еще в 1982 г. специальным решением исполкома городского Совета народных депутатов утверждены археологические охранные зоны древнего Чернигова. Сейчас все строительные объекты в исторической части города начинают возводиться только после предварительных исследований земельных участков археологами.

П. Т. Тронько

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕРНИГОВА В ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Чернигов является одним из наиболее значительных историко-культурных центров республики с многочисленными археологическими комплексами, уникальными архитектурными со-

оружиями средневекового времени, памятниками, созданными в эпоху социалистического строительства.

Чернигов, подобно другим восточнославянским городам, возник не в 907 г., когда впервые упоминается в летописи на втором месте после Киева, а значительно раньше¹. Как известно, территория города была заселена еще в II тыс. до н. э., о чем свидетельствуют обнаруженные в урочищах Яловщина и Татарская Горка поселения эпохи бронзы. Поселения племен заруби-нецкой культуры, обследованные в районе Чернигова, многочислен-ные археологические находки — монеты римских импера-торов, керамические изделия, остатки жилищ позволяют утверждать, что эта территория освоена уже в последние века до нашей эры — первые века нашей эры.

Качественно новый этап в становлении Чернигова связан с возникновением раннеславянских поселений VII — VIII вв.². Они свидетельствуют о том уровне исторического развития восточных славян, когда у них начался процесс образования государствен-ности. Б. А. Рыбаков убедительно связывает с этим периодом начальный этап формирования Руси. Так что основой города Чернигова — одного из трех центров «Русской земли» можно считать поселения VII — VIII вв., тем более, что некоторые из них, как утверждают данные археологии, уже имели свои укреп-ления.

Важными памятниками древнего Чернигова являются курган-ные могильники, которые сохранились до наших дней. Наиболее известны археологические памятники X в.: курганы Черная Мо-гила — погребение древнерусского князя языческого времени, Гульбище (начало X в.) и Безымянный (середина X в.) на Болдиных горах, в которых найдены погребения дружинников. Курганные могильники Чернигова и его окрестностей, матери-алы, обнаруженные в них, свидетельствуют, что уже в IX — X вв. он был одним из крупнейших феодальных центров Руси.

Чернигов — один из самых известных городов по числу выда-ющихся памятников древнерусской архитектуры. Спасский собор — первое на Черниговской земле монументальное каменное сооружение — является одним из наиболее ранних архитектур-ных памятников Древней Руси. Уникальными являются также памятники XII — XIII вв. — Борисоглебский и Успенский соборы, Ильинская, Пятницкая, Михайловская, Благовещенская церкви. Как и многочисленные письменные источники, они убедительно подтверждают важную роль Чернигова в жизни древнерусской державы. Отличаясь своеобразными чертами, его архитектурная школа в то же время указывает на единство древнерусской на-родности, в основе которой лежали общая территория, единый язык, общая культура. Во всей полноте в них отражается высо-кий уровень развития производительных сил, искусства в Киев-

ской Руси. С историей Чернигово-Северской земли, ее героической борьбой с кочевыми племенами связана жемчужина древнерусской и мировой литературы, знаменитое «Слово о полку Игореве», 800-летие которого недавно отмечал весь мир, а также целый ряд произведений древнерусского фольклора, в частности былины об Иване Годиновиче, Илье Муромце, Иване — Гостинном сыне.

В 1239 г. Чернигов был razорен ордой хана Менгу, и в его истории наступает тяжелый период. Почти столетие он находился под гнетом ордынских завоевателей, на смену которым пришли литовские феодалы. С начала XVI в., когда Чернигово-Северские земли вошли в состав Российской державы, жизнь города постепенно начинает возрождаться. После окончания освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в которой принимало активное участие и население Чернигова, 28 января 1654 г. в Спасском соборе черниговцы единогласно одобрили историческое решение Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией. Наступило время бурного развития города. Именно в этот период (вторая половина XVII — XVIII вв.) сложились основные архитектурные комплексы, которые определили градостроительное лицо старого Чернигова. Один из наиболее ценных архитектурных ансамблей Украины — Троицко-Ильинский монастырь (сформировавшийся окончательно в XVII — XVIII вв.), ансамбль Елецкого монастыря, уникальный образец гражданской архитектуры XVII в. — дом Якова Лизогуба, Екатерининская церковь (начало XVIII в.) — своеобразный памятник в честь участников штурма Азова, здание бывшего Коллегиума (1700—1705 гг.), единственный в своем роде памятник деревянной архитектуры XVII в. — дом Феодосия Углицкого (1688 г.), Воскресенская церковь (1772 г.) и многие другие памятники отражают не только этапы развития украинской архитектуры, ее взаимовлияние и тесную связь с русской, но и интенсивное развитие других видов искусства, насыщенную культурную жизнь. В этот период на средства старшин, духовенства, городского патрициата реставрировались и обновлялись архитектурные памятники Киевской Руси. С Черниговом этого времени связана жизнь и деятельность известных писателей и общественных деятелей К. Ставроецкого (Транквиллиона), Л. Барановича, И. Галятовского, Д. Туптала (Ростовского), И. Максимовича, известных архитекторов — А. Захарова, И. Григоровича-Барского, И. Баптиста, А. Карташевского, мастера живописи И. Дубенского, целой плеяды художников-графиков — Л. Тарасевича, И. Щирского, Л. Кршеновича, М. Карповского. Выдающимся образцом ювелирного искусства того времени являются серебряные ворота иконостаса Борисоглебского собора, изготовленные в 1700—1702 гг. Важную роль в культурной

жизни Чернигова и всей Левобережной Украины сыграла типогрaфия Троицко-Ильинского монастыря, основанная Л. Барановичем. Переведенная в 1679 г. из Новгорода-Северского, она функционировала с некоторыми интервалами фактически до начала XIX в.

Важным центром распространения образования и научных знаний стал черниговский Коллегиум, созданный усилиями Иона Максимовича в 1700 г. на базе славяно-латинской школы. Подтверждением этого являются оригинальные разработки лекционных курсов по разным дисциплинам преподавателей Коллегиума, а также то, что образование тут получали выходцы не только из Черниговщины, но и со всех уголков Украины.

Таким образом, отразив в своих лучших архитектурных памятниках, произведениях литературы и искусства подъем творческих сил народа, рост его национального самосознания во второй половине XVII — XVIII вв., черниговские зодчие, ученые, литераторы, художники и мастера декоративно-прикладного искусства вписали немало ярких страниц в историю отечественной культуры.

В городе много памятников и памятных мест, которые отражают его историческое развитие в период XIX — начала XX вв. В это время (с 1802 г. — губернский центр) он продолжал играть значительную роль в развитии культуры. С Черниговом этого периода связано творчество ряда выдающихся писателей и других деятелей культуры. Дважды — в 1820 и 1824 гг. — Чернигов посещал А. С. Пушкин. Приезжали сюда также Н. В. Гоголь (1829 г.), М. И. Глинка (1846 г.), неоднократно бывал в Чернигове Т. Г. Шевченко. По заданию Киевской археографической комиссии он тщательно описал и зарисовал некоторые исторические и архитектурные памятники города. Черниговские впечатления нашли свое отражение в прозаических произведениях Кобзаря — повестях «Капитанша», «Музыкант», «Прогулка с удовольствием и не без морали». В 1900 г. на средства общест-венности в честь 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина в Чернигове установлен памятник выдающемуся русскому поэту, а в 1964 г. — памятник Т. Г. Шевченко в честь 150-летия со дня его рождения. В многочисленных памятниках и мемориальных досках увековечена память о жизни и деятельности в Чернигове писателей и общественных деятелей Л. И. Глебова, М. Вовчка, Г. И. Успенского, Б. Д. Гринченко, В. И. Самойленко, И. А. Кочерги, П. Г. Тычины, В. М. Блакитного, ученого и революционера Н. И. Кибальчича. Стало неотъемлемым от истории города имя выдающегося отечественного писателя М. М. Коцюбинского, который проживал здесь с 1897 по 1913 г. Созданный черниговцами музей-заповедник М. М. Коцюбинского ныне известен далеко за пределами республики. Память о писателе также увеко-

вечена в памятниках — на могиле писателя и на территории музея.

Во второй половине XIX в. в Чернигове успешно развивается краеведение. Уроженец Черниговщины историк Д. Я. Самоквасов положил начало археологическому исследованию города. Большой интерес представляет собой деятельность Черниговской архивной комиссии. Она создала первый общедоступный музей в городе. В начале века открылось еще несколько музеев: в 1902 г. начал действовать музей В. В. Тарнавского, в 1908 г. — исторический музей. Хотя разбросанность коллекций этих и других музеев, малочисленность штатов музейных работников не позволяли развернуть активную научно-исследовательскую работу по выявлению и сбору культурных ценностей, их деятельность в определенной мере способствовала развитию исследований по истории края, сохранению историко-культурных памятников.

Возникновение и активизация деятельности социал-демократии в Чернигове в XIX — начале XX вв. тесно связаны с работой одного из соратников В. И. Ленина — Н. И. Подвойского, советского партийного и военного деятеля, памятник которому открыт на Аллее Героев в 1977 г. Об участии черниговцев в революционном движении рассказывает мемориальная доска, установленная на доме, где находилась в 1906 г. подпольная типография Черниговской организации РСДРП.

Достоинство увековечена в памятниках Чернигова социалистическая эпоха его истории. В городе сооружены 9 памятников основателю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину. Центральное место среди них занимает памятник, установленный в 1967 г. в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции (скульпторы А. Белостоцкий, А. Супрун, архитектор Г. Урусов) на ул. Ленина. На Аллее Героев кроме упомянутого памятника Н. И. Подвойскому установлены памятники известным партийным, государственным и военным деятелям — Ю. М. Коцюбинскому, В. Н. Примакову, В. А. Антонову-Овсеенко, Н. А. Щорсу, Н. Г. Крапивянскому. Под охраной государства находятся памятные места, связанные с борьбой за установление Советской власти на Черниговщине.

Многие памятники Чернигова прославляют героическую борьбу советского народа с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Черниговщина в годы гитлеровской оккупации стала партизанским краем. Бессмертной славой покрыли себя партизаны соединений и отрядов под командованием Героев Советского Союза А. Ф. Федорова, Н. Попудренко, Ю. Збанацкого, Н. Таранущенко и М. Стратилата. Активно боролись с врагом черниговские подпольные группы под руководством Н. Галанова, А. Михайленко, Г. Маркина и др.

Среди памятников Великой Отечественной войны в Чернигове — мемориальный комплекс «Могила Неизвестного солдата», памятники Н. Н. Попудренко, М. Т. Кирпоносу, памятник в честь областного партизанского отряда, памятники на могилах жертв фашизма, на братских могилах советских воинов, монумент в честь освобождения Чернигова.

Возрожденные из руин в послевоенное время памятники прошлого, лучшие образцы социалистической архитектуры, более 100 памятников истории и культуры, которые тщательно охраняются, ярко свидетельствуют о расцвете экономики и культуры города в период развитого социализма.

Памятники Чернигова, представляя материальное и духовное творчество масс в разные периоды и века, ярко иллюстрируют более чем тысячелетнюю историю города. Они — неоценимое наследие нашего народа, которое требует от нас бережного отношения, рационального и эффективного использования в целях развития советской науки, образования и культуры, коммунистического воспитания трудящихся. За послевоенный период в городе проведена колоссальная работа по реставрации выдающихся архитектурных памятников, которые были разрушены гитлеровцами. Знаменательным событием стало восстановление памятника эпохи «Слова о полку Игореве» — Пятницкой церкви, осуществленное под руководством П. Барановского при участии Н. Холостенко. Реставрированы также Спасский и Борисоглебский соборы (последний по проекту Н. Холостенко), Екатерининская церковь (по проекту И. Шмульсона), дом Я. Лизогуба и др.

Центрами культурно-просветительной деятельности города сегодня являются исторический музей, в фондах которого насчитывается свыше 200 тыс. экспонатов, а также архитектурно-исторический заповедник, который ежегодно посещают 200 тыс. человек. Вместе с тем существует еще немало проблем по изучению, использованию и охране памятников истории и культуры. Это связано с развитием и застройкой города, а также необходимостью сохранения и реставрации многих объектов. В решении этих вопросов не последнее слово должно быть за учеными и квалифицированными специалистами по археологии и истории, краеведению. При этом единственно верным критерием при решении всех насущных проблем должны быть положения Законов СССР и УССР об охране памятников истории и культуры.

¹ Повесть временных лет.— М.; Л., 1950.— Ч. 1.— С. 24.

² Археологія Української РСР.— Киев, 1975.— Т. 3.— С. 202; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 10—12, 62—67; Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР.— 1955.— Т. 5.— С. 7—11.

КИЕВ И ЧЕРНИГОВ В IX—XIII вв.

Изучение политической истории крупнейших центров Южной Руси — Киева и Чернигова показывает, что они вплоть до нашествия орд Батыя находились в тесном взаимодействии. Сказанное в равной мере относится и к тем периодам, когда черниговские князья пребывали в союзе с великими киевскими, и к тем, когда составляли им своеобразную политическую оппозицию. В отличие от ряда других центров Руси оппозиция Чернигова вызывалась стремлением его не к автономизму, отделению от Киева, а к сохранению общерусского единства посредством утверждения на киевском столе представителей Черниговской династии.

Чем обусловлена такая сходность путей политического развития Киева и Чернигова в IX—XIII вв., только ли географическим соседством двух городов или более существенными факторами? Можно утверждать, что основы этого единства уходят своими корнями в эпоху формирования восточнославянской государственности, когда в Среднем Поднепровье на базе племенных объединений полян, северян и древлян складывалось политическое образование «Русская земля». При этом не следует упрощать проблему и пытаться доказывать его исключительно полянскую этнографическую подоснову, включать черниговское Подесенье в территорию расселения полян¹. Единство погребального обряда X—XII вв., как и других элементов культуры в исторических границах «Русской земли», явилось следствием политической консолидации населения региона, ставшего территориальным и политическим ядром Дневнерусского государства. Разумеется, импульсы культурного единства «Русской земли» в большей мере исходили из Киева, но не стояли в стороне от этих процессов и другие ее крупные центры — Чернигов и Переяслав. Думается, более правильным будет говорить не о распространении «полянского» этнографического облика в «Русской земле» IX—X вв.², а о выработке здесь единого общедревнерусского стиля культуры.

Трудно сказать, как шло политическое развитие Чернигова до образования на рубеже VIII—IX вв. государства «Русская земля». Вероятнее всего, он был племенным центром западных северян. Характер археологических материалов VII—VIII вв. в исторической части города как будто подтверждает это. После образования «Русской земли» Чернигов (как и Переяславль), видимо, утратил свою прежнюю племенную обособленность и превратился в своеобразное политическое продолжение Киева. Летопись не только не сообщает о каких бы то ни было

трудностях во взаимоотношениях Киева и Чернигова в IX—X вв., как это имело место во взаимоотношениях столицы Руси с рядом восточнославянских племен, но, наоборот, подчеркивает их единство. Когда в 968 г. в отсутствие Святослава Киев осадили печенеги, на выручку ему поспешили левобережные дружины, которые непосредственно подчинялись киевскому князю и обязаны были защищать стольный город.

В исторической литературе существуют две точки зрения по вопросу о княжеском столе в Чернигове до 20-х годов XI в. А. Н. Насонов и другие историки полагают, что князей местной династии, подобных древлянскому Малу или вятичскому Ходоте, Чернигов не имел³. Напротив, Б. А. Рыбаков на основе анализа материалов из кургана Черная могила, раскопанного Д. Я. Самоквасовым, пришел к выводу, что в данном случае перед нами захоронение «одного из неизвестных черниговских князей эпохи Святослава»⁴. А. К. Зайцев по этому поводу заметил, что аналогичный характер могло носить и погребение воевод-боярина или «старейшины града»⁵.

Такая поляризация мнений обусловлена характером источников. Действительно, летопись вплоть до 20-х годов XI в. прямо не говорит о черниговских князьях. Свидетельство летописной статьи 907 г. о том, что греки обязались давать «уклады» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч, где «сediaху велиции князи, под Олгом суще», редко привлекается для доказательства противоположного мнения. То обстоятельство, что Святослав, Владимир и Ярослав, последовательно проводя в жизнь политику замены в землях князей местных династий на представителей княжеского рода, только в Чернигов и Переяславль не посылали князей, склоняет больше к выводу, что менять там в это время было некого. Не исключено, что местная княжеская традиция в Чернигове была, но рано прервалась. Характерно, что в Чернигове не был посажен князь и после смерти Мстислава Владимировича. Последний, как известно, силой утвердился здесь в 1024 г. и, казалось, возродил местную княжескую традицию. Летопись даже сообщает, что братья «раздѣлиста по Днѣпр Руськую землю, Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону». Раздел этот был формальным. Братья сообща решали основные государственные вопросы, касавшиеся всей Руси. В 1030 г. они ходили в Польшу, на Чудь. В 1031 г. они вернули Руси Червенские города.

Упорное и длительное непризнание в Киеве за Черниговом статуса княжеского города объясняется традицией, сложившейся, по-видимому, еще в период образования «Русской земли». Ее признанным политическим центром был Киев, только один обладавший правом на управление землей. В то же время в сфере экономического развития, о чем свидетельствуют догово-

ры Руси с Византией, Чернигов (как и Переяславль) пользовался практически равными с Киевом правами. Такое положение сохранилось, исключая период временного захвата Чернигова Мстиславом Владимировичем, вплоть до смерти Ярослава Мудрого, когда, по завещанию великого князя, Чернигов был отдан его сыну Святославу. В Переяславе был посажен третий Ярославич — Всеволод.

В исторической литературе можно встретить утверждение (Н. М. Карамзин, М. В. Довнар-Запольский, С. В. Юшков и др.), что своим завещанием Ярослав положил начало дроблению «Русской земли». Это не совсем справедливо. В действительности произошло как бы рассредоточение политических функций между тремя ее главными центрами, которые теперь вместе осуществляли управление огромной страной. Триумvirат Ярославичей во главе с киевским князем усложнил течение политической жизни исторической «Русской земли», но не привел ее к разобщенности. Укрепление политической власти Чернигова и Переяславля, вызванное необходимостью внутреннего и внешнего развития Древнерусского государства, не порождало в этих городах центробежных тенденций, как это имело место в Полоцком, а позднее во Владимиро-Суздальском и Галицком княжествах. Оно не отдаляло их от Киева, а еще больше приближало к нему.

Летописные свидетельства указывают на наличие между старшими братьями какого-то соглашения о совместных действиях. В 1057 г. они переводят из Владимира (Волинского) в Смоленск младшего брата Игоря, в 1059 г. освобождают из заключения в Киеве дядю Судислава, в котором тот находился 28 лет. В 1067 г. братья осуществляют поход против Всеслава Полоцкого, пытавшегося выйти из подчинения Киеву. Всеслава бросают в Киеве в поруб. В 1072 г. Изяслав, Святослав, Всеволод собрались в Вышгороде, чтобы выработать устав об управлении Русской землей. В результате их общих действий появилась «Правда Ярославичей» — новая кодификация русского права. В 1073 г. киевским князем стал Святослав. Он предпринимает ряд решительных мер по укреплению центральной власти Киева, прибегнув к традиционной перестановке князей в землях. Особый интерес для нашей темы представляет тот факт, что в Чернигов вновь не был направлен князь. Святослав, утвердившись в Киеве, оставил его за собой. Эта тенденция сохранится и в будущем, хотя реализовать ее князьям будет все труднее. Всеволод Ярославич остался в Переяславле. Братья поделили Русь на сферы влияния, так триумvirат уступил место дуумvirату.

После смерти Святослава (1076 г.) и Изяслава (1078 г.) киевским князем стал Всеволод. В Киев он пришел из Черни-

гова. Очередное перемещение князей на столах закончилось тем, что Чернигов вновь оказался в руках великого князя, там был посажен сын Всеволода Владимир Мономах. Переяславль также остался за Всеволодом, туда вообще не был послан князь.

На Любечском съезде 1097 г. было выработано право отчины, согласно которому Чернигов закреплялся за потомством Святослава Ярославича. Однако, как покажут последующие события, это не помешает великим киевским князьям включать в сферу своих политических интересов Чернигов, равно как и черниговским смотреть на киевский стол, как на свой собственный.

Анализ событий второй половины XI в. показывает, что князья, претендовавшие на великое княжение киевское, поочередно занимали переяславльский, черниговский и киевский столы, не выходя, таким образом, из сферы притяжения триединого политического центра старой «Русской земли».

В XII — 40-х годах XIII в. ситуация несколько изменилась, но взаимоотношения двух центров определялись все той же их принадлежностью к территориальному и политическому ядру Древнерусского государства. Они были дополнены также концепцией равных прав всех русских князей на Киев и его домен как общеродовое наследие. Особой популярностью этот политический тезис пользовался среди Ольговичей, представители которых чаще других претендовали на киевский стол. Мотивировали они свои претензии тем, что «они не Угрѣ, не ляховѣ, но одного дѣда есмы внуци»⁶.

Первым князем черниговской династии, кто реализовал свою претензию на киевский стол, был Всеволод Ольгович. В 1139 г., воспользовавшись замешательством в стане Мономаховичей, вызванным смертью Ярополка Владимировича, он овладел Киевом. Здесь с ним, как, впрочем, и с другими князьями в аналогичных ситуациях, происходит примечательная метаморфоза. Вчерашний оппозиционер превратился в последовательного сторонника общерусского единства, решительно пресекающего попытки удельных князей выйти из повиновения Киеву. На этой почве он столкнулся даже с князьями своего черниговского клана. В проведении политики усиления великокняжеской власти и возрождения ее общедревнерусского авторитета Всеволод пытался опираться прежде всего на солидарность южнорусских князей. Единство всей Руси было немислимым без единства исторической «Русской земли». В этом он достиг заметных результатов, хотя выполнить широкую государственную программу не смог.

Ситуация почти повторилась в конце 70-х годов XII в. На Киев заявил свои права черниговский князь Святослав Всево-

лодович, известный энергичной деятельностью по строительству Чернигова и подавлению внутриземельной усобицы. В 1177 г. он овладел столицей Руси. В 1180 г. его соправителем стал Рюрик Ростиславич. Соправительство положительно отразилось на экономической и политической жизни русских княжеств. Почти 15 лет Русь не знала изнуряющей борьбы за Киев. Формально соправители были в одинаковом положении, но жизнь требовала, чтобы один из них был старшим. Им стал Святослав Всеволодович. Он выступил организатором антиполовецких походов, привлекая для них силы многих древнерусских княжеств. Целая серия блестящих побед над половцами создала Святославу заслуженный авторитет на Руси, и не случайно он удостоился высокой оценки автора «Слова о полку Игореве».

В продолжение всего периода великого княжения Святослава Всеволодовича Чернигов пребывал в тесном единстве с Киевом. Там сидел брат Святослава Ярослав, исполнявший, по существу, роль его наместника. Если в Киеве Святославу все же приходилось делить власть с Рюриком, то в Чернигове и во всем Левобережье он мог чувствовать себя настоящим хозяином. Будучи старшим в династии Ольговичей, он пользовался неоспоримым авторитетом.

Значительный интерес в плане взаимоотношений Киева и Чернигова представляет ситуация первого десятилетия XIII в. В Киеве продолжал править Рюрик Ростиславич, в Чернигове утвердился князь Всеволод Святославич Чермный. С 1206 г. он начинает борьбу с Рюриком за великокняжеский стол. Причем его, судя по всему, не устраивала возможность соправительства, он хотел один править Русью. В 1210 г. Всеволод, наконец, нанес решающее поражение Рюрику и занял Киев. Рюрику он неожиданно уступил Чернигов. Такая политическая рокировка была осуществлена Всеволодом Чермным с умыслом. Она, по существу, лишала основания утверждение Мономаховичей, что Киев может быть только их вотчиной, как Чернигов — вотчиной Ольговичей. Исследователи справедливо видели в этом факте еще одно проявление торжества сознания единства Русской земли⁷.

Последним великим киевским князем из династии черниговских Ольговичей был Михаил Всеволодович. К сожалению, личность малопримечательная и вовсе не соответствовавшая столь высокому государственному посту. В канун подхода к столице Руси основных сил Батыея он бежал из Киева, чем значительно облегчил задачу завоевателей.

Вряд ли необходимо особо доказывать, сколь тесными были связи Чернигова и Киева в периоды, когда великий киевский стол занимали представители династий Ольговичей. Политиче-

ское возвышение последних повлекло за собой консолидационные процессы в стане целого клана, который выдвигался, таким образом, на ведущие позиции среди всех княжеских династий Руси. Приход в Киев черниговского князя, разумеется, не приводил к переосмыслению им политической программы, подгонке ее к местным земельным интересам. Вне зависимости от династической принадлежности князя на киевском столе пытались проводить общерусскую политику. Разными были только исполнители этой программы. С новым князем в Киев переходила и его дружина, аппарат княжеского управления, а иногда и представители высшего духовенства. Все они сохраняли органическую связь с центром своего исхода, так как при крушении власти их князя возвращались в «дома своя», как пишет летописец.

Такая структура политической власти накладывала отпечаток на все сферы жизни. Вместе с князьями кочевали между двумя городами артели строителей, художников, придворных ремесленников. П. А. Раппопорт, установив полную идентичность техники строительства и декоративного оформления таких построек, как Успенский храм Елецкого монастыря и Борисоглебская церковь в Чернигове с киевской Кирилловской церковью, высказал вполне правдоподобное предположение, что последняя была построена черниговской строительной артелью. Она перебралась в Киев после 1139 г., когда киевским князем стал Всеволод Ольгович⁸. Трудно только согласиться с выводом П. А. Раппопорта о византийском происхождении этой строительной артели, которая была приглашена в Чернигов на рубеже XI—XII вв. Олегом Святославичем, имевшим родственные связи с греками. Его женой, как известно, была представительница знатного греческого рода Музалонов Феофания. В принципе такое разовое приглашение мастеров из Византии для выполнения конкретного заказа нельзя исключать, но предполагать, что артель эта могла функционировать на Руси в продолжение почти полувека, невероятно. Что же касается византийской техники кладки из плинфы на растворе с цемянкой, то ее распространение не обязательно должно связываться с работой на Руси греческих мастеров.

Киево-черниговские культурные связи получили особый импульс в годы правления в Киеве Святослава Всеволодовича. По его инициативе в обоих городах возводятся Васильевская и Благовещенская церкви. Б. А. Рыбаков считал возможным сближать мозаики черниговской Благовещенской церкви с мозаичными полами Софии Киевской, появившимися, вероятно, в результате ремонтных работ после большого пожара 1180 г.

В исторической литературе бытует мнение, что одно из лучших архитектурных творений древнерусского времени —

Пятницкая церковь в Чернигове — обязано своим появлением гению киевского зодчего Петра Милонегга. Убедительных архитектурных аргументов для этого нет, поскольку в Киеве его постройки не сохранились. Однако анализ общенациональной ситуации конца XII — начала XIII вв. дает основание для такого предположения. Петр Милонегг был придворным архитектором великого киевского князя Рюрика Ростиславича. В 1199—1200 гг. он построил уникальное гидротехническое сооружение в Михайловском Выдубецком монастыре. Летописец Моисей отмечал, что ничего подобного на Руси еще не было: «...Изобрѣте бо подобна дѣлу художника». Вскоре, о чем шла речь выше, Рюрик оказался в Чернигове. Вполне вероятно, что сюда же перебрался и его «приятель» Петр Милонегг, где продолжил архитектурную деятельность.

Впрочем, это могло произойти еще и тогда, когда в Киеве правил Рюрик Ростиславич и Святослав Всеволодович. Последний, судя по летописным данным, проявлял постоянную заботу о благополучии Чернигова. Он не только часто бывал здесь, но и подолгу проживал, вел строительство.

Тесные многообразные контакты между Киевом и Черниговом существовали не только в те периоды, когда на великокняжеском киевском столе утверждались князья черниговской династии, но и тогда, когда его занимали Мономаховичи. Несмотря на возникавшие время от времени распри между Ольговичами и Мономаховичами вокруг проблемы наследования великокняжеского стола, на протяжении всего периода древнерусской истории сохранялось чувство их коллективной ответственности за судьбы «Русской земли» и ее политических центров — Киева и Чернигова.

¹ Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв. // САИ.— 1966.— Вып. Е 1—24.— С. 25—27.

² Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 66.

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и сложение территории древнерусского государства.— М., 1951.— С. 62—63; Зайцев А. К. Указ. соч.— С. 73.

⁴ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 34, 38—39.

⁵ Зайцев А. К. Указ. соч.— С. 74.

⁶ Летопись по Ипатскому списку.— Спб., 1871.— С. 393.

⁷ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования.— СПб, 1872.— Т 1.— С. 233.

⁸ Раппопорт П. А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА АН СССР.— 1984.— Вып. 179.— С. 59—63.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕРНИГОВА

Вопросы истории возникновения и развития восточнославянских городов длительное время находятся в центре внимания советской медиэвистики. Связано это с тем, что город, зародившийся на переходном этапе от родоплеменного строя к феодализму, был тесно связан своим происхождением с образованием классового общества и государства. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству...»¹. Дальнейшее изучение этого сложного процесса возможно при углубленном исследовании ранних городов, одним из которых является Чернигов.

Интерес к черниговским древностям появился еще в XVIII в., однако археологические исследования на территории города начались только в 70—80-х годах XIX в. и долгое время ограничивались лишь раскопками курганов. В 1872—1873 гг. Д. Я. Самоквасов раскопал крупнейший черниговский курган — Черную могилу и много других насыпей, а в 1908 г. — еще несколько. Всего в Чернигове им было исследовано (помимо Черной могилы) 138 курганов². Целью работ, проведенных в 1923 г. Н. Е. Макаренко, было исследование Спасского собора XI в. И только в конце 40-х годов XX в. начались исследования собственно древнего города.

Под руководством Б. А. Рыбакова на территории черниговского детинца были вскрыты остатки Благовещенской 1186 г. (1946—1947 гг.) и Михайловской 1174 г. (1956 г.) церквей, велись работы на территории «окольного града» (1956 г.) и «передгородья» (1958—1959 гг.)³. Исследования, охватившие различные районы древнего Чернигова (детинец, «окольный град», Третьяк, подол), проводила экспедиция ИА АН УССР под руководством В. А. Богусевича⁴. В 50—60-х годах исследования архитектурных памятников (Спасский, Борисоглебский, Успенский соборы, Пятницкая церковь и др.) проводились Н. В. Холостенко⁵. Полученные в результате многолетних работ археологические материалы позволили наметить схему исторического развития города, реконструировать его социально-топографическую структуру, дать развернутую характеристику экономического, политического и культурного развития древнего Чернигова, его места и роли в истории Древней Руси.

В последние годы на территории Чернигова существенно увеличился объем охранных археологических исследований. Зафиксированы остатки оборонительных и монументальных со-

оружий, десятки жилищ IX—XIII вв., следы разнообразных производств и многое другое. На основе полученных материалов можно по-новому поставить ряд вопросов истории города.

В советской историографии в последние годы утвердилось мнение о необходимости изучать историю каждого конкретного города со времени его зарождения, его выделения из среды соседних поселений⁶.

Однако при решении вопроса о возникновении Чернигова, как и других городов, необходимо учитывать следующие условия: материалы должны происходить из его исторической части, иметь культурную преемственность с материалами последующих эпох и относиться к тому этапу социально-экономического и политического развития общества, при котором возможно зарождение городских форм жизни. Всем перечисленным требованиям отвечают древности второй половины I тыс. н. э.

Именно в VI—VII вв. наступает новая эпоха в истории славян, характеризующаяся быстрым ростом производительных сил, зарождением раннеклассовых отношений и процессов консолидации славянских племен⁷. Зарождаются первые протогородские поселения (Киев, Зимно, Изборск и др.) Как показывают результаты новейших археологических исследований, к этому же времени, вероятно, следует относить и начало процесса генезиса древнего Чернигова. В 1984—1985 гг. в разных местах северо-восточной части детинца были выявлены остатки отдельных сооружений и керамика VI—VII вв. Древности VII—VIII в. зафиксированы разными исследователями кроме детинца также на Елецкой горе и на берегу оз. Млыновище. Это дало основание некоторым ученым считать, что Чернигов образовался путем слияния в процессе исторического развития нескольких самостоятельных славянских поселков, и даже рассматривать их как «поселения протогородского типа»⁸. Фрагментарность археологических материалов, относящихся к этому периоду, не позволяет, на наш взгляд, сделать пока какие-либо выводы о социальной сущности указанных поселений, да и вряд ли могла возникнуть необходимость в существовании целой группы протогородских центров, расположенных рядом. Правильнее, видимо, в данном случае говорить не о слиянии отдельных поселков, а о выделении из их числа одного, ставшего центральным и перенивавшего все ведущие городские функции. Ценным подтверждением этого являются наблюдения Б. А. Рыбакова за стратиграфией правобережной террасы р. Стрижень, где отмечено перерастание слоев VII—VIII вв. в более поздние⁹.

Таким образом, в настоящее время можно лишь констатировать, что процесс генезиса древнего Чернигова, кристаллизации его топографической структуры начался примерно 1300 лет

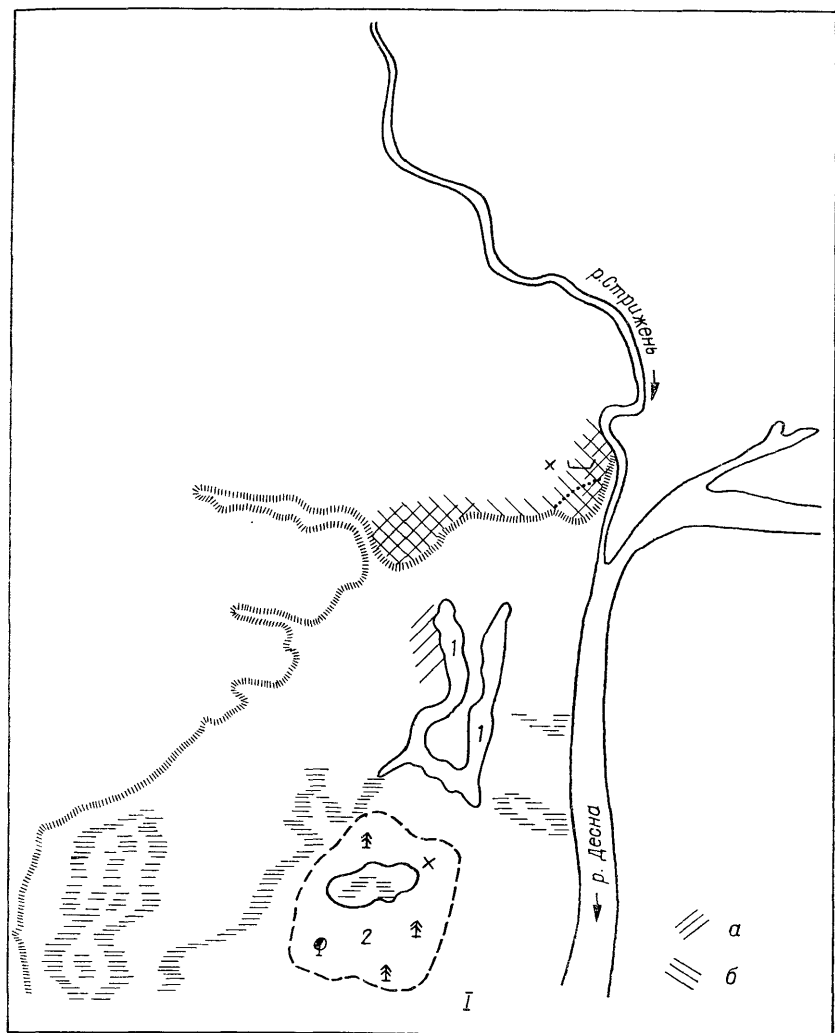

Рис. 1. I — Чернигов в конце
 а) зона распространения культурного слоя конца VI—VII вв.;
 II — Чернигов во второй
 а) зона распространения культурного

тому назад. Дать более детальную характеристику памятников этого периода современное состояние археологических источников еще не позволяет.

В 30—40-е годы VIII в. на Левобережье Днепра возникла настоятельная необходимость укрепления славянских посел-

VI — первой половине IX в.:

б) зона распространения культурного слоя VIII — первой половины IX в.
 половине IX—X вв.
 слоя второй половины IX—X вв.

ков вследствие конфронтации с Хазарским каганатом, начавшим в это время активную экспансию на славянские земли¹⁰. Политическая судьба Чернигова в этот период нам пока не известна, однако сам факт его существования подтверждается выявленными древностями волынцевской и роменской культур.

Причем картографирование находок VIII — IX вв. свидетельствует о заселении в это время уже всего края террасы от устья Стрижня до Елецкой горы.

С включением Чернигова в состав Древнерусского государства в его истории наступает второй этап, характеризующийся дальнейшим ростом и кристаллизацией планировочной структуры. Город занимал, по-видимому, всю южную оконечность мыса, образованного правым берегом р. Стрижень и высокой коренной террасой берега Десны, и играл важную роль в жизни данного региона и в системе княжеского полудья.

В 80—90-х годах X в., когда в Среднем Поднепровье Владимир Святославич развернул массовое строительство крепостей, черниговский детинец, видимо, был реконструирован. Тогда же происходит и заметная по археологическим материалам «перегруппировка» населения: оно как бы «стягивается» от периферийных участков на краю террас к городским стенам. Вероятно, в этот же период у подножья детинца возникает вторая линия укреплений¹¹. Судя по направлению оборонительных сооружений, они служили для защиты не только посада, но и находившейся в устье Стрижня гавани. Таким образом, характерная для феодального города структура «детинец + окольный град» формируется в Чернигове не позднее X в.

Сразу за стенами детинца начинался могильник с трупосожжениями. Неподалеку располагалось языческое святилище, о чем свидетельствует найденный в 1702 г. при земляных работах в северо-западной части детинца серебряный идол. Второе святилище находилось, вероятно, к юго-востоку от города, где на песчаной возвышенности располагались Святое озеро и Святая роща, связанные, по-видимому, с языческим культом Перуна. В Чернигове в это время, наверное, был свой князь, так как, в договоре Руси с Византией 907 г. он упоминается среди городов, в которых «седяху князья», подчинявшиеся киевскому князю Олегу¹².

По мнению ряда специалистов, это находит подтверждение в материалах Черной могилы. Сочетание в погребении большого количества дорогого оружия и культовых предметов наряду с огромными размерами курганной насыпи и пышностью погребального обряда позволили Б. А. Рыбакову предполагать, что в Черной могиле похоронен черниговский князь¹³. Подобное погребение содержал и курган княжны Черны, разрушенный в 1851 г. Другие исследователи отмечают, что «такой же характер могло носить и погребение воеводы, боярина или «старейшины града...», функции которых во многом связаны с архаической, дофеодальной традицией и в X в. были многообразны — от военных и фискальных до жреческих¹⁴.

В литературе высказывалось мнение, что первоначально детинец Чернигова находился на Елецкой горе¹⁵. Теоретически такая ситуация возможна, однако фактическим материалом эта точка зрения не подкреплена и может существовать лишь как гипотеза.

К сожалению, культурный слой IX—X вв. на городской территории исследован пока фрагментарно, что затрудняет изучение города этого времени. Картину существенно дополняет материал некрополя, древнейшие из исследованных погребений которого датируются началом X в. Раскопки черниговских курганов выявляют значительную социально-имущественную дифференциацию населения, характеризуют Чернигов этого времени как один из крупнейших феодальных центров Руси, с могущественным боярством и многочисленной дружиной. Богатый вещевой материал, полученный при раскопках курганов, свидетельствует о существовании в X в. своеобразной черниговской школы художественной металлообработки, о высоком уровне развития ремесла и культуры.

XI в. был важным этапом в истории Чернигова и всей Чернигово-Северской земли. В 1024 г., после битвы под Лиственном, Чернигов стал стольным градом Мстислава Владимировича, что существенно повлияло на увеличение объема поступающего сюда прибавочного продукта и, следовательно, на темпы роста города (третий этап). В это время происходит расширение детинца в северо-западном направлении, где был заложен новый княжий двор с величественным Спасским собором и каменными теремами. Вероятно, тогда же появляется и линия укреплений, оградившая «окольный град», подобный по площади «городу Ярослава» в Киеве. Общая протяженность этой линии составила 2600 м, глубина рва достигала 5—7 м, ширина 18—22 м. Высота валов соответственно должна была быть не менее 4-5 м.

Во второй половине XI в., в годы княжения Святослава Ярославича (1054—1073 гг.), рост города продолжается. В это время были основаны Елецкий (1060 г.) и пещерный Ильинский (1069 г.) монастыри.

Временем наивысшего подъема древнего Чернигова были XII—XIII вв. (четвертый этап). За счет присоединения северо-восточной части мыса (вплоть до берега р. Стрижень), куда был перенесен новый княжеский двор, существенно расширилась площадь детинца; она составляла теперь около 16 га при общей длине рвов 1600 м. Ров XI в., проходивший к востоку от Спасского собора, был засыпан¹⁶. Значительно отодвинулась на восток граница «окольного града», площадь которого достигала 40 га. Самостоятельную линию укреплений имел Третьяк — западный участок «окольного града». В первой половине

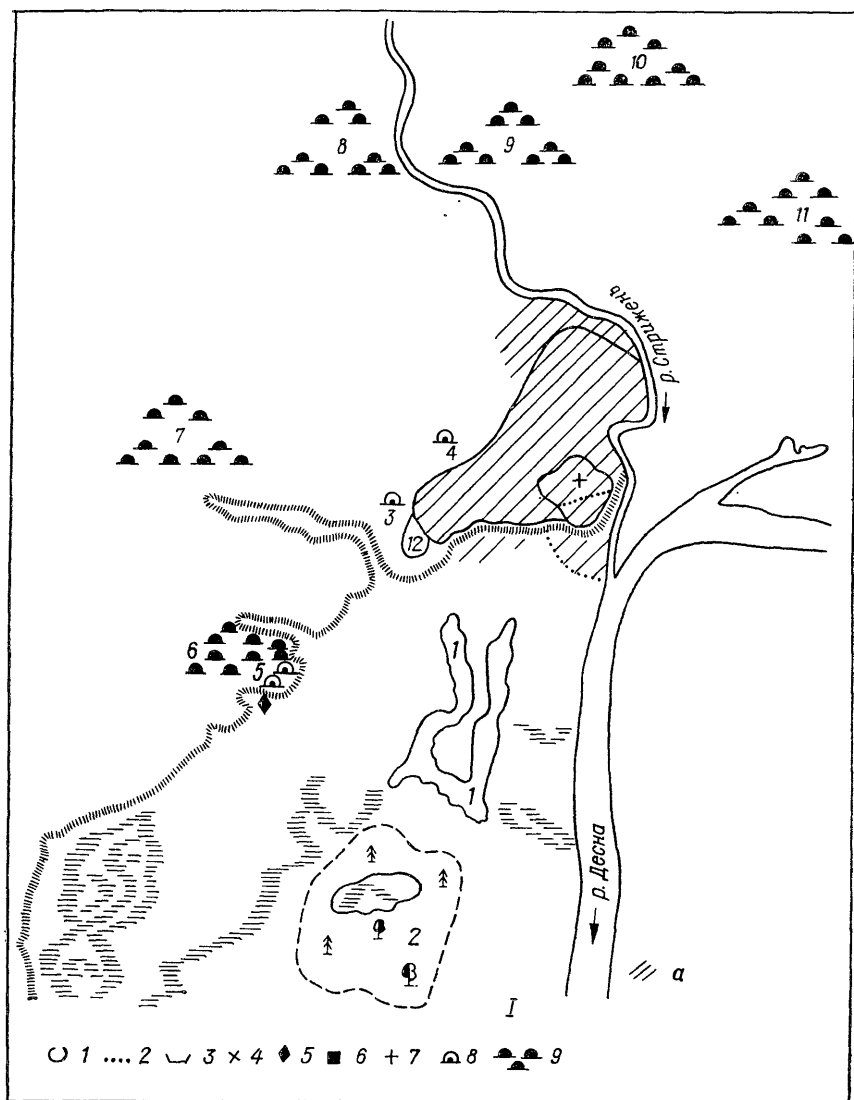
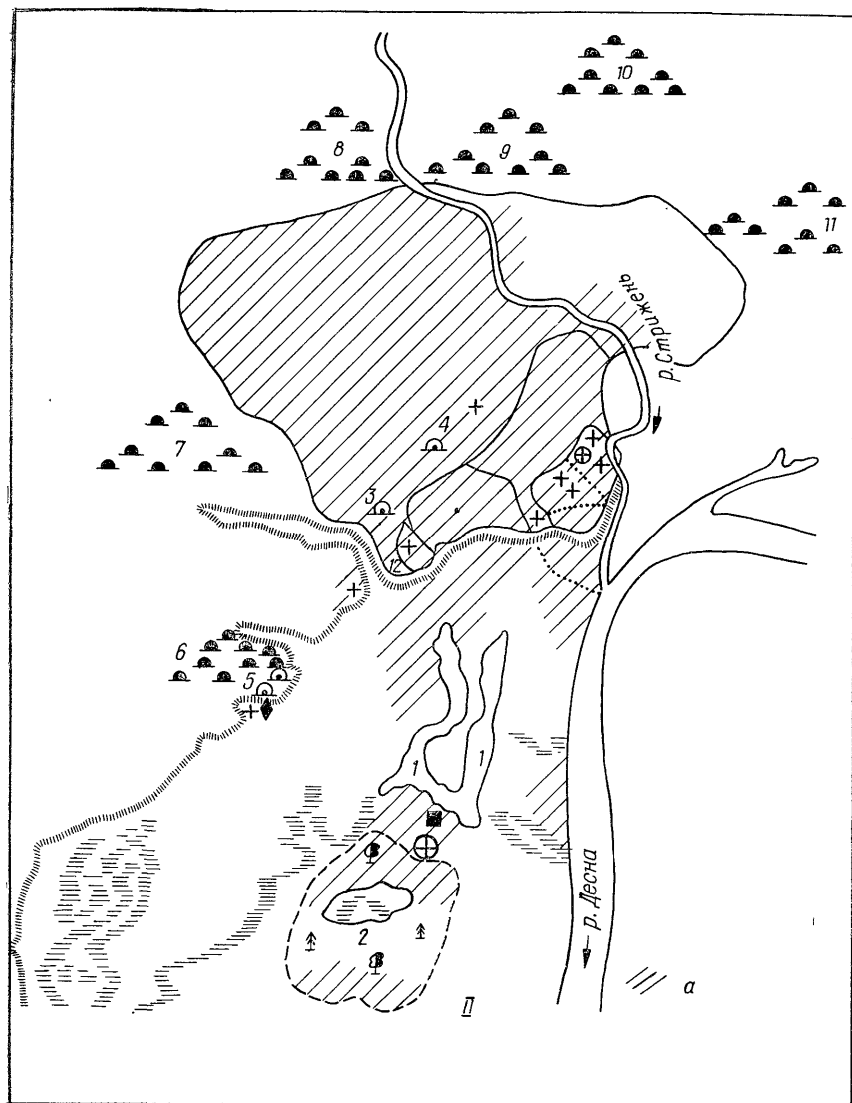

Рис. 2. I — Чернигов
 а) зона распространения культурного

II — Чернигов в XII — середине XIII в.: а) зона рас
 1 — древние укрепления (по планам XVIII в.); 2 — следы древних укреплений; 3 — сле
 щения святлиц; 5 — Ильинский пещерный монастырь; 6 — комплекс печей по обжигу
 группы (по Б. А. Рыбакову); 10 — места предполага
 1 — оз. Млиновиче; 2 — уроч. Святая рожа; 3 — Черная могила; 4 — курган «Княжны
 курганная группа на Олеговом поле; 8 — Стрижневская курганная группа; 9 — курганы
 Бобровицкая курганная группа,

в XI — начале XII в.:
 слоя XI — начала XII в.

пространения культурного слоя XII — середины XIII в.

ды древнейшего некрополя (по В. А. Богусевичу); 4 — места предполагаемого разме-
 плинфы XII в.; 7 — каменные церкви XI—XIII вв.; 8 — большие курганы; 9 — курганные
 емого расположения каменных церквей XI—XIII вв.;

Черны»: 5 — Гульбище и Безымянный; 6 — курганная группа на Болдыных горах; 7 —
 курганная группа на «Старом кладбище в Березках», 10 — курганная группа в Елов-
 щине, 11—12 — Елецкий монастырь.

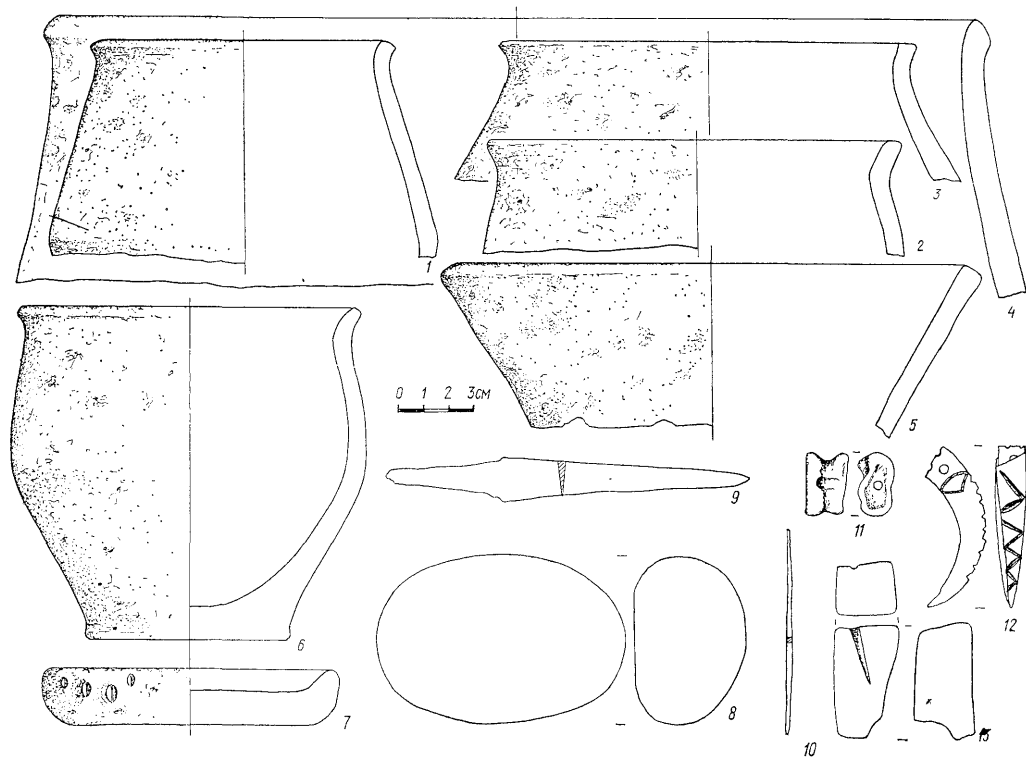

Рис. 3. Керамика и находки VI—VII вв. из раскопок 1984—1985 гг. на черниговском детинце.
 1—7 — керамика; 8, 12 — камень; 9—10 — железо; 11 — кость; 12 — кабаный клык.

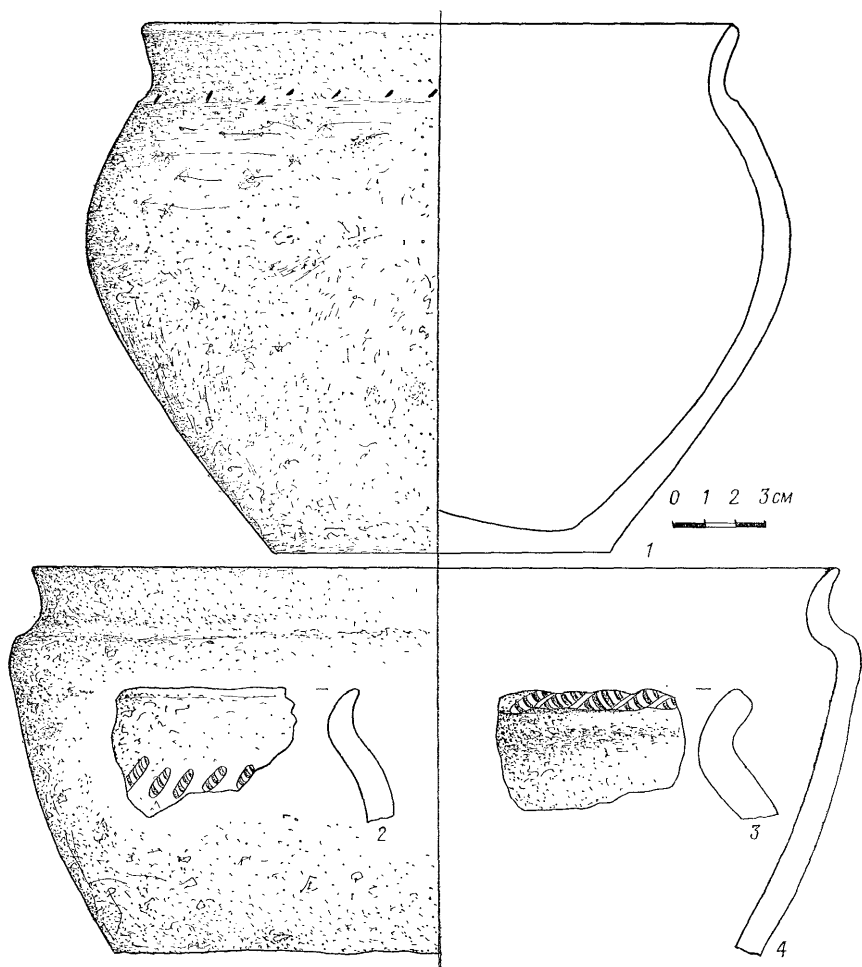

Рис. 4. Керамика VIII—IX вв. из раскопок 1984—1985 гг. на черниговском детинце (1—4).

XII в. линией укреплений из частокола, вала и рва (летописный «острог» 1152 г.) было ограждено «передгородье» — новый торгово-ремесленный район Чернигова, формирование которого началось ранее. Несмотря на пожар 1152 г., рост города продолжался быстрыми темпами, и скоро его территория вышла за пределы и этой оборонительной линии. Вследствие этого в конце XII — первой половине XIII в. были возведены новые укрепления, охватившие огромный район, значительные площа-

ди которого еще не были застроены. Продолжалось развитие черниговского Подола, площадь которого пока неизвестна. В первой половине XIII в. общая укрепленная площадь города превысила 200 га, а население — 25 тыс. человек¹⁷.

Как свидетельствуют археологические материалы, Чернигов в это время поддерживал оживленные торговые контакты со всеми древнерусскими землями, Византией, Скандинавией, Западной Европой, Волжской Булгарией и странами Востока, а черниговские купцы в XII в. достигали даже далекого Лондона. Широким спросом пользовалась продукция черниговских ремесленников. Ремесленное производство было сконцентрировано главным образом на посадах. В XII—XIII вв. в Чернигове возведены Борисоглебский и Успенский соборы, Михайловская и Благовещенская церкви на княжьем дворе, Пятницкая церковь на посадском торгу, Ильинская церковь, храмы на территории Третьяка, ул. Северянской, в «Святой роще», ворота княжеского и епископского дворов. Для обеспечения развернувшегося монументального строительства на берегах оз. Млыновище был основан крупный производственный комплекс по изготовлению и обжигу плинфы.

Бурные события середины XIII в. оборвали расцвет города, задержав его развитие на несколько веков.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.— Т. 3.— С. 49—50.

² Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли.— М., 1908.— 271 с.; Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины.— М., 1917.— 104 с.

³ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— Т. 11.— С. 7—99; Рыбаков Б. А. Отчет Советско-Болгарской экспедиции 1956 // НА ИА АН УССР.— 1956/24.— № 2646; Рыбаков Б. А. Отчет о работах Черниговской экспедиции в городах Любече и Чернигове в 1959 г. // НА ИА АН УССР.— 1959/20.— № 3358.

⁴ Богусевич В. А. Роботи Чернігівської експедиції // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 109—122; Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР.— 1955.— Т. 5.— С. 5—11; Богусевич В. А. Раскопки в Чернигове // КСИА АН УССР.— 1955.— № 4.— С. 9—11.

⁵ Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) // СА.— 1956.— Т. 26.— С. 271—292. Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследие.— 1969.— № 15.— С. 51—67.

⁶ Рыбаков Б. А. Город Кня // ВИ.— 1980.— № 5.— С. 34—35.

⁷ Рыбаков Б. А. Славяне в VI в. н. э. Предпосылки образования Русского государства // История СССР. В 12 т.— М., 1966.— Т. 1.— С. 340; Седов В. В. Восточные славяне в VI—VIII вв.— М., 1983.— С. 241—246; Новое в археологии Киева.— Киев, 1981.— С. 51 и др.

⁸ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова.— С. 10; Бліфельд Д. І. Чернігів // Археологія УРСР.— К., 1975.— Т. 3.— С. 202.

⁹ Рыбаков Б. А. Раскопки в Черниговском детинце в 1946 г. // НА ИА АН УССР.— 1946/26.— С. 13.

¹⁰ Плетнева С. А. Хазары.— М., 1976.— С. 56.

¹¹ *Шекун А. В., Кузнецов Г. А.* Работы в Чернигове // АО 1982.— М., 1984.— С. 343.

¹² *ПСРЛ.*— М; Л., 1962.— Т. 2.— Стб. 22.

¹³ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— С. 34.

¹⁴ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 74.

¹⁵ *Богусевич В. А.* Про топографію древнього Чернігова // Археологія, 1951.— Т. 5.— С. 116—126.

¹⁶ *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Чернігові ... — С. 5.

¹⁷ *Історія УРСР.*— К., 1977.— Т. 1.— С. 299.

М. Ю. Брайчевский

ПЕРВОЕ ПИСЬМЕННОЕ УПОМИНАНИЕ ЧЕРНИГОВА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДА

Чернигов — один из древнейших русских городов, начальный этап в истории которого представляет определенного рода историческую загадку. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не сообщают ничего про наиболее ранний период в развитии города, не говоря уж о его возникновении. Археология, в частности дружинные некрополи, так ярко отразившие процесс феодализации древнерусского общества, убедительно свидетельствует, что в IX—X вв. Чернигов был крупным центром общественной жизни с ярко выраженным феодальным колоритом¹, не просто городом, а сосредоточением определенной округи. Дружинные некрополи зафиксированы не только в самом Чернигове, но и в его широкой периферии (Шестовицы, Табаевка, Белоус и др.).

В то же время мы не знаем ни одного события тех времен, которое имело бы непосредственное отношение к Чернигову. Летописные свидетельства не называют имя города до 20-х годов XI в. Первое событие, при описании которого упоминается Чернигов, датируется 1024 г. (усобица Мстислава Тьмутараканского и Ярослава Мудрого)². Под 1036 г. упоминается недостроенный храм Спаса, но без имени города, где он строился³. Затем Чернигов снова исчезает со страниц летописания и появляется лишь в 1054 г. в тексте завещания Ярослава Мудрого⁴. После этого он оказывается в самой гуще событий и (вместе с Киевом, Новгородом и Переяславлем) становится в ряд наиболее часто упоминаемых городских центров.

Чернигов возник и сформировался как «племенной» центр северян. Правда, в литературе имели место попытки оспорить этот тезис, распространяя в Лесостепное Левобережье, в том числе и на черниговское Подесенье, область полян⁵. Однако это мнение не имеет под собой иных оснований, кроме стрем-

ления как-то решить проблему полянского ареала чисто кабинетным путем — за счет исторической Северщины. Это мнение убедительно опровергается летописной традицией, относящей Чернигов к северянским городам. Обратимся к той же статье 1024 г., воспроизводящей в основной своей части эпическую сагу, не без оснований приписываемую знаменитому Бояну.

Тут читаем: Мстислав Тмутараканский, которого «не прияша кыяне», «шедь съде на столъ Черниговъ». Решающая битва его с Ярославом Мудрым произошла под Лиственном: «Мъстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави съверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею (тмутараканской.— М. Б.) по крилома.. И сступися чело съверъ съ варягы, и трудишася варязи, секуще съверъ, и посемь наступи Мстиславъ, со дружиною своею и нача съчи варяги.. Мъстиславъ же о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ съчены от своих съверъ и варягы Ярославлѣ и рече: «Кто сему не радъ? Се лежитъ съверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла»⁶. Здесь под именем «север», «северяне» выступают черниговцы — население самого города, где укрепился Мстислав, и окрестности (в этом они противопоставлены тмутараканской дружине предприимчивого князя).

Не анализируя сложную проблему полян, отметим только, что ее решение в другом — в интерпретации так называемой юго-западной группы «племен» (уличи, тиверцы, бужане, дулебы, волыняне, белые хорваты) как структурного элемента Полянской конфедерации⁷.

Историческая роль Чернигова в начальный период его развития определялась именно статусом «племенного» центра — резиденции местной династии правителей. Советская наука рассматривает город как крупный торгово-ремесленный, административный и культурный центр, однако реальная история демонстрирует разные варианты, в которых какая-либо одна функция решительно преобладает над прочими. Древнейший Чернигов определенно принадлежал к числу городов, которые развивались прежде всего как политико-административные центры, хотя и экономическая сторона так или иначе проявляла себя.

В иностранных источниках Чернигов впервые упоминается в середине X в. Константином Багрянородным (в искаженной форме *Δζερνιούφα*). «Да будет известно, — пишет порфирородный историк, — что приходящие из внешней Руси в Константинополь моносылы являются из Немогарда (Новгорода.— М. Б.)..., а также из крепости Милиниски (Смоленска? — М. Б.), из Телиуцы (имя не идентифицируется.— М. Б.), Дзернигоги (Чернигова.— М. Б.) и из Вусеграда (Вышгорода.— М. Б.)»⁸.

В цитированном отрывке отражены две социальные функции Чернигова как города: функция административного центра и торгового поселения. Сообщение имеет тем большее значение, что относится ко времени в истории Чернигова, совершенно не освещенному в летописных текстах.

Однако наиболее раннее упоминание о Чернигове находим в юридических документах — в двух первых договорах Руси с греками, изложение которых помещено в «Повести временных лет» под 907 г.⁹ Заключение этих договоров приписано Олегу, однако ныне выясняется, что в действительности «Ольговы договоры» заключены Аскольдом в третьей четверти IX в.: первый — летом 860 г., непосредственно после успешного похода Киевского войска на Константинополь, второй — в 863 г. и третий — в 874 г. Переадресовка и передатировка документов осуществлена книжниками Ярослава Мудрого в 30-х годах XI в. в связи с широкой программой идеологических мероприятий, осуществленной этим князем¹⁰.

Таким образом, первые письменные упоминания о Чернигове отодвигаются вглубь на полстолетия и с первого десятилетия X в. переносятся на шестое десятилетие IX в. Первый из упомянутых договоров представляет собой изложение условий, на которых Аскольд согласился прекратить осаду Константинополя. К ним относятся контрибуция, выплаченная греками, и обязательство византийцев платить дань в пользу главных древнерусских городов «...и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переславль и на прочаа городы: по тѣм бо городомъ седяху велиции мужи, под Аскольдом суще»¹¹. Список городов, претендовавших на «уклады» в тексте третьей редакции «Повести временных лет» дополнен позднейшими редакторами (сюда введены Полоцк, Ростов и Любеч), но сначала включал только три названия (Киев, Чернигов, Переяславль). Именно эти города фигурируют в тексте следующего соглашения, где более детально и конкретно регламентированы экономические обязательства греческой стороны. Точно так же лишь три перечисленных города выступают в тексте аналогичного договора 944 г.¹², который почти дословно повторил условия Аскольдовых соглашений.

Второй договор Руси с греками, подписанный в 863 г., посвящен общим принципам, на которых должна была базироваться дальнейшая дипломатическая и торговая практика русско-византийских отношений. Лейтмотивом его стала проблема материального обеспечения приезжающих из Руси в Константинополь дипломатов и купцов. И те, и другие рассматриваются как разные социально-юридические категории, четко размежеванные друг от друга. Материальное обеспечение первых носило название «сълебного» (от термина «съль» — «посол»).

Купцы же получали «мѣсячину» (от слова «мѣсяць» — двенадцатая часть года). Она была строго ограничена во времени (шесть месяцев) и представляла собой практическую реализацию соглашения об «укладах» в пользу древнерусских городов. Следовательно, дань, которую греки обязались выплачивать Киеву, Чернигову, Переяславу и другим городам, не увозилась на Русь, а выплачивалась на месте и шла на содержание представителей этих городов. Так находил свое отражение протекционизм византийской дипломатии¹³.

В договоре 863 г. находим подробную процедуру для реализации данного соглашения. Тут читаем: «Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и послеть царьство наше (византийское. — М. Б.), и да испишут имена их, и тогда возьмутъ мѣсячное свое первое от города Киева, и поки ис Чернигова и ис Переславля, и прочии гради»¹⁴. Количество купцов, получающих месячину, не превышало 50 человек. Срок ограничивался шестью месяцами.

Таким образом, «уклады» делились на сто равных частей (ежегодно), из числа которых не каждая попадала полностью в одни руки. Очевидно, не все купцы, приезжающие из Руси, пребывали в Константинополе по полгода, большинство, наверное, завершали торговые операции скорее и отъезжали домой, освобождая место другим.

Однако нас интересуют социальные аспекты, которые до сих пор не привлекали внимание исследователей. Среди них основным является вопрос о социальном и юридическом статусе древнерусских городов, в том числе Чернигова, в ракурсе международно-правовых отношений.

В изложении первого русско-византийского соглашения после перечня городов, получивших право на «уклады», отмечено, что «по тѣм бо городомъ седяху велиции мужи под Аскольдом суще». Этим подчеркнута функция города как административного центра. В общем плане такая ситуация характерна для феодальной эпохи со свойственной ей иерархией землевладения, слитой с иерархией государственной власти. Тут города выступают репрезентантами феодальной системы.

Но какой смысл имеет цитированная оговорка в плане юридическом? Означает ли она, что в развитии русско-византийских отношений олицетворением города как социальной организации выступали феодальные владетели (очевидно, местные «племенные» династы — вассалы киевского хагана) и что слово «город», употребленное в древнерусском тексте, следует толковать как «замок»? Считаю, что нет. Такая интерпретация была бы с неоправданным упрощением действительности. Текст второго договора, как сказано, четко разграничивает юридические категории феодальной элиты («сѣлы») и купечества («гос-

ти»). Что касается вопроса о сословной принадлежности древнерусских «гостей», выступающих и в византийских источниках, то в литературе высказана мысль, согласно которой речь идет о феодальных владетелях, персонально занятых «перераспределением прибавочного продукта», поставкой на рынок материальных ценностей, полученных в виде дани (в том числе и относительно Чернигова) ¹⁵.

С точки зрения эволюции экономической системы важным является перераспределение не прибавочного, а необходимого продукта, лежащее в основе товарного производства и предполагающее наличие посреднической прослойки. Суть проблемы переносится в сферу не сословных (то есть юридических), а классовых дефиниций. Если даже феодалы в каких-то исключительных случаях действительно лично занимались сбытом полученной дани, то в тогдашней экономической ситуации они выступали в роли купцов (посредников и товарном обращении), приобретая тем самым не свойственную им классовую характеристику. Впрочем, для раннего и даже для развитого феодализма это явление не может считаться характерным: процесс обуржуазивания феодальной элиты начался гораздо позже.

Обратим внимание на то, что древнерусские города выступают в правовых документах в качестве юридического лица, полноправного контрагента византийской имперской администрации, в чем они отделены и противопоставлены древнерусской феодальной администрации. Отсюда вывод, который прекрасно вписывается в общую социально-экономическую схему: древнерусские города (по крайней мере некоторые из них) имели свою общественную организацию, перераставшую сугубо хозяйственные рамки и приобретающую политическое содержание настолько, что они могли выступать в качестве самостоятельной социальной силы в международных отношениях. Эта организация в имеющихся документах репрезентована купечеством, следовательно, содержание ее выходит за границы собственно феодальной системы отношений.

Такой вывод подтверждается другими документами, несколько более поздними (середина X ст.), которые тоже имеют правовой характер. Речь идет, в частности, о преамбуле русско-византийского договора 944 г., заключенного Игорем Старым: «Мы, от рода рускаго съли и гостье...» (следует полный список посольства, включающий более 50 имен, в том числе — 26 купеческих) ¹⁶. Таким образом, негоцианты выступают в перетрактациях как особая социальная категория, опять-таки отделенная от представителей княжеской власти. Имена феодалов легко узнаются благодаря отчествам, среди списка купцов — ни одного боярского имени! Активное участие купече-

ства в дипломатической миссии вполне понятно, поскольку основное содержание договора непосредственно касалось интересов торговой прослойки. И эти интересы представляли именно купцы, а не феодалы, якобы присвоившие себе функцию товарного посредничества.

Размежевание феодальной элиты и купечества красной нитью проходит и дальше. В частности, послы, прибывающие в Константинополь, должны были иметь золотые печати (удостоверения), а гости — серебряные¹⁷. Этим утверждалось сословное преимущество феодалов по сравнению с купечеством. Известно также, что и Ольгу в ее дипломатической миссии в Царьград сопровождали представители не только великокняжеской администрации, но и торговой верхушки¹⁸, как подчеркнуто Константином Багрянородным в описании приема киевской княгини в императорском дворце¹⁹.

Итак, древнерусские города в международных контактах того времени были репрезентованы не нобилитетом, а патрициатом. Поэтому упоминание «великих мужей», находившихся под рукою киевского правителя, в договоре 860 г. имело смысл как свидетельство политического подданства: города, о которых шла речь, входили в состав владений Аскольда. «Великие мужи» представляли собою институцию, параллельную городской организации, отражавшей зарождение локационного права в нашей стране.

Любопытны некоторые факты из области филологии. Так, употребление термина «мѣсто» (в значении греч. *λόγος*, лат. *locus*, *urbs* совр. укр *місто*, польск. *miasto* и т. д.) в текстах древнерусского времени. В некоторых случаях контекст не оставляет сомнений относительно семантики, например, выражение «и мѣста, и села», рукопись Упыря Лихого XI ст.²⁰, сравн. «мѣста и погосты» в летописной статье, посвященной реформам Ольги (945—946 гг.)²¹. Особенно важны упоминания в переводных текстах, где исследователь имеет иноязычные эквиваленты с точной фиксацией семантики (Златоструй XII в., Стихирарь XIII ст. и др.)²².

Таким образом, отмечаем наличие в некоторых древнерусских городах организации самоуправления, признаки которой фиксируются уже в середине IX в. Чернигов был среди этих городов и, следовательно, до 860 г. успел пройти долгий путь исторического развития в качестве города в современном значении слова.

Поэтому и проблему происхождения Чернигова следует спроецировать в эпоху, более древнюю, чем время Аскольда.

К сожалению, в ретроспекции черниговской истории возможности письменных источников на этом исчерпываются. Вместо них на авансцену выступают археологические материа-

лы. Нас интересует прямая традиция заселения, отражающая непосредственный процесс формирования города (трансформация протогородских поселений в городской центр). Социальное содержание поселений, участвовавших в данном процессе, тоже не было стабильным и на протяжении второй половины I тыс. н. э. прошло определенную эволюцию. В данном плане внимание прежде всего привлекают материалы волынцевского типа, обнаруженные на территории древнего Чернигова (уроч. Млыновище, район Елецкого монастыря и другие пункты)²³. Они датируются VII — VIII вв., хронология недавно подтверждена новейшими исследованиями²⁴.

Хронологические реперы сходятся и отклоняют мысль о возможном временном hiatusе. Выдвижение Чернигова в качестве одного из главнейших центров Среднего Поднепровья связано с включением части северянских земель в состав Киевской державы. Этот сложный, противоречивый процесс прошел несколько стадий. Письменные источники не сохранили прямых сведений об этом узле событий, хотя первоначальный текст «Летописи Аскольда», бесспорно, содержал какие-то сообщения, пусть в фольклорном (или псевдофольклорном) оформлении. В позднейшем летописании находим лишь глухое упоминание о конфликте наследников полулегендарного Кия с соседними племенами: «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти брать сея (Кия, Щека и Хорива.— М. Б.) быша обидимы древляни и инѣми околними. И наидоша я козарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ и рѣша козари: «Платите намъ дань»²⁵.

«Окольные» для полян — древляне и северяне, с прочими «племенами» они не имели общих границ (если юго-западных считать структурными элементами Полянского союза). Поскольку древляне названы специально, то на долю «прочих окольных» остаются только северяне. Это закономерно, ибо они уже на начальной стадии формирования Руси (VII — VIII вв.) попали в сферу интересов киевских властителей. Упоминание хазар довольно точно фиксирует хронологию — именно на VIII в. приходится апогей хазарской экспансии. Материалы волынцевской культуры, вместе с близкими правобережными памятниками пастырского типа, представляют культуру начальной Руси VII — VIII вв.²⁶

Однако процесс восточнославянской консолидации был усложнен и деформирован внешнеполитическими факторами. VIII в., как сказано, был периодом особой активности Хазарского каганата, который в середине века достиг высшего могущества. Вятичи, радимичи и большая часть северян попали под власть Хазарии, археологическим эквивалентом их выступают памятники роменской и боршевской культур²⁷. Юго-западная часть северянских земель во главе с Черниговом

вошла в состав Киевского государства: здесь распространены памятники раннерусской культуры, хорошо представленной в самом городе и на его периферии.

Итак, совокупность источников приводит к выводу, что переломным моментом в развитии Чернигова как города было время VII—VIII вв., представленное памятниками волынцевского типа. Тогда Чернигов, потеряв значение «племенного» центра, приобрел взамен функцию второго (после Киева) экономического и политического центра Киевской державы, которая именно в это время переживает быстрый процесс окончательного формирования и утверждения. Завершение этого многолинейного процесса происходит в середине IX в. Начиная с этого момента и до середины XI в. (Завещание Ярослава Мудрого) Чернигов и Переяславль входят в состав великокняжеского домена. С 1054 г. начинается история Чернигова — удельно-го центра.

¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— Т. 11.

² *Повесть временных лет.*— М.; Л., 1950.— Т. 1.— С. 99.

³ *Там же.*— С. 101.

⁴ *Там же.*— С. 108.

⁵ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ.— 1947.— Т. 6-7.

⁶ *Повесть временных лет.*— С. 100.

⁷ Брайчевский М. Ю. Походження Русі.— К., 1968.— С. 135—148; *Его же.* Восточнославянские союзы племен в эпоху формирования древнерусского государства // Древнерусское государство и славяне.— Минск, 1983.— С. 100—103.

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.— М., 1982.— С. 272.

⁹ *Повесть временных лет.*— С. 24—25.

¹⁰ Брайчевский М. Ю. О первых договорах Руси с греками // Советский ежегодник международного права, 1978.— М., 1980; Брайчевский М. Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860—863 гг.) // Советский ежегодник международного права, 1982.— М., 1983.

¹¹ Цитируем реконструированный текст: Брайчевский М. Ю. К вопросу о правовом содержании...— С. 280.

¹² *Повесть временных лет.*— С. 36.

¹³ Брайчевский М. Ю. К вопросу о правовом содержании...— С. 287.

¹⁴ *Повесть временных лет.*— С. 25.

¹⁵ Коваленко В. П. Основные этапы возникновения летописных городов Чернигово-Северской земли // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии.— М., 1985.— С. 57.

¹⁶ *Повесть временных лет.*— С. 34—35.

¹⁷ *Там же.*— С. 35.

¹⁸ Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // Византийские очерки.— М., 1982.

¹⁹ Константин Багрянородный. О церемониях // Изв. ГАИМК.— 1934.— № 91.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.— СПб., 1985.— Т. 2.— С. 246.

²¹ *Повесть временных лет.*— С. 43.

²² Срезневский И. И. Материалы...— С. 246.

²³ Богусевич Б. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП УРСР.— 1955.— Т. 5.— С. 11.

²⁴ Юренко С. П. Население Днепровского Левобережья в VII—VIII вв. н. э. (волыньцевская культура) // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии.— М., 1985.— С. 49—50.

²⁵ Повесть временных лет.— С. 16.

²⁶ Брайчевский М. Ю. Походження Русі.— С. 168—170.

²⁷ Там же.— С. 171—173.

Я. Е. Боровский

ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТРЕХ ГРУППАХ РУСОВ. АРТАНИЯ И АНТЫ

Арабские и персидские географы IX—X вв. (ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукаль и др.) на территории Восточной Европы в IX в. называют три группы русов, то есть три русских объединения — Куявию, Славию и Артанию и их главные города: Куябу (Куяву), Славу и Арту (Арсу) ¹.

Рассматривая эти свидетельства о русах и их группах, исследователи убеждены, что в них идет речь прежде всего о больших территориальных объединениях Восточной Европы, о трех отдельных русских княжествах, предшествовавших образованию Древнерусского государства. Почти ни у кого не возникает сомнений, что Куявия — это Киевская земля (Поляно-Русское княжество IX в. Аскольда и Дира) ². Местонахождение Славии и Артании объект многих исследований. Славия часто отождествляется с областью ильменских славян, а Слава — с древним городом, предшественником Новгорода ³. В Арте (Арсе) исследователи видели Рязань, Пермь, Тмутаракань, Белозеро, Ростов и другие города древней Руси ⁴.

Но при решении этих важных вопросов исследователями были использованы не все арабо-персидские источники о трех группах русов. В первую очередь это относится к персидской рукописи бельхской космогеографии «Эджаиб эт тебоат» («Наиболее заметные известия классифицированных сборников»), составленной Ибн Тагиром в 1702 г. ⁵

По мнению академика А. Е. Крымского, источником для «Эджаиб» стали труды известных арабских и персидских географов и историков IX—XIV вв., а также утраченные для нас книги ал-Балхи, труд которого «Карта климатов» в первоначальном виде к нам не дошел, а известен лишь в переработках X в. (ал-Истахри и Ибн Хаукаля) и неизвестного нам автора второй половины IX в. Соответственно, Русь по «Эджаиб» (а вернее, по неизвестному автору IX в.) — это большое государ-

ственное объединение с тремя центрами, то есть Русь не позднее IX в.⁶ Заметим, что, по мнению А. Е. Крымского, Ибн Тагир ничего от себя не добавлял, а «делал точную выписку из древнего источника»⁷.

Названия же трех основных центров в стране русов поданы в «Эджаиб» в более понятной форме: Куйаве, Черник, Хород Серзк. А. Е. Крымский, первооткрыватель названной рукописи, рассматривая вопрос о размещении трех групп русов по всем известным восточным источникам (в том числе и по «Эджаиб»), был убежден, что Куяба (Куйаве) — это Киев, центр племенного союза полян, Слава — это город Чернигов, центр Славии, Арта-Новгород-Северский, в далеком прошлом — важный центр (Артании) Северной земли⁸.

Подтверждение новому взгляду на три центра русов находим и в других древних источниках. В персидской географии «Границы мира» («Худут ал-Алам», 983 г.) названа река русов, на которой стоят города Ортаб, Слаб, Куйафе⁹. Река русов — это Десна с Днепром, главная водная артерия Киевской, Черниговской и Северной земель. Ортаб, Слаб и Куйафе размещены в том же порядке, как и у ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукаля, то есть вниз по течению реки, как и Новгород-Северский, Чернигов, Киев¹⁰. Указанные Ибн Тагиром названия городов (Куйаве, Черник, Хород Серзк) как центров трех групп русов графически близки городам русов персидского географа XII в. Ахмеда ат-Туси, пересказавшего в своем труде произведение Ибн Фадлана «Рисале» (922 г.): «Киава, Черник, Серрук»¹¹.

Таким образом, Киев, Чернигов и «город Севрск» (Северск) упоминаются арабо-персидскими источниками как главные города на Руси во второй половине IX — начале X вв. Их свидетельства подтверждает и «Повесть временных лет», называя в 907 и 945 гг. главными городами Руси Киев, Чернигов, Переяславль¹². По всей видимости, упоминаемый в Житии Стефана Сурожского Новаград (имеется в виду поход русских на Сурож в первой половине IX в.)¹³ является городом Северной земли.

Делению территории Восточной Европы в IX в. на три раннегосударственных образования не противоречат и археологические материалы. На месте Киева и Чернигова древние городища известны уже с конца V — VII вв.¹⁴ Удобное географическое положение Киева, Чернигова и Новгорода-Северского согласуется с определением восточных источников о Куябе, Славе и Арте, размещенных на водном пути Десна — Днепр: на высоком правом берегу Днепра (Киев) и Десны (Чернигов, Новгород-Северский). О размещении Куябы, Славы и Арты на горах, к тому же укрепленных, сообщает и ал-Идриси¹⁵.

Все сказанное дает возможность определить на территории Восточной Европы в IX в. три племенных объединения (княжества): Куявию — Киевскую землю (Полянскую Русь) с центром в Киеве, Славию — Черниговскую землю с центром в Чернигове (возможно, сюда входила и часть Переяславщины), Артанию — Северскую землю с центром в «городе Северск» (позднее Новгород-Северский) ¹⁶.

Заметим, что некоторые ученые (Л. Нидерле, Б. А. Рыбаков) усматривают в известиях арабо-персидских историков антские времена ¹⁷, что дает возможность связывать известия о трех группах русов с антскими древностями, а Артанию (Арту) отождествлять с антами из византийских источников. Действительно, такая связь между названиями Артания (Арта) и антами VI — VII вв., а последних с северянами прослеживается на примере свидетельств византийских историков.

Уже Феофилакт Симокатта, описывая войны на Балканском полуострове, упоминает о походе аварского полководца Апсиха в 602 г. на союзников римлян — антов: «Тем временем каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском с приказом истребить племя антов, которые были союзниками римлян» ¹⁸. Так сказано в издании «Истории» 1887 г., с которого сделан русский перевод. Тут действительно называются анты, племя антов, союзники римлян ¹⁹. В другом списке сочинения Симокатты вместо этнонима «анты» употреблен этноним «арты» ²⁰. Л. Нидерле была известна еще одна византийская рукопись историка, где говорится об артах ²¹.

Следовательно, у Феофилакты Симокатты в разных списках его сочинения употребляется этноним «анты» и «арты». Думаем, что написание «арты» нельзя считать за ошибку. Несомненна и тождественность обоих этнонимов. Внимательное чтение «Истории» Феофилакты Симокатты дает возможность правильно понять и племенную принадлежность антов — артов.

По поводу карательной экспедиции Апсиха против антов высказывались различные предположения и догадки. Наиболее распространено мнение, что поход аварского полководца был где-то в пределах славяно-антских владений на территории Восточной Европы ²². В. П. Петров, например, считает, что авары достигли верховьев Буга — Днепра, области, где в то время жили дулебы, и Апсих выполнил приказ кагана, уничтожив антов ²³.

Однако у византийского историка сказано, что на двадцатом году царствования Маврикия главнокомандующим на Балканах был назначен магистр Петр, который в 602 г. перешел Дунай и «повоевал» много славян. Были серьезные столкновения и с аварами... Каган, получив известие о нападении ромеев, направил сюда полководца Апсиха с войском и приказал

уничтожить племя антов (артов), бывших союзниками византийцев²⁴. Историк подчеркивает, что Апсих пришел «сюда», то есть на Дунай, ибо выше рассказывается о переходе ромеев через Истр: «Гудуин, переправившись через реку (Истр), острием меча погубил множество врагов и захватил большое количество пленных, чем приобрел великую славу. Тем временем каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха»²⁵.

Поход Апсиха на Дунай согласуется со свидетельством другого византийского историка — Феофана. В «Хронографии» Феофана повествуется о том, что «стратиг Фракии Петр послал ипостратига Гудуина за Истр, захватил большую добычу. Узнав об этом, хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов как союзников ромеев. После того, как это случилось, часть варваров перешла к ромеям»²⁶. Группа списков «Хронографии» дает чтение «моряков». В. И. Оболенский и Ф. А. Терновский, пользовавшиеся бошским изданием «Истории» (1839 г.), переводят «перевозчиков»²⁷. Здесь имеется в виду одно и то же племя антов, которые в войне 602 г. занимались речным перевозом на Дунае.

Таким образом, по свидетельству византийских историков Феофилакты Симокатты и Феофана, ни о какой карательной экспедиции ипостратига аварских войск Апсиха в страну антов в 602 г. не может быть и речи. Анты, арты, моряки (перевозчики) находились тогда на Балканах как союзники греков. И, наверное, пришли сюда на своих челнах-однодеревках из других мест. Ведь события, о которых рассказывалось выше, происходят летом (до сентября месяца)²⁸, и анты-арты-моряки византийских историков могли пользоваться великим водным путем, который позднее известен как путь «из Киева в греки»²⁹.

Очевидно, арты-анты — это та часть восточных племен, которая была союзником греков в 602 г., а потом даже поселилась на Балканах (на правой стороне Дуная), на территории современной Болгарии. Недаром Феофан писал, что болгары после успешной борьбы с греками застали на завоеванной территории семь славянских «родов, северов»³⁰. Северы (северяне) четко противопоставляются остальным славянским племенам. Жили они вблизи от Варны и Одиссы, в местности, хорошо укрепленной рекой Дунаем, ущельями и Понтийским (Черным) морем. После завоевания болгары поселили их в области северных предгорий Балкан (у Черного моря). Северы не платили дань, долгое время жили под властью своего князя³¹.

По письменным источникам, племя «северов» (северян) заселяло Нижнее и Среднее Подунавье начиная с VI — VII вв.³² В VIII в. северяне известны и в Македонии. Их князь Славун

вел войну с императором Константином V, потерпел поражение и был взят византийцами в плен³³.

Как известно, летописец называет племя «север» (северян) в числе древнейших славянских племен на территории Восточной Европы, живущих по Десне, Сейму и Суле³⁴. Северян дунайских с северянами на Десне, Сейме и Суле связывал уже Л. Нидерле³⁵. Археологические материалы северян деснянских и северян дунайских VI — VII вв. хорошо изучены. Сравнение этих материалов говорит об их идентичности³⁶.

Очевидно, северяне дунайские являются выходцами из Поднепровья, антами-артами-моряками, которые упоминаются в VI — VII вв. византийскими писателями, что дает основания отождествлять северян с антами-артами 602 г. Об этом мы узнаем также из арабских источников IX — X вв., которые корнями своими уходят в VI — VII вв. н. э.³⁷

¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о трех группах русов // Древнерусское государство и его международное значение.— М., 1965.— С. 411—414.

² Там же.— С. 415, 419.

³ Пархоменко В. А. Три центра Руси.— ОРЯС.— Спб., 1913.— Т. 18.— Кн. 2.— С. 79; Греков Б. Д. Политическая и культурно-историческая роль Киева.— М., 1944.— С. 8; Мауродин В. В. Образование древнерусского государства.— Л., 1945.— С. 204; Карасик А. М. К вопросу о третьем центре древней Руси.— ИЗ.— 1950.— Т. 35.— С. 204; Новосельцев А. П. Указ. соч.— С. 416—417.

⁴ Карасик А. М. Указ. соч.— С. 204; Монгайт А. Л. К вопросу о трех центрах древней Руси.— КСИИМК.— 1947.— Вып. 16.— С. 103—113; Новосельцев А. П. Указ. соч.— С. 417—419.

⁵ Центральная научная библиотека АН УССР. Отдел рукописей.— Ф. 36.— № 71.— Л. 8—9; Ф. 1. № 25460.— Л. 10—11.

⁶ Там же.— Ф. 36.— № 71.— Л. 8.

⁷ Там же.— № 19.— Л. 37.

⁸ Там же.— № 71.— Л. 8—9; Ф. 1.— № 25460.— Л. 10—11.

⁹ Там же.— Ф. 36.— № 71.— Л. 10—11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фаллана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.— Харьков, 1956.— С. 153, 284.

¹² Повесть временных лет.— М.; Л., 1950.— Ч. 1.— С. 24, 36.

¹³ Васильевский В. Г. Труды.— Пг., 1915.— Т. 3.— С. 95.

¹⁴ Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л., 1958.— Т. 1.— С. 92—105; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва.— К., 1970.— С. 42—55; Толочко П. П. Древний Киев.— Киев, 1983.— С. 24—29; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 10; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам.— М., 1908.— С. 44.

¹⁵ Новосельцев А. П. Указ. соч.— С. 413—414.

¹⁶ Боровський Я. Е. Куявія, Славія і Артанія за історичними та археологічними джерелами // Дослідження з слов'яноруської археології.— К., 1976.— С. 135—146.

¹⁷ Niederte L. Slowanské starožitnosti.— Praha, 1906.— D. 2.— S. 1.— S. 267—271; Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // ВДИ.— 1939.— № 1.— С. 336—337.

¹⁸ Феофилакт Симокатта — История.— М., 1957.— С. 180.

¹⁹ *Pheshylacti Simocattae. Historiae.*— Lipsiae, 1887.— P. 293.

²⁰ *Fheophylacti Simocattae*. Historiarum.— Bonn, 1834.— P. 323.

²¹ *Niederle L.* Op. cit.— S. 222.

²² Петров В. П. Письменные источники о гуннах, антах и готах // КСИИМК.— 1970.— Вып. 121.— С. 72—73; Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // СА.— 1972.— № 4.— С. 127 и др.

²³ Петров В. П. Указ. соч.— С. 72—73.

²⁴ Феофилакт Симокатта. Указ. соч.— С. 179—180.

²⁵ Там же.— С. 180.

²⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора.— М., 1980.— С. 58.

²⁷ *Летопись византийца Феофана*.— М., 1890.— С. 215.

²⁸ Феофилакт Симокатта. Указ. соч.— С. 180.

²⁹ *Повесть временных лет*.— Ч. 1.— С. 11.

³⁰ Чигуров И. С. Указ. соч.— С. 62.

³¹ Там же.— С. 122.

³² Ангелов Д. Образуване на българската народност.— София, 1971.— С. 158, 198.

³³ *История Византии*. В 3-х т.— М., 1967.— Т. 2.— С. 57.

³⁴ *Повесть временных лет*.— Ч. 1.— С. 11.

³⁵ *Нидерле Л.* Славянские древности.— М., 1956.— С. 159.

³⁶ Березовец Д. Т. До питання про літописних северян // Археологія.— 1953.— Т. 7.— С. 33, 38; Сухобоков О. В. Славяне днепровского левобережья.— Киев, 1975.— С. 41—57; Выжарова Ж. Н. Славяне и праболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры // Славяните и средиземноморският свят VI—XI век.— София, 1973.— С. 239—246, 254—255.

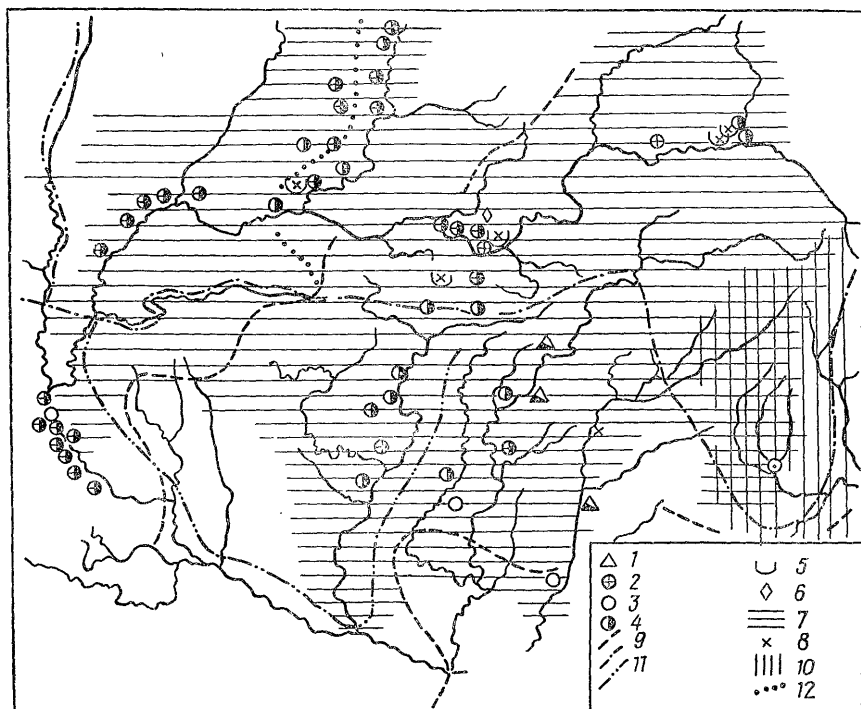
³⁷ Боровский Я. Е. Вказ. праця.— С. 135—145.

О. В. Сухобоков

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА В VII—XIII вв.

Исследование раннесредневековых памятников данной территории началось аматорскими раскопками в 30-х годах XIX вв. (В. В. Пассек, А. А. Дмитриуков). Сплошное обследование городищ по левым притокам Днепра, предпринятое в конце XIX в. Д. Я. Самоквасовым, В. Г. Ляскоронским, Н. Е. Макаренко, продолжалось в советское время (И. И. Ляпушкин, П. Н. Третьяков, Д. Т. Березовец и др.). Открытие и выделение раннеславянских памятников роменского типа и близких им волынцевских связано с именем Н. Е. Макаренко (начало XX в.), однако осмысление последних в качестве особой группы произошло лишь 40 лет спустя (Д. Т. Березовец, Ю. С. Виноградский). В настоящее время предпринимаются попытки выделения волынцевских древностей в волынцевскую культуру (С. П. Юренко).

В начале XX в. на территории Левобережья открыты синхронные раннеславянским памятники алано-болгарских племен, ныне известные как памятники салтово-маяцкой культуры (В. А. Бабенко, А. А. Спицын, Ю. В. Готье, И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнева и др.).

Карта-схема археологических культур Левобережной Украины VII—XIII вв.
 1 — городища; 2 — селища, на которых производились раскопки; 3 — селища, известные по разведкам; 4 — памятники с материалами волынцевской культуры; 5 — бескурганные могильники; 6 — клады; 7 — ареал роменской культуры; 8 — отдельные погребения из разрушенных могильников; 9 — границы лесостепи; 10 — ареал салтово-маяцкой культуры; 11 — границы Черниговской и Переяславской земель; 12 — границы Новгород-Северского княжества в середине XII в.

Древнерусские памятники на левом берегу Днепра в дооктябрьский период исследовались Д. Я. Самоквасовым, в советское время (40—60-е годы) они раскапывались В. А. Богусевичем, Д. И. Блифельдом, Б. А. Рыбаковым, И. И. Ляпушкиным, Д. Т. Березовцом и др., с 70-х годов — Ю. Ю. Моргуновым, В. П. Коваленко, А. В. Шекуном, автором настоящей статьи.

Таким образом, на территории Днепровского Левобережья в указанное время отмечено наличие по меньшей мере четырех археологических культур (АК). Три из них — волынцевская, роменская и древнерусская — оставлены восточными славянами, а четвертая — салтово-маяцкая — алано-болгарскими племенами. При этом две первые имеют локальный характер, в то время как древнерусская, будучи культурой Киевской Руси

(ККР), и салтово-маяцкая, представляющая культуру Хазарско-го каганата, охватывают все население входивших в их территориальные рамки регионов (рисунок).

Среди всех названных культур только хронология древнерусской культуры (ККР) является бесспорной (конец — IX — 30-е годы XIII в.). Датировка предгосударственных АК разными исследователями определяется по-разному — в зависимости от их взглядов на этнокультурную ситуацию в I тыс. н. э. на территории Днепровского Левобережья. Так, для памятников волынцевской культуры (ВК) — это VII — VIII вв. (Д. Т. Березовец, О. В. Сухобоков, С. П. Юренко) или VIII — IX вв. (И. И. Ляпушкин, Е. А. Горюнов)¹; для роменской культуры (РК) — VIII — X вв. (Н. Е. Макаренко, П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, В. В. Седов и др.) или вторая половина VIII — начало XI в. (О. В. Сухобоков, А. А. Узянов)²; традиционная датировка VIII — X вв. салтово-маяцкой культуры (СМК) в настоящее время скорректирована С. А. Плетневой (середина VIII — начало X в.), имеются, однако, попытки опустить ее границу в целом до VII в. (И. А. Баранов, М. Г. Магомедов)³.

Нетрудно заметить нечеткость хронологических рамок названных культур. На наш взгляд, вряд ли возможно объяснять такое положение только недостаточностью строго датирующих находок и скудностью письменных источников: имеются археологически фиксируемые определенные периоды сосуществования самих АК во времени. Такое положение требует внимательного рассмотрения этих периодов для выяснения культурно-генетической преемственности, а также установления этнографической атрибуции восточнославянских АК территории Левобережной Украины.

Ранее высказывалось (Д. Т. Березовец, С. В. Сухобоков)⁴ и в настоящее время развивается мнение, согласно которому ВК является «культурной подосновой» РК (С. П. Юренко)⁵, что предполагает генетическую преемственность между этими культурами. Думается, что в этой связи следует остановиться на краткой характеристике этих, очевидно, близких АК.

Волынцевская культура распространена в бассейнах Десны, Сейма и по берегам других левых притоков Днепра, занимает районы с лесным ландшафтом, причем выходит на киевское Правобережье. В настоящее время известно свыше 50 памятников ВК, из них наиболее изученным является комплекс (селище и могильник) у с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. (Д. Т. Березовец, О. В. Сухобоков, С. П. Юренко). Волынцевские поселения представлены селищами, расположенными близ воды, с жилищами полужемляночного типа, прямоугольной в плане формы площадью 12—30 м², с печами в

материковых останцах или очагами. Хозяйственные ямы находятся в самом жилище, часто в виде подбоя в одной из стен. Застройка кучная: группировка построек по их назначению отсутствует.

Могильники ВК грунтовые с сожжением на стороне и урновыми захоронениями на незначительной глубине; в некоторых случаях прослежены оградки вокруг погребений, обычно сопровождаемые стравницами.

Керамический комплекс ВК представляет сочетание лепной и гончарной технологий в соотношении 9:1. Среди лепной посуды ведущей формой являются корчагообразные горшки (8 типов) и миски (4 типа), выделяются 5 типов сковородок; орнаментация — пальцево-ногтевые защипы по срезу венчика и бортику, иногда веревочный оттиск по плечикам. В группе гончарной посуды выделены 5 типов горшков, 3 типа мисок, 2 типа импортных амфор, а также кружки, плошки, кувшины; орнаментировка выполнена в технике сплошного или частичного лощения вертикальными, пересекающимися линиями в сочетании с многорядной врезной волной и оттисками гребенчато-накольчатого штампа (С. П. Юренко) ⁶.

Среди орудий труда с поселений ВК имеются узко-и широколопастные наральники, серпы, косы-горбуши, топоры и т. п. (клад 1984 г. на Битицком поселении); предметы вооружения немногочисленны, это наконечники стрел аварского типа, обрывки кожаных поясов, боевые ножи (Волынцевский могильник), слабоизогнутая сабля раннего типа (раскопки 1985 г. в Битице).

Хронология ВК обосновывается ранними салтовскими импортами, бусами, имеющими аналогии в рязанских и аланских могильниках, браслетами с расширенными несомкнутыми концами, находками кладов, датировка вещей в которых не выходит за рамки VI—VIII вв. (А. К. Амброз, Н. Я. Мерперт, В. Б. Ковалевская и др.).

В отличие от ВК роменская культура занимает исключительно территорию Левобережья. В настоящее время известно более 250 городищ и могильников, распространенных от Верхнего Подесенья на северо-западе и до среднего течения Северского Донца на юго-востоке.

Поселения РК комплексные, состоят из укрепленной части городища и обширного неукрепленного селища, обычно они занимают мысы крутых коренных берегов или их останцы. Оборонительная линия в виде валов и рвов охватывает небольшую (1,5—2 га) площадку, к которой примыкает селище, иногда в комплексе с курганным могильником. Жилища — полуземлянки каркасно-столбовой или срубной конструкции подпрямоугольной в плане формы, с вырезанной в останце

кубовидной печью, ориентированы углами или сторонами по странам света, их площадь не превышает 25—30 м². Хозяйственные сооружения располагались вблизи жилищ, составляя с ними единый комплекс.

Могильники РК — курганные, с захоронением в урнах праха сожженных на стороне в верхней части насыпи; в более поздних — в середине ее и в основании (Дорошевка, Каменное, Скоробогатки). Известны различия в погребальной обрядности в самых различных районах Левобережья Днепра (Г. Ф. Соловьева).

Керамический комплекс содержит преимущественно лепную посуду конусовидных и округлобоких форм со своеобразной орнаментацией косыми, крестообразными, «в елочку» и т. п. оттисками веревочного штампа, иногда — небрежной многорядной волной, пальцевыми отпечатками по плечикам и срезу венчика. Известно более 50 орнаментальных мотивов. Нами выделены 5 типов горшков, 3 типа мисок и 3 типа сковородок. Среди немногочисленной гончарной посуды представлены импортные причерноморские амфоры и салтовские кувшины. На финальном этапе РК появляется оригинальная гончарная посуда (Монастырище, Донецкое, Каменное), а также общерусские горшки «курганного типа». При этом отмечается сосуществование лепной роменской и гончарной керамики общерусских образцов конца IX — начала XI в. (Горбово, Монастырище).

Общая хронология РК, впервые предложенная Н. Е. Макаренко (VIII—X вв.), подтверждается находками арабских диргемов (Новотроицкое, Путивль, Лухтовка), салтовских предметов, хорошо датированными находками, произведенными в Киеве и Чернигове. В настоящее время есть некоторые основания подразделять РК на два периода: ранний (VIII—IX вв.) и поздний, датируемый X началом XI в.⁸

Культурно-генетическая близость памятников обеих групп проявляется в дальнейшем развитии основных черт ВК в РК. Это — характер занятий населения, тип и конструкция жилищ, ведущие формы керамического комплекса, приемы и техника орнаментации, несомненная схожесть погребального обряда. Думается, что вполне допустимо рассматривать ВК и РК как единую археологическую культуру — ВРК, которую, на наш взгляд, можно называть северянской, поскольку она представляет собой археологическое выражение духовной и материальной культуры славянского населения Днепровского Левобережья, еще до VI н. е. оформившегося в племенной союз «Север». Этот союз явился одним из основных компонентов предгосударственного объединения Русь, «Русь в узком значении».

Есть, однако, некоторые особенности РК, которые невозможно вывести из ВК, например, характер и топография поселений, курганные могильники. Таким образом, здесь мы не можем говорить о прямой археологической культурной преемственности рассматриваемых культур Днепровского Левобережья. Точно так же, нет прямой связи между ВРК и ККР, что, впрочем, в равной степени относится и к восточнославянским АК других регионов Восточной Европы.

Видимо, в данном случае решающее значение имеет совокупность факторов социально-экономического и идеологического порядка, вызвавших резкое изменение материальной культуры предгосударственных племенных образований в момент возникновения Киевской Руси. Это тем более верно, что нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь значительных этнических перемещениях в Северном Причерноморье. Так, по данным палеоантропологии, физический облик населения Днепровского Левобережья остается практически неизменным со времен черняховской культуры (II — V вв. н. э.) до первых столетий II тыс. н. э.

Не касаясь в данной работе дискуссионного вопроса о времени появления славян на территории современной левобережной Украины, отметим то обстоятельство, что при анализе недатированной части «Повести временных лет» Б. А. Рыбаков пришел к выводу о существовании восточнославянских племенных союзов уже в VI в.⁹ Именно к этому веку относится создание военно-политического союза племен Среднего Поднепровья — Русь, образованного полянами и северянами. Само это уже предполагает некоторый период существования названных племен задолго до образования их союза. В VI — VII вв. в составе этого союза северяне принимают участие в колонизационном движении славян в Дунайскую низменность и на Балканы. На это, в частности, указывает прямое упоминание Феофаном северян под 671 г. среди семи славянских племен, обосновавшихся в Добрудже. Интересно отметить, что именно в этом районе отмечено скопление гидро- и топонимической номенклатуры с корнем РОС — (П. Н. Третьяков)¹⁰, которая свидетельствует о среднеднепровском происхождении племенного союза.

В свете сказанного представляется ошибочным мнение В. В. Седова, относящего появление славян на Днепровском Левобережье к середине I тыс. н. э., но при этом отрицающего существование у них племенной организации и племенного имени вплоть до VIII в. А ведь только в условиях племенной организации возможно формирование дружин, заключение военных союзов, участие в походах к границам Византии. Высказанные соображения дают нам основание говорить о севе-

рянском населении Левобережной Украины с VI — VII вв., хотя есть мнение об еще большей древности их истории (Г. Ловмянский).

В отечественной историографии сложилась точка зрения, согласно которой Днепр служил границей между племенными территориями полян и северян (Н. П. Барсов, С. М. Середонин и др.). В настоящее время некоторыми авторами предложено сужение территории, занятой северянами. При этом неоправданно расширяются границы полянского племенного союза, и значительная часть Левобережья отводится «черниговским полянам» (Б. А. Рыбаков, И. П. Русанова)¹¹. В качестве аргумента приводится порядок захоронения в подкурганых ямах по обряду трупоположения, который якобы характерен исключительно для полян. Однако это неверно, поскольку, будучи обязан своим появлением раннему проникновению христианства (А. П. Моця)¹², он не может служить надежным этнографическим индикатором. Вместе с тем здесь игнорируется наличие роменских (то есть, северянских) материалов в самом Чернигове и западнее (Любеч, Чаплин, Колочин), а также севернее него (Брянск, Трубчевск).

Видимо, правильнее говорить не о расширении племенной территории полян, а, скорее всего, о вхождении Деснинско-Днепровского междуречья в рамки молодого Древнерусского государства и включении какой-то части северян в процесс культурной интеграции, вызванной его образованием.

Возникновение Хазарского каганата в середине VII в. и его экспансия в районы Северного Причерноморья, а затем и на восточнославянские земли резко обострили историческую ситуацию на Левобережной Украине¹³, которая к середине VIII в. оказалась разделенной на территорию западных и восточных северян. При этом восточные северяне, как и некоторые другие славянские племена, попали в зависимость от хазар, став их данниками. Фактор возросшей внешней опасности и факторы внутреннего развития приводят к консолидации западных северян вокруг Чернигова точно так же, как и полян вокруг Киева. В обоих случаях процесс этот был единоплавленным, что и вызвало появление сходных черт в материальной и духовной культуре, например в погребальной обрядности: сооружение срубных гробниц с трупоположением на правом берегу Днепра и с трупосожжением на Левобережье в IX — X вв. Появление ямных подкурганых погребений с трупоположением на северянской территории в X — XII вв. может говорить только о государственном освоении их земель после освобождения из-под власти Хазарского каганата (А. К. Зайцев) в результате его внутреннего разложения и похода Святослава. Вероятно, только после этих походов можно говорить об

окончательном включении северян в состав Древнерусского государства. Сообщение же летописи о присоединении северян Олегом (884 г.), видимо, относится к той их части, которая концентрировалась в черниговском Подесенье. С утратой хазарами политического господства в Северном Причерноморье в состав Киевской Руси, наряду с восточными северянами, вошла какая-то часть оседлого населения СМК, в юго-восточных районах Левобережья обитавшая чересполосно с северянами. На наш взгляд, это находит свое подтверждение в том обстоятельстве, что в пантеон Владимира были включены божества иранского происхождения — Хорс и Симаргл, причем функции первого были тождественны роли чисто славянского божества Дажьбога. В пользу такого предположения говорит и стойкое тяготение Тмутаракани к Чернигово-Северской земле, которая настойчиво осуществляла свой суверенитет по отношению к первой на протяжении XI—XII вв. И, видимо, не случайно этнически смешанные обитатели Саркела — Белой Вежи ввиду усилившегося натиска половцев в 1117 г. переселяются на Черниговщину и основывают одноименный город в среде родственного населения. В пользу генетического участия племен СМК в формировании населения Левобережья говорит и сходство основных показателей краниологических серий из салтовских катакомбных и курганных древнерусских могильников с этой территории¹⁴. Археологически это выражается в присутствии элементов СМК на волынецких и роменских поселениях на территории от Северского Донца до Припяти.

Интеграция ВРК в общерусскую культуру была продолжительной: от Олега до Владимира Мономаха. В течение определенного периода она сосуществует параллельно с общерусской, будучи культурой преимущественно сельских районов. Вместе с тем, в воздвигнутых Владимиром I городах-крепостях общегосударственной оборонительной черты по Десне, Сейму, Суле и другим притокам Днепра культура их жителей практически не отличается от культуры населения центральных районов Древнерусского государства. Естественно, что процесс встраивания ВРК наиболее интенсивно происходит в черниговском Подесенье, в то время как в периферийных районах в закрытых комплексах XI в. отмечают находки лепной роменской и общерусских образцов гончарной посуды (Монастырище, Гочево, Горналь, Ницаха и др.)

Будучи племенным центром западных северян, Чернигов, как известно, вместе с тем являлся и одним из трех политических центров Русской земли. Однако, мы не имеем достаточно обоснованных данных, чтобы говорить о политической истории Чернигово-Северской земли до 20-х годов XI в. Летописное упоминание о «своих княжениях» является слишком общим и,

видимо, относится еще к дохазарскому периоду. Мало что дает для решения этого вопроса и археология: приводимые в качестве аргумента в пользу существования племенного северянского княжения материалы раскопок Черной могилы вызывают различные толкования (А. Н. Насонов и Б. А. Рыбаков).

В 1023 г. Мстислав Владимирович, княживший в далекой Тмутаракани, попытался захватить Киев, но, столкнувшись с сопротивлением киевлян, вынужден был довольствоваться Черниговом. Несмотря на то, что они с Ярославом разделили на основании договора 1026 г. русские земли по Днепру, непродолжительное правление Мстислава в Чернигове (умер в 1036 г.) нельзя рассматривать как попытку политического обособления Чернигово-Северской земли: братья совместно проводили политические акции, вместе участвовали в военных походах и делили военную добычу. После смерти Мстислава Ярослав становится единовластным государем Руси. Незадолго до своей смерти в 1054 г. он разделил земли между сыновьями, причем Чернигово-Северщина стала владением Святослава, а Переяславщина — Всеволода. До начала 70-х годов старшие Ярославичи совместно решали все вопросы внутренней и внешней политики, но в 1073 г. триумvirат распался в результате интриг Святослава, ставшего великим киевским князем (до 1076 г.) Его сменил Всеволод, княживший с небольшим перерывом до своей смерти в 1093 г.

В 1073—1078 гг. на черниговском столе сменяются шесть князей с разными периодами правления: от трех лет (Всеволод) до нескольких дней (Борис Вячеславич). До 1094 г. в Чернигове княжит Владимир Всеволодович (Мономах), изгнанный Олегом «Гориславичем» в Переяславль. Однако Олег не смог укрепиться в Чернигове и после Любечского съезда в 1097 г., соглашения которого были закреплены последовавшими затем княжескими съездами в 1100 и 1103 гг., княжил в Новгороде-Северском. Это первая попытка выделения Северщины из Чернигово-Северской земли. Новое удельное княжество было сформировано из Сновской тысячи и Посеймья. Олег не оставлял своих попыток захватить старший стол. В 1115 г. он умер в Чернигове, после под властью Давыда было восстановлено политическое единство Чернигово-Северской земли (до 1123 г.), когда после недолгого княжения Ярослава (1123—1129 гг.) и вокняжения Всеволода Ольговича Новгород-Северское княжество становится уделом Давыдовичей. Став великим черниговским князем, Всеволод проводит враждебную центральной власти политику, неоднократно вместе с половцами опустошает Переяславщину (1134, 1138 гг.), угрожает и Киеву. Эта непопулярная в условиях все усиливавшегося натиска половцев политика привела к утрате Посеймья, отошедшего по

Моровийскому договору 1138 г. к Переяславскому княжеству.

Окончательное выделение Новгород-Северского княжества относится к 1140—1150 гг., когда на старшем столе «сели» Владимир и Изяслав Давыдовичи, поддерживаемые великим киевским князем Изяславом, а в Новгороде-Северском — Святослав Ольгович, продолжавший традиционную политику «Гориславичей». Такое положение привело к междоусобице, закончившейся недолговременным перемирием в 1148 г., что позволило вновь вернуть Сновскую тысячу и Посеймье с Курском в состав Новгород-Северского княжества, которое в своей политике ориентировалось на Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского.

В 1178 г. Новгород-Северское княжество переходит к Игорю Святославичу, в начале 80-х годов совершившему совместно с другими князьями несколько удачных походов в половецкую степь. Он же возглавил и неудачный поход 1185 г., приведший к опустошению Переяславщины и Посеймья, а также пригородов Чернигова половецкими отрядами Кончака и Гзы. В 1199 г. Игорь занимает великокняжеский стол в Чернигове и княжит там с перерывами до своей смерти в 1202 г.

По выражению Б. А. Рыбакова, «дальнейшая история Чернигово-Северской земли особого интереса не представляет», разве что как пример постепенного раздробления обширного княжества на мелкие уделы между многочисленными князьями и княжатами. Не избежала этой участи и Северская земля, долгое время сохранявшая свое этнографическое единство, отголоски которого сохраняются в западных и отечественных источниках до XVII в. (Б. А. Рыбаков, А. К. Зайцев, Г. А. Хабургаев) ¹⁵.

¹ Березовец Д. Т. Археологические памятники летописных северян // КСИА АН УССР.— 1953.— Т. 2.— С. 25—26; Березовец Д. Т. Северяне перед образованием Киевской Руси // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М., 1969.— С. 27; Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья.— Киев, 1975.— С. 167; Юренко С. П. Днепровское Лесостепное Левобережье в VII—VIII вв. (волыньцевская культура) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— Киев, 1953.— С. 24; Ср.: Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волыньцевского типа // СА.— 1956.— Т. 29/30.— С. 58—83; Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья.— Л., 1981.— С. 135.

² Макаренко М. О. Городище Монастирище. Науковий збірник Історичної секції УАН.— К., 1925.— С. 19; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена.— М.; Л., 1953.— С. 311; Ляпушкин И. И. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА.— 1968.— № 152.— С. 325; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982.— С. 327; Ср.: Сухобоков О. В. Роменская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.— К., 1985.— С. 125—136; Узянов А. А. Погребальные памятники роменской культуры курского Посеймья // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы. Баку, 17—21.05. 1985 г.— С. 350—352.

³ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА.— 1967.— № 142; Ср.: Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— К., 1977.— С. 24; Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата.— М., 1983.

⁴ Березовец В. Т. Указ. соч.; Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья.— С. 142.

⁵ Юренко С. П. Указ. соч.— С. 22—24.

⁶ Там же.— С. 13.

⁷ Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА.— 1971,— № 2.— С. 96—123; Деоник В. Б. (Ковалевская) Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. // МИА, 1963.— № 114.— С. 122—147.

⁸ Сухобоков О. В. Роменская культура.— С. 127—128.

⁹ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // СЭ.— 1947.— Вып. 5/6.— С. 81—105.

¹⁰ Третьяков П. Н. Указ. соч.— С. 242—248.

¹¹ Рыбаков Б. А. Указ. соч.— С. 95; Русанова И. П. Курганы полян в X—XII вв. // САИ, Вып. Е1—24. 1966.

¹² Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. по данным погребальных памятников // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— К., 1980.— С. 24.

¹³ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории.— М., 1967.— С. 21—69.

¹⁴ Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья.— С. 146—148.— Табл. 11, 12.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Указ. соч.— С. 103; Зайцев А. К. Черниговское княжество Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 5—117; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза.— М., 1979.— С. 235.

А. В. Куза, В. П. Коваленко, А. П. Моця

ЧЕРНИГОВ И НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ В ЭПОХУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игоре» вот уже почти 200 лет привлекает пристальное и неослабевающее внимание многочисленных исследователей. Признавая его важное место в мировом культурном наследии, в становлении русской и других славянских литератур, отмечая большую роль заложенных в поэме идей мира и гуманизма, Генеральная конференция ЮНЕСКО 22 ноября 1983 г. на XXII сессии приняла решение о праздновании в 1985 г. 800-летнего юбилея «Слова».

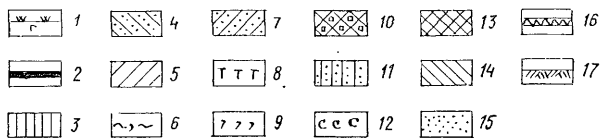
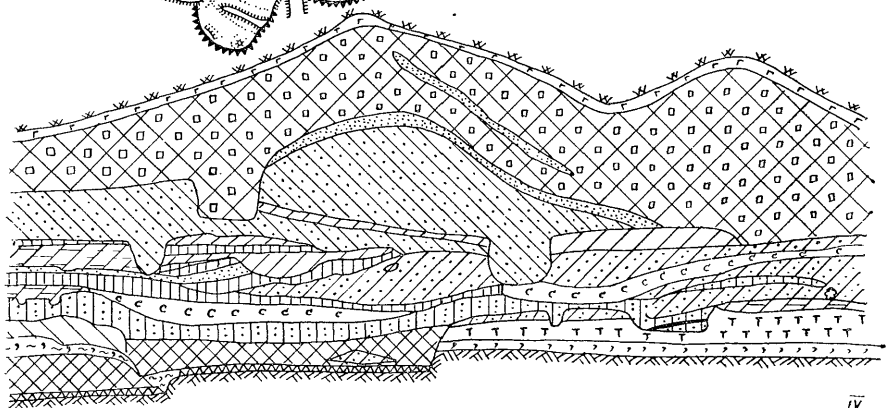
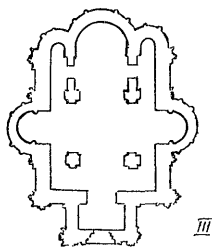
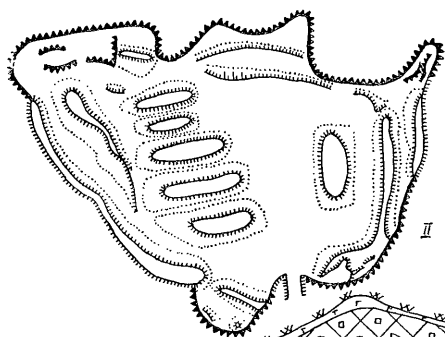
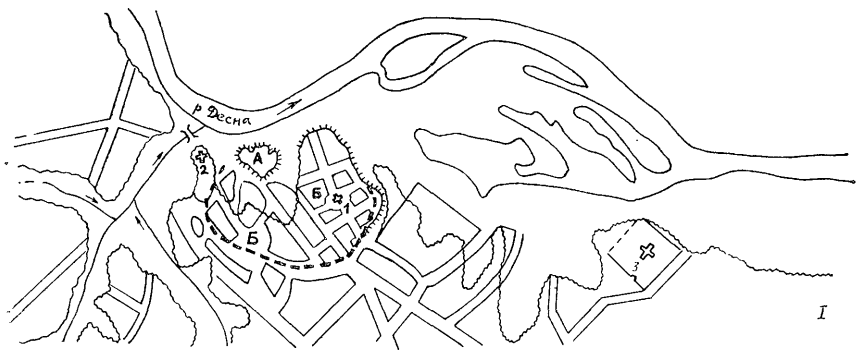
Принадлежащее трем братским народам—русскому, украинскому и белорусскому, чьи корни достигают седых глубин древней Киевской Руси, ставшее символом нерушимого единства наших народов, «Слово о полку Игоре» в первую очередь связано с Чернигово-Северской землей: именно ее высокий экономический и военный потенциал позволил новгород-северскому князю Игорю Святославичу в 1185 г. совершить

свой сепаратный поход на половцев, послуживший темой бес-
смертного произведения.

На обширных пространствах Чернигово-Северского княжества находились десятки и сотни городов, 63 из которых упомянуты на страницах летописей — почти каждый пятый из числа известных на Руси в период до нашествия Батюя. Среди них ведущую роль играли два стольных города — Чернигов и Новгород-Северский.

Новгород-Северский во второй половине XII в. являлся значительным экономическим, политическим и культурным центром Южной Руси. Основанный в 80-х годах X в. на месте северянского городища город в конце XI в. по решению съезда русских князей в Любече (1097 г.) стал столицей самостоятельного обширного княжества. Перемещение на более высокую ступень феодальной иерархической системы способствовало увеличению объема поступающего в город прибавочного продукта и, вследствие этого, его быстрому росту. В XII в. Новгород-Северский имел уже многочисленную планировочную структуру.

Ядром города был детинец (уроч. Замок) площадью около 2 га, расположенный на высоком 50-метровом останце коренной правобережной террасы Десны (рис. 1, 1). Древние оборонительные сооружения детинца (рис. 1, 4), возведенные еще в конце X в., были в XII в. реконструированы, в результате чего мощность валов увеличилась почти вдвое. Как и в других древнерусских городах, в валу детинца Новгорода-Северского обнаружены остатки деревянных конструкций. В северо-западной части Замка находился двор новгород-северских князей, отдельные постройки которого удалось исследовать археологам. Из них наибольший интерес представляют остатки погреба-медуши. Это углубленная в материковый слой постройка прямоугольной формы площадью более 50 м² с мощными несущими столбами по углам и вырытыми в материке круглыми ячейками (диаметр 0,3—0,6 м, глубина 0,15—0,2 м), в которых параллельными рядами вертикально стояли амфоры. Для большей устойчивости сосудов ячейки заливались цемяночным раствором, в котором отпечатались следы днищ некогда стоявших здесь амфор. Многочисленные обломки их найдены в заполнении постройки. Рядом обнаружены погреба, где хранились запасы мяса, рыбы и других съестных припасов. Размеры найденной медуши, вмещавшей не менее 120—140 полутораведерных амфор, указывают на богатство и высокое общественное положение ее владельца. Такой погреб не мог принадлежать рядовому горожанину. Подобные сооружения на территории княжеских дворов известны и по материалам письменных источников: под 1146 г. летопись описывает медуши северских

князей в «Игоре в селе», где много было «в погребе вина и медове...», и в Путивле, где победителям досталось 500 берковцев меда и 80 корчаг вина¹.

Отдельные категории находок, собранные на Замке в ходе археологических работ 1979—1984 гг. (предметы воинского снаряжения и вооружения, украшения), подтверждают интерпретацию этого района древнего Новгорода-Северского как места сосредоточения феодальной верхушки.

Исследованы здесь и остатки жилищ того времени. Они представляли собой наземные постройки срубного типа с расположенными в одном из углов печами (глинобитными или каменками). Рядом находились хозяйственные постройки (ямы-погребя, хлев и др.). В заполнении жилищ и вблизи них собрана значительная коллекция предметов XII в., позволяющая более осязаемо представить себе быт современников «Слова о полку Игореве». Это глиняные и стеклянные сосуды, замки и ключи, разнообразный сельскохозяйственный инвентарь (серпы, косы, зернова), орудия охоты и рыбной ловли, предметы быта (прясла, кресала, ножи), металлические и стеклянные украшения (браслеты и перстни, серьги, височные кольца и др.), предметы воинского снаряжения (инкрустированные медной проволокой шпора и подпружная пряжка, скребница для чистки лошадей, удила и псалии, костяные накладки для колчана и лука, железные фибулы и бронзовые поясные кольца, подковы) и вооружения (топоры, наконечники копий, сулиц и стрел и т. п.), орудия труда и отходы ремесленного производства (обрезки серебряных слитков, литейные формы, напильник) и др.

Детинец с трех сторон был окружен «окольным градом» площадью около 30 га. По сообщениям летописей 1146—1152 гг. и археологическим наблюдениям, «окольный град» имел свою систему оборонительных сооружений с несколькими воротами. Летописец называет Черниговские (южная часть города) и Курские² (восточная часть), по плану XVIII в. известны также Водяные ворота. В нескольких источниках отмечены, кроме того, «острожные врата», расположенные у

Рис. 1. I План-схема г. Новгород-Северский в XVIII в. А — Детинец (Замок); Б — окольный город;

1 — Успенский собор; 2 — Никольская церковь; 3 — Спасо-Преображенский монастырь; 4 — линия укреплений (по планам XVIII в.). II План-схема городища Замок (детинец Новгорода-Северского). III План Спасского собора XII—XIII вв. (реконструкция П. А. Раппопорта); IV Профиль вала детинца Новгорода-Северского (тр. 3, 1979 г.). 1 — дерновой слой 2 — горелый слой; 3 — серый суглинок; 4 — серо-желтая супесь; 5 — серо-желтый суглинок; 6 — серо-золистый слой; 7 — желтая супесь; 8 — темно-коричневый слой; 9 — светло-коричневый слой; 10 — серый рыхлый слой со строймусором; 11 — серый золистый слой с глиной и медом; 12 — светлая супесь; 13 — заполнение жилищ; 14 — слой с меловой крошкой; 15 — песок; 16 — глинистая подмазка полов; 17 — материк

города»³. Что представлял собой в это время новгород-северский острог, пока не ясно: летописные строки слишком скупы, а археологически выявить его пока не удалось. Параллельное упоминание «города» и «ostroга» в летописной статье 1152 г. позволяет предполагать, что это третья составная часть города, имевшая, по-видимому, отдельную линию легких укреплений. Специалисты по древнерусской терминологии определяют «ostroг» как ограду из кольев, тын, палисад, частокол. Подобные простейшие, легкие и относительно быстро возводимые укрепления широко применялись в фортификации древнерусских городов наряду с более мощными, но и более трудоемкими дерево-земляными оборонительными сооружениями срубной конструкции.

Не ясна пока и локализация новгород-северского «ostroга». Возможно, он располагался в юго-западной части древнего города, в районе Никольской церкви XVIII в. Судя по данным археологических исследований, этот район был заселен еще с конца I тыс. н. э., но в границы укреплений «окольного града» не входил. Видимо, для защиты этого района, имеющего сложный рельеф, и были возведены легкие укрепления острога, являвшиеся, как это видно по описаниям осады Новгорода-Северского в середине XII в., наиболее уязвимым участком обороны.

На посаде концентрировалось основное ремесленное производство, о чем свидетельствуют находки разнообразных остатков железоделательного, кузнечного, ювелирного, гончарного, косторезного и других ремесел. По-видимому, какая-то часть ремесленного населения города находилась в различных формах зависимости от феодалов, что подтверждается наличием княжеских клейм на отдельных категориях находок.

К стенам окольного града примыкали неукрепленные селища. Ряд подобных селищ выявлен на территории ближайшей округи (Сухомлиновка I и II, Домотканово и др.). Еще дальше раскинулись многочисленные княжеские села, в которых сосредоточивались несметные богатства, вызвавшие удивление летописцев. Так, в 1146 г. киевские и черниговские князья разграбили «имение» Святослава Ольговича и в принадлежащих ему дворах и селах захватили огромные запасы железа, меди, «готовизны много», «...не тягли бяхоуть от множества всего того вывозити», меда и вина, табун в 5000 коней и «кобыл стадных», сожгли гумно с 900 стогами хлеба и т. д.⁵

В 2 км ниже города, на берегу Десны — Спасский монастырь, возникновение которого предания и литературная традиция относят к XI — началу XII в. На его территории исследован Спасский собор конца XII — начала XIII в., представляющий собой трехапсидный четырехстолпный храм. Размеры

здания без притворов составляли $19,9 \times 13,5$ м. С запада церковь имела прямоугольный притвор с небольшой папертью перед ним. К северному и южному фасадам постройки были сделаны не обычные притворы, а полукруглые (типа апсид), придававшие ей характер храма-триконха. Фундамент храма сложен из камней на растворе (глубина заложения 1,3—1,8 м) и перекрыт тремя-четырьмя рядами кирпичной кладки. Стены возведены в технике равнослойной кладки из кирпичей-плинф на растворе с цемянкой. Столбы храма — крестчатые. Местами сохранился пол, выложенный кирпичами, причем в алтарной части и западном притворе они были поливными полихромными. Снаружи здание украшали сложнопрофилированные пилястры. Выявленное на многих фрагментах плинфы княжеское клеймо позволяет говорить о заказчике строительства: им был Игорь Святославич или его сыновья. Найдены многочисленные обломки штукатурки с остатками фресковой живописи, в том числе с граффити. Собор возведен в эпоху формирования на Руси местных и архитектурных школ, что нашло отражение в его облике (рис. 1, 3).

Центральным храмом города была, по-видимому, Михайловская церковь, известная нам, к сожалению, только по скупой строке в летописи: в 1184 г. «преставися Олег Святославич месяца генваря в 16 день и положиша у святого Михаила. Потом же Игорь брат его седе в Новгороде-Северьскомь»⁶. Даже фундамент ее выявить пока не удалось, но сам факт существования церкви сомнений уже не вызывает: находки древнерусских строительных материалов (плинфа, цемянка) многочисленны. Стояла церковь, судя по топографии детинца, в его восточной части. Именно здесь и наблюдается максимальная концентрация строительных материалов. Размеры кирпича позволяют предположить, что церковь возведена в начале XII в. Олегом (Михаилом) Святославичем в честь своего святого патрона.

Каменные церкви были, по-видимому, и на территории «окольного города». При работах, проведенных в 1979 г. вблизи Успенского собора XVII в. и Никольской церкви XVIII в., основание которых некоторые исследователи относили к древнерусскому времени, каких-либо следов древнерусских каменных построек не выявлено. Однако при раскопках 1982 г. в районе современной базарной площади обнаружено жилище второй половины XII в., под печи которого выложен из целых и фрагментированных плинф ($31,5—32,0 \times 27,5 \times 4,0—4,5$ см). По мнению П. А. Раппопорта, плинфу можно датировать серединой — второй половиной XII в. Она существенно отличается от кирпичей Спасского собора и от строительных материалов, выявленных на территории Замка. Это позволяет сделать

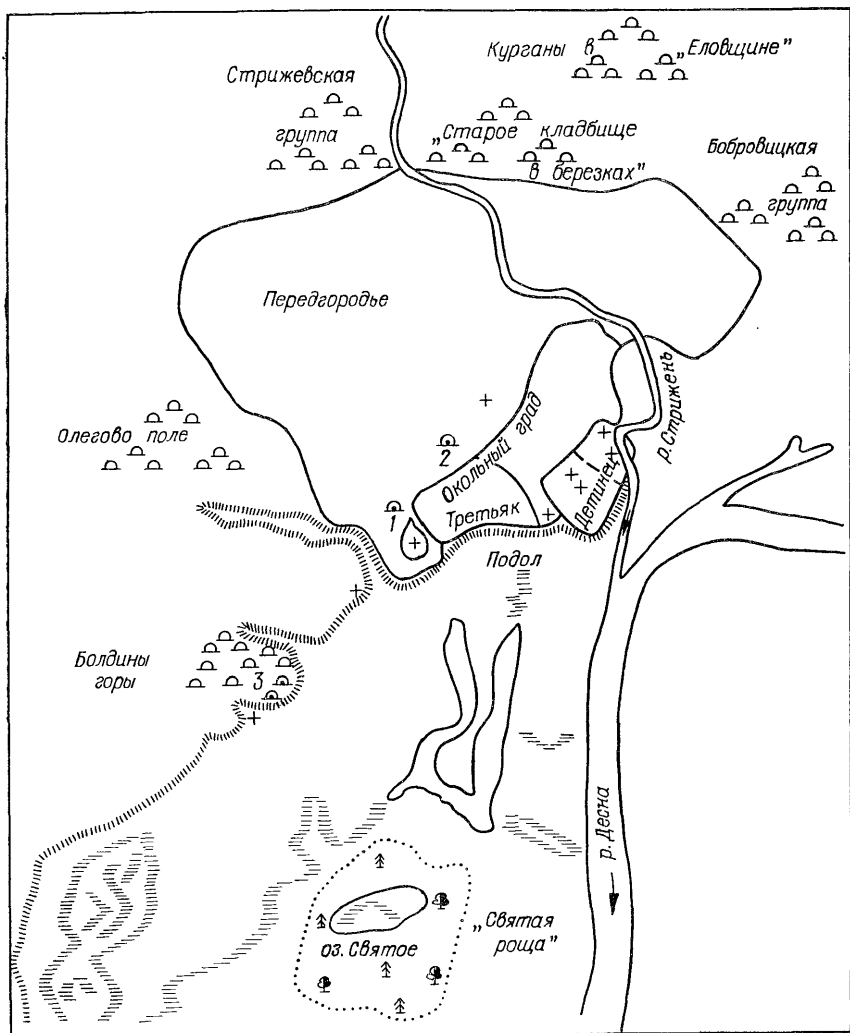

Рис. 2. Чернигов в XII—XIII вв. (по Б. А. Рыбакову).

1 — Черная могила; 2 — Курган «Княжны Черны»; 3 — Курганы Гульбище и Безымянный

вывод о существовании в данной части посада неизвестного каменного сооружения XII в.

Таким образом, источники характеризуют Новгород-Северский XII в. как крупный экономический, политический и культурный центр с развитой летописной традицией⁷, со своей

архитектурной школой. Вместе с тем во второй половине XII в. происходит постепенное, но неуклонное ослабление Новгород-Северского княжества. Уменьшенное территориальными урезками (Сновская тысяча, Корачев), ослабленное выделением уделов (Трубчевск, Курск, Рьльск), зависящее от наделений черниговского князя новгород-северское княжение «становится не только юридически, но и фактически младшим, вторым столом Черниговской земли»⁸.

С судьбой большинства героев «Слова о полку Игореве» тесно связан и Чернигов — один из древнейших восточнославянских городов, истоки истории которого уходят далеко в глубь веков. В это время продолжается его интенсивное развитие, наблюдается дальнейший рост всех частей города (рис. 2).

Почти на одну треть расширилась площадь детинца, составив около 16 га при общей длине рвов 1600 м. Ров XI в., проходивший в 70 м к востоку от Спасского собора, был засыпан. Значительной перепланировке и нивелировке подверглась, по видимому, вся северо-восточная часть мыса (вплоть до берега р. Стрижень), включенная в территорию детинца: был снесен ряд находившихся здесь усадеб горожан, сnivelировано приходское кладбище XI — начала XII в. и т. д. На их месте был заложен новый княжеский двор, на который вели парадные ворота с надвратной церковью, украшенной мозаичной и фресковой росписью. Сохранились руины двух параллельных стен, ориентированных в направлении восток — запад, сложенных в технике послыной кладки из красной плинфы (26,5—29,5×16—19×3,5—4 см) на цементном растворе. Площадь перед воротами была вымощена обломками желтой плинфы (33×26—28×2,5×3,5 см) на известковом растворе. После продолжительной эксплуатации мощение обновлялось (настлан новый слой плинфы).

На территории княжеского двора в 1174 г. заложена Михайловская церковь — небольшой трехапсидный четырехстолпный однокупольный храм, а в 1186 — Благовещенская — величественная трехапсидная шестистолпная постройка окруженная с трех сторон галереями-усыпальницами, богато украшенная мозаиками и фресками. Здесь в 1196 г. был похоронен один из героев «Слова» Буй-Тур Всеволод Святославич, брат Игоря, который «во Олговичех всихъ удалее рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ и всею добротой и можьственою доблестью и любовью имеяше ко всимъ»⁹. К сожалению, значительная часть территории княжеского двора XII—XIII вв. занята зданиями и усадьбой Художественного музея (бывшая женская гимназия). Удалось исследовать лишь остатки погребамедуши, сильно поврежденного поздними перекопами.

Вблизи Спасского собора, в районе княжеского двора XI в., находился епископский двор, на который также вели каменные въездные ворота с надвратной церковью, возведенные во второй половине XII в. Рядом возвышался Борисоглебский собор — шестистолпный трехапсидный однокупольный храм, опоясанный с трех сторон галереями и служивший родовой усыпальницей Давидовичей.

Детинец с трех сторон широкой дугой охватывали «окольный град» (40 га) и Третьяк (около 20 га), имевшие отдельные линии укреплений. Здесь, в районе Екатерининской церкви XVIII в., в конце XII — начале XIII в. была возведена каменная церковь, следы которой зафиксированы раскопками последних лет.

Мощную оборонительную систему получило передгородье (88 га). Здесь, на городском торгу, на рубеже XII — XIII вв. была построена Пятницкая церковь — небольшой четырехстолпный трехапсидный храм, который по праву считается жемчужиной древнерусской архитектуры эпохи «Слова о полку Игореве».

У подножия детинца и Третьяка раскинулся черниговский Подол, северная часть которого была укреплена. Его территория, как и другие посадские районы города, традиционно являлась местом расположения разнообразных промыслов и производств. Остатки ювелирных, косторезных, кузнечных, гончарных мастерских, железодельного, кожевенного и других производств выявлены в ходе археологических исследований практически во всех частях города. Ярким показателем высокого уровня развития ремесла являются многочисленные черниговские клады. Некоторые виды производств были вынесены за пределы города. Так, к югу от города, на берегах оз. Млыновище в конце XII в. функционировал комплекс печей по обжигу плинфы. Полностью исследованы остатки двух из них, прямоугольных в плане (9,6×4,8 и 3,6×4,1 м), сложенных из плинфы (29—30×17—26×3,5—4 см) на глине. Сохранились их нижние топочные ярусы, состоящие из двух продольных камер, разделенных стеной-козлом. Топочное устье находилось с северо-восточной стороны.

За пределами городских укреплений располагались загородные монастыри, княжеские и боярские села. В XII в. территорию двух монастырей, основанных в XI в. (Елецкого и пещерного Ильинского), украсили каменные храмы. В первом был возведен трехапсидный шестистолпный собор Успения Богородицы, принадлежащий к числу лучших произведений архитектуры XII в., во втором — маленькая однефная бесстолпная церковь Ильи Пророка. Между Елецким и Ильинским монастырями, на участке высокой коренной террасы Десны в

конце XII — начале XIII в. был основан еще один (Северский?) монастырь, также имевший каменную трехапсидную четырехстолпную церковь с нартексом (размеры основной части здания 14×10 м, нартекса — 5×10 м), сложенную из плинфы (26—27×16,5—19,5×4,5—6 см). Сохранились участки пола и наружной отмостки вокруг апсид из поливных полихромных плиток (11,0—12,5×24,5—27,5×2,0—2,3 см).

Наконец, каменная церковь стояла, по-видимому, на территории княжеского загородного двора близ Святого озера (уроч. Церквище). В окрестностях Чернигова археологическими разведками и раскопками уже выявлены остатки десятков таких дворов и сел.

Таким образом, свидетельства письменных и археологических источников позволяют утверждать, что во второй половине XII в. в истории Чернигова и Новгорода-Северского не только не наблюдается каких-либо признаков упадка или застоя, наоборот, оба города переживают период своего наивысшего расцвета, что позволило чернигово-северским князьям играть заметную роль в общерусской политической жизни.

¹ ПСРЛ.— М.; Л., 1962.— Т. 2.— Стб. 333, 334.

² Там же.— Стб. 331.

³ Там же.— Стб. 331, 460.

⁴ Там же.— Стб. 331, 460.

⁵ Там же.— Стб. 331—333.

⁶ Там же.— Стб. 613.

⁷ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор. «Слова о полку Игореве».— М., 1972.— С. 36—44.

⁸ Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв.— М., 1975.— С. 112.

⁹ ПСРЛ.— Т. 2.— Стб. 696.

А. В. Григорьев

О РОМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СРЕДНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ

В ходе образования Древнерусского государства территории Среднего Подесенья оказалась своеобразной контактной зоной между тремя крупными этнокультурными регионами — северянским Левобережьем Днепра, вятичским Поочьем и киеворусским Поднепровьем. Можно предположить, что в IX — X вв. этот район находился в центре важных социальных, политических и этнических процессов, связанных со становлением крупнейшего восточнославянского государства. Отмечая своеобразие Подесенья, еще в предвоенные годы П. Н. Третьяков выделил его в отдельную культурную область. Большое значение изучению этого региона придавал М. В. Воеводский.

В его работах обобщены уже известные и введены в научный оборот новые памятники различных эпох, в том числе и роменские. В последующие годы ни одной специальной работы, посвященной Подесенью VIII — X вв., за исключением публикаций отдельных памятников, не появилось. В крупных исследованиях по роменской культуре материалы среднего Подесенья либо вообще не привлекались, либо редко использовались. Подобное положение обуславливалось как слабой изученностью памятников, так и отсутствием какой бы то ни было подробной хронологии внутри роменской культуры в целом и на рассматриваемой территории в частности. Новые раскопки в Подесенье и наметившиеся в последние годы положительные сдвиги в области датировок роменских памятников позволяют еще раз обратиться к поставленной проблеме.

К наиболее ранним в рассматриваемом регионе могут быть отнесены памятники, содержащие материалы так называемой волынцевской культуры. Характер и хронология этих памятников стали предметом дискуссий с момента их открытия. Для того чтобы решить, какие из памятников среднего Подесенья можно отнести к этой группе, каков период их существования и как они соотносятся с собственно роменской культурой, необходимо более подробно остановиться на вопросах, связанных с древностями волынцевского типа. В настоящее время существуют две точки зрения на их культурную интерпретацию и хронологию. Д. Т. Березовец предложил датировать памятники этого типа VII — VIII вв. и считать предшествующими роменской культуре. Эту мысль поддержали и развили О. В. Сухобоков и С. П. Юренко. И. И. Ляпушкин, напротив, считал волынцевские памятники синхронными роменским. Той же точки зрения придерживался Е. А. Горюнов. Последний датировал их VIII — IX вв. и связывал возникновение волынцевской культуры с присутствием в славянской среде иноэтнического элемента.

Принимая в целом аргументацию И. И. Ляпушкина и Е. А. Горюнова, хотелось бы еще раз поставить вопрос о принципах выделения памятников волынцевского типа из среды роменских. Согласно О. В. Сухобокову, основанием для такого членения является топография поселений, обряд захоронения, отсутствие веревочного штампа в орнаментации лепной керамики и наличие своеобразной керамики, изготовленной на круге.

Открытый характер подавляющего большинства волынцевских поселений О. В. Сухобоков противопоставляет городищам роменской культуры. Этот же принцип он использует и для определения ранней стадии роменцев. Вряд ли можно говорить о подобной смене типов поселений. Селища сохраняются на

всем протяжении существования роменской культуры, вплоть до начала XI в. Ошибочное представление об этой культуре как о культуре городищ возникло в результате того, что были открыты в первую очередь имеющие внешние признаки укрепленные поселки. В ходе более тщательных разведок зафиксированы многочисленные селища в бассейне р. Тускарь (приток р. Сейм, около большого Горнальского городища, у Беседенского городища на р. Рать, на Сейме, у поселения Лебязье). Число известных роменских селищ, уже превышающее количество городищ, продолжает неуклонно расти. Таким образом, можно говорить не о смене селищ на городища, а лишь о росте количества городищ, впервые появившихся еще в конце VIII в. Этим временем могут датироваться Битицкое городище и ранний вал Большого Горнальского городища.

Могильники, соответствующие волынцевским поселениям, к сожалению, изучены пока слабо. Исследования двух из них носили случайный характер, определение же наиболее изученного могильника у с. Волынцево как безкурганного подверглось вполне обоснованной критике. Вне зависимости от того, как в будущем будет решен вопрос о наличии насыпей в указанных могильниках, очевидно, что во всех остальных чертах они полностью идентичны могильникам роменской культуры.

Отсутствие, точнее, малое количество керамики, орнаментированной веревочным штампом, также является исключительно хронологическим показателем. Редкость веревочного орнамента на ранних роменских поселениях неоднократно отмечалась исследователями. Тенденция к бурному росту этого орнаментального приема в более позднее время четко прослеживается по материалам Горналя.

Таким образом, памятники волынцевского типа по основным своим характеристикам, таким, как топография поселений, тип могильников, конструкция жилищ и основная часть керамического комплекса, за исключением некоторых хронологических черт, идентичны памятникам роменской культуры. Основное и, пожалуй, единственное их отличие состоит в наличии специфической круговой волынцевской керамики. Такая керамика, встречающаяся почти всегда совместно с амфорной тарой и салтовскими украшениями, образует вместе с последними отдельный пласт древностей. К тому же ее находят не только на роменских памятниках. Примерно в том же количестве она известна в комплексах салтовской культуры (Дмитровка, Жовтневое, Саркел), культуры типа Луки-Райковецкой (Обухов, Ходосовка), в комплексах, близких Колочинской культуре (Целиков Бугор). Характеризуя этот тип древностей, прежде всего отметим, что не известны ни поселения, ни могильники, где бы они являлись ведущими. Обычно их содержание в комплексах

различных культур не превышает 5 %. Практически неизвестными остаются типы жилищ и погребений. Попытка Е. А. Горюнова связать с данным кругом древностей наземное жилище на Битицком городище и погребения в ямах-подбоях Волынцевского поселения интересна, но из-за недостаточности материала не может быть пока принята. Все это значительно осложняет определение этнической принадлежности волынцевских древностей. На неславянский характер круговой керамики указывал еще Д. П. Березовец, мнение которого было поддержано большинством исследователей. Технологически такая керамика идентична салтовской, но отличается от последней формами и типом орнамента. Отсюда можно предположить, что либо носители этих древностей в небольшом количестве были рассеяны по обширной территории роменского и отчасти салтовского Левобережья Днепра, а также на части его правого берега, не оставив там никаких следов поселений и могильников, либо, что более вероятно, керамика эта производилась неизвестным в настоящее время крупным гончарным центром (тогда весь волынцевский пласт древностей можно признать импортом).

Если вопрос происхождения и этнической принадлежности указанного типа древностей остается открытым, то их хронология в настоящее время может быть определена достаточно точно. Наличие волынцевской керамики на памятниках салтовской культуры датирует ее второй половиной VIII — IX в. Концом VIII — IX в. датирует Н. М. Кравченко верхний слой поселения Обухов II, ею же вполне обоснованно датируется временем не ранее второй половины VIII в. Харьевский клад. Тем же временем может датироваться поселение у с. Ходосовка. Его нижняя дата определена автором раскопок второй половиной VII в. на основании невыразительной железной пряжки, найденной в комплексе с бусиной, которую сам автор датирует VIII — IX вв. Роменские памятники Левобережья Днепра, содержащие древности указанного типа, также имеют достаточно обоснованные даты. Второй половиной VIII — началом IX в. определяется время существования поселения Опошня, в те же хронологические рамки укладывается и Битицкое городище. Находки на ряде памятников амфор, датирующихся по крымским аналогиям второй половиной VII — VIII в., не противостоят предполагаемой дате. То же можно сказать о салтовских зеркалах с Опошнянского и Сосницкого поселений. Оснований для более ранней датировки волынцевских древностей в настоящее время нет. Предпринятая недавно группой авторов попытка датировать памятники, содержащие материалы указанного типа, на основе соотношения с роменскими не может быть признана вполне корректной. Датировка начальной стадии роменской культуры VIII в. общепризнана, но слабо аргументирова-

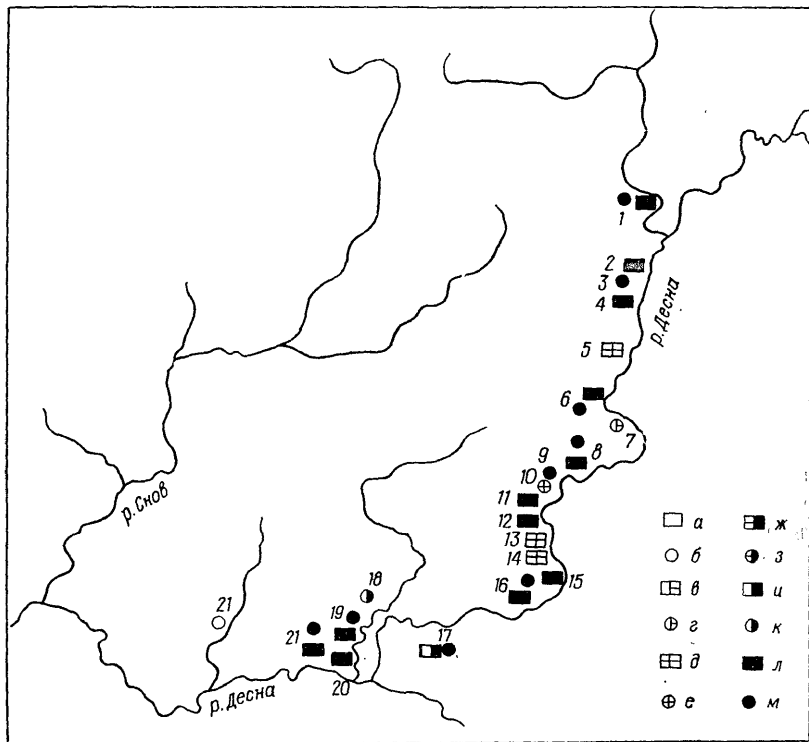

Рис. 1. Карта памятников роменской культуры в Среднем Подесенье.

а — городища первого этапа, *б* — селища первого этапа, *в* — городища первого и второго этапов, *г* — селища первого и второго этапов, *д* — городища второго этапа, *е* — селища второго этапа, *ж* — городища второго и третьего этапов, *з* — селища второго и третьего этапов, *и* — городища первого и третьего этапов, *к* — селища первого — третьего этапов, *л* — городища третьего этапа, *м* — селища третьего этапа

на. В основном она базируется на дате древностей волынцевского типа, в частности на датах нижних слоев Новотроицкого и Опошки. Считая эти слои относящимися к волынцевской культуре, авторы, опираясь на хронологию, предложенную для всей совокупности роменских памятников, включая древности волынцевского типа, относят последние к еще более раннему времени.

Таким образом, представляется целесообразным отказаться от термина «волынцевская культура», заменив его более подходящим — «древности волынцевского типа». Достаточно четкие их хронологические рамки — вторая половина VIII — первая половина IX вв. — открывают широкие перспективы для датировок памятников различных культур Левобережья и части Правобережья Днепра. В то же время отказ от выделения са-

мостоятельной волынцевской культуры не только не помешает, а, скорее, позволит прояснить вопрос о связи достоверно славянской роменской культуры с более ранними культурами Днепровского Левобережья.

В рассматриваемой нами зоне среднего Подесенья сочетание роменских памятников с волынцевскими древностями известно лишь в южной его части, в районе впадения в Десну р. Сейм (рис. 1). К этому первому этапу роменской культуры Подесенья относятся прежде всего поселение в уроч. Лан у г. Сосница и относящийся к нему могильник в уроч. Медвежье. Близкое по облику поселение исследовано на окраине г. Мена. Материалы волынцевского типа происходят также с городища Шebалинов.

На рубеже IX — X вв. на роменских памятниках Подесенья является круговая древнерусская керамика. Это обстоятельство дает возможность вычленил второй этап развития культуры на основе отсутствия в комплексах волынцевских и древнерусских материалов. На том же основании этот этап может быть датирован IX в., точнее, его второй половиной. Несомненно, подобный «негативный» способ датирования обладает рядом серьезных недостатков. Однако слабая изученность в исследуемой зоне памятников именно данного этапа не позволяет применить никакого другого принципа. Основные недостатки предложенного способа состоят прежде всего в том, что, во-первых, он не дает возможности выделить слои IX в. на слабо изученных памятниках, имеющих отложения более позднего времени. Во-вторых, при работе с небольшим количеством материала вероятность фиксирования малочисленных волынцевских или древнерусских находок невелика, что увеличивает погрешность определения. Так, в единственном исследованном на поселении у с. Чулатов жилище роменская керамика была представлена менее чем 40 фрагментами. Поэтому отсутствие в комплексе волынцевского материала и фрагментов, орнаментированных веревочным штампом, в равной степени можно отнести к случайности. Следовательно, жилище может широко датироваться I — II этапами, то есть второй половиной VIII — IX в. Верхняя дата — рубеж IX — X вв. — может быть определена по конструкции печи. Как показали исследования хорошо стратифицированного поселения у с. Горбово, именно в это время на смену традиционным останцовым печам приходят печи, сложенные из глины и камней. Подобные изменения происходят в то же время на городище Горналь.

Несмотря на указанные недостатки, «негативный» способ все же позволяет с той или иной степенью достоверности вычленил памятники второй половины IX в. Так, исключительно роменский материал происходит с городищ Ленково, Мещан-

ского и Хотинского у с. Редичев, с поселения у сел Мезин и Куриловка. Не прекращается в это время жизнь и на упомянутых выше поселениях в уроч. Лан у г. Сосницы и у с. Шебалинов, на которых хорошо фиксируются слои X в.

Как уже отмечалось, последний, третий этап определяется прежде всего наличием в роменском керамическом комплексе материалов древнерусской культуры. На присутствие древнерусской керамики на последнем этапе развития роменской культуры неоднократно указывали И. И. Ляпушкин, О. В. Сухобок и др. Однако при этом не учитывалось, что в различных районах Левобережья круговая древнерусская посуда появляется, очевидно, в разное время. Например, если в среднем и верхнем Подесенье она в небольшом количестве встречается с начала X в., то в нижнем Подесенье в это время она уже полностью вытесняет роменскую. К концу X в. в среднем Подесенье круговая керамика становится превалирующей, в Посеймье она составляет небольшой процент, а на Горнальском городище (на р. Псел), погибшем в 70-е годы X в., встречены лишь отдельные ее фрагменты. Поэтому датировка третьего этапа X — началом XI в. может быть принята только для памятников рассматриваемой зоны.

В результате стратиграфических исследований, проведенных автором на поселении у с. Горбово, его слой удалось разделить на четыре строительных периода в пределах X — начало XI в. На основе данных, полученных при раскопках этого в настоящее время наиболее исследованного в Подесенье поселения, возникла возможность разделить третий этап существования роменской культуры на три хронологических периода.

Основным критерием, определяющим эти периоды, явилось количественное соотношение в керамическом комплексе роменских и древнерусских материалов. Для первого периода (конец IX — первая четверть X в.) характерно присутствие круговой керамики в количестве, не превышающем 20 %. В материалах второго периода (вторая — третья четверти X в.) роменская и древнерусская керамика встречаются примерно в равных соотношениях. Третий период (последняя четверть X — начало XI в.) характеризуется полным количественным превосходством круговой керамики (более 70—80 %). Для определения периодов могут также служить некоторые типы венчиков круговой керамики.

На исследуемой территории в разное время стационарные раскопки памятников третьего этапа были проведены на городище и двух селищах у с. Случевск, на городище и отчасти на селище у с. Пушкари, в г. Новгороде-Северском, на поселении у с. Горбово и на I Свердловском (бывш. Псаревском) городище. Большинство других памятников этого этапа было под-

	I этап		II этап		III этап	
	VIII в.	IX в.	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.
1. Случевск			-----			
2. Пушкари (уроч. Песочный ров)			-----			
3. Пушкари - Роговка			-----			
4. Роговка			-----			
5. Ленково		-----				
6. Новгород - Северский				-----		
7. Чулатово	-----					
8. Горбово				-----		
9. Мезин				-----		
10. Мезин - Куриловка			-----			
11. Свердловка I					-----	
12. Свердловка II				-----		
13. Редичев (уроч. Мещанское)			-----			
14. Редичев (уроч. Хотинское)			-----			
15. Редичев (уроч. Московское)				-----		
16. Городище - Оболонье				-----		
17. Шабалинов	-----					
18. Сосница (уроч. Лан)	-----					
19. Сосница (уроч. Круча)				-----		
20. Сосница (оз. Буромка)				-----		
21. Слободка				-----		

Рис. 2. Хронология роменских памятников Среднего Подесенья.

вергнуто шурфовке. Полученные при этом материалы указывают на то, что на всех исследованных памятниках верхние слои относятся к третьему периоду и датируются концом X — началом XI в. Об одновременности отмирания роменской культуры на территории Подесенья говорит то, что все указанные выше поселения погибли в результате пожаров. М. Б. Воевод-

ский, без каких бы то ни было оснований датировавший исследованное им жилище на городище в уроч. Песочный ров у с. Пушкари VII—IX вв., считал, что оно было заброшено в древности. Однако золисто-углистая прослойка, зафиксированная им и интерпретированная как следы «кострица, разложенного на дне ямы на месте заброшенной и уже запылившей землянки», ясно указывает, что и это жилище погибло в пожаре. Это предположение подтверждается и наличием слоя пожара, зафиксированного в разрезе рва. Время возникновения рассматриваемых поселений определяется в основном вторым периодом. Исключение составляют поселение у с. Горбово и городище у с. Слободка, возникшие на рубеже IX—X вв.

Получив, таким образом, в различной мере подробную и достоверную хронологию подавляющего большинства известных роменских памятников среднего течения р. Десны (рис. 2), попытаемся проследить основные тенденции развития культуры в этом регионе во второй половине VIII—начале XI в.

На раннем этапе памятники роменской культуры концентрируются исключительно в нижней части региона, в районе впадения в Десну р. Сейм. Очевидно, что они входили в единую систему памятников нижнего течения Десны и Сейма. Вероятно, эта линия во второй половине VIII в. являлась северной границей распространения роменской культуры. Памятники этого времени на средней Десне изучены слабо. Скорее всего, к VIII в. могут быть отнесены два жилища с поселения Целиков Бугор и одно — с поселения Стрелица. По своим конструкциям они близки к роменским, но имеют сильно отличающийся керамический набор. В одном из них, жилище № 2 поселения Целиков Бугор, найдены фрагменты салтоидной керамики, подтверждающие предполагаемую дату.

С начала IX в. прослеживается тенденция к продвижению роменцев вверх по Десне. Наиболее ранним памятником, отражающим этот процесс, может служить поселение у с. Чулатово. Появление в IX в. роменского поселения в верховьях р. Десны и в зоне Волго-Окского междуречья указывает на роль Среднего Подесенья в качестве пути, связавшего эти районы с основной областью распространения роменской культуры. Однако плотность населения в исследуемом районе остается низкой.

В результате деятельности киевских князей в конце IX в. резко меняется политическая ситуация на Днепровском Левобережье, ранее входившем в сферу влияния Хазарского каганата. Последствием походов Олега можно объяснить полное исчезновение роменской культуры из области Нижнего Подесенья. Практически незаселенный участок между древнерусским Седневом и роменским городищем Слободка на все последующее столетие определил границу между двумя культурами.

Процесс становления государственной власти на Левобережье послужил усилению оттока населения из этой области в районы Посеймья и Подесенья. Именно этим можно объяснить столь резкий рост количества и размеров поселений в Подесенье в середине и особенно во второй половине X в. (рис. 1). Несмотря на сильное культурное влияние Руси, проявившееся с начала X в., именно этот район дольше других сохранял свою самобытность. До начала XI в. здесь производится лепная керамика, технологически совершенно отличная от древнерусской, сохраняются традиционные роменские приемы в строительстве жилищ и укреплений. Вероятно, автономным этот район был и в политическом отношении. Летописное упоминание об организации Ольгой в середине X в. погостов по Десне, по-видимому, относится лишь к нижнему течению последней, что находит подтверждение в данных археологии. Появление в конце X в. древнерусских дружинных пунктов в районе Трубчевска и Стародуба прекратило связь Среднего Подесенья с вятичскими и радимичскими районами. Примерно в то же время гибнет в пожаре крупнейший центр Северянского Подесенья — г. Новгород-Северский. На его месте тут же возводится небольшая древнерусская крепость. Видимо, опираясь на нее, в конце X — начале XI в. в полное подчинение Руси удастся привести весь район. Примерно в одно время в результате пожаров гибнут все роменские поселения исследуемого региона. Ни на одном из них слоев последующего, XI в. не зафиксировано.

Намеченная схема развития роменской культуры в дальнейшем, несомненно, будет уточнена в ходе проведения новых стационарных исследований, прежде всего на памятниках, содержащих слои IX в.

А. В. Фомин

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ X в. МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДЕСНЫ

«Мухаммеданская нумизматика», открытая в начале XIX в. работами Х. Френа, прочно вошла в русскую историю и заняла в ней важное место. Находки куфических монет, кладов и отдельных дирхемов стали предметом внимательного изучения широкого круга историков. И это не случайно. Столь необходимое для раннесредневековой экономики арабское серебро пользовалось большим спросом у населения Древней Руси. Феодализирующаяся знать и простые общинники — все стремились к приобретению серебряных монет, с тем чтобы использовать их для потребностей ремесла, обмена и платежей. По своей стои-

мости дирхемы были доступны почти всем слоям населения, поэтому они так широко распространились на землях Восточной Европы, часто оседая в кладах.

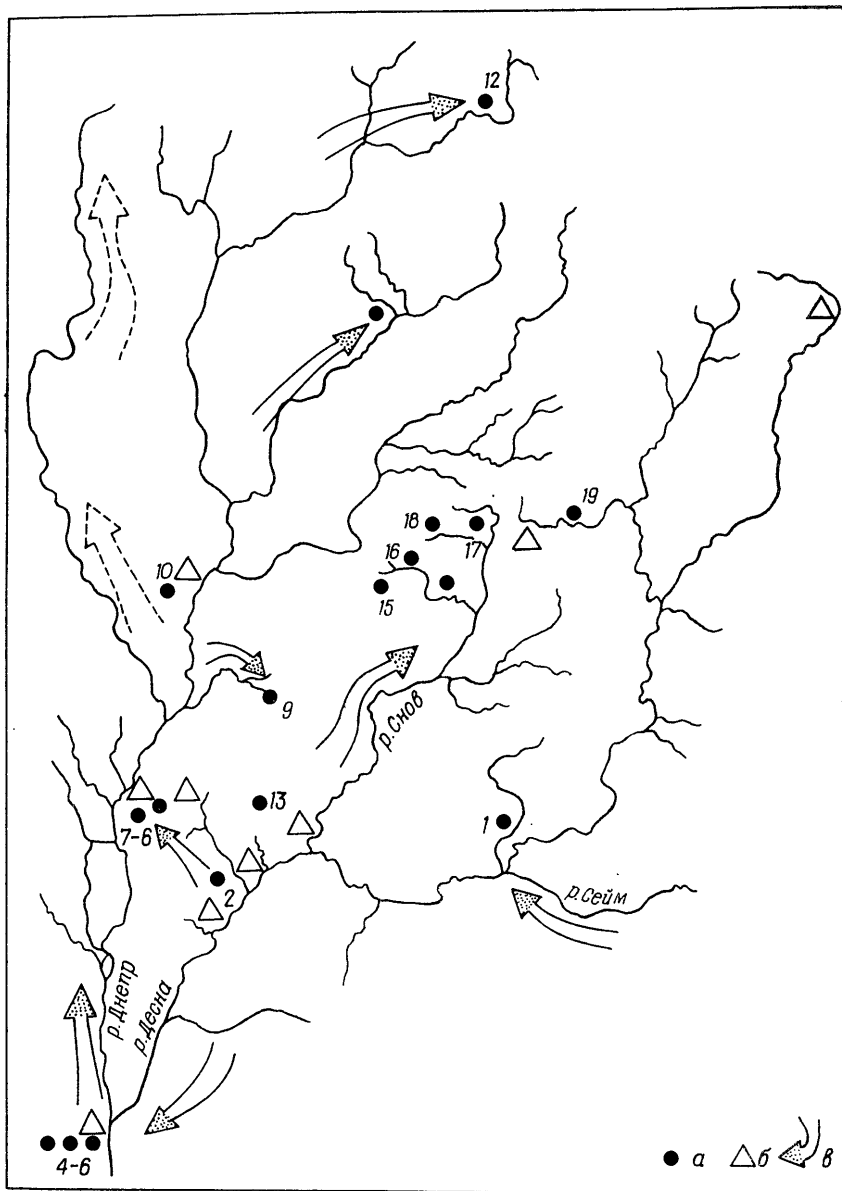
Топография находок восточных монет является одним из главных источников по истории международной торговли Халифата с Европой. Изучение региональных особенностей сосредоточения кладов позволяет наметить торговые пути местного и общеевропейского значения, понять их роль в период складывания Древнерусского государства.

Главная сложность топографического метода исследования кладов куфических монет заключается, на наш взгляд, в неразработанности источниковедческого подхода к нумизматическим памятникам. Среди исследователей нет единого мнения о том, как следует работать с кладами, как расшифровывать получаемую информацию. Следует признать, что в настоящее время есть только один научно обоснованный метод работы с топографией кладов, предложенный Р. Р. Фасмером и развитый позднее другими исследователями.

Думается, нет необходимости перечислять все работы, в которых содержатся ссылки на данные топографии Р. Р. Фасмера и В. Л. Янина. Они встречаются практически во всех исследованиях по древнерусскому периоду. Тем не менее проблема топографического метода исследования монетных находок и выбора критериев оценки информативности кладов не перестает существовать, в особенности тогда, когда речь заходит о нумизматических памятниках одной из областей. В этой связи нам бы хотелось специально остановиться и рассмотреть топографию кладов куфических монет одного из таких регионов, который сыграл важную роль на раннем этапе формирования Древнерусского государства.

Междуречье Днепра и Десны представляет собой перспективный участок для исследования локальной географии монетных кладов. Южные районы этой области рано вошли в состав молодого государственного объединения и были экономически развиты. Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что названный регион занимал ключевое положение в распространении арабского серебра на север через Поднепровье. Именно здесь происходило переливание монетного серебра, следовавшего с Востока, в русло важнейшего для Руси торгового пути «из варяг в греки». В днепро-деснинском междуречье сосредоточено значительное количество находок кладов куфических монет X — начала XI в. (рисунок).

Арабское серебро, попадая в Европу, постоянно перемещалось с южных рубежей на север, последовательно наполняя районы своего продвижения куфическими монетами. Направленное движение монетного потока отразилось на характере

Клады куфических монет X в.

a — городские центры, X—XI вв., *б* — находки, *в* — направление распространения монетного потока.

1 — Сосницкий уезд, 914 г.; 2 — Рудки, 990 г.; 3 — Бондари, 952 г.; 4—6 — Киев, 906 г., 936 г.; 7—8 — Любеч, около 950 г., 970—980 гг.; 9 — Струпово, 914 г.; 10 — Гомель

выпадения кладов. Как удалось установить, на географию кладов оказывали мощное влияние интенсивность поступления монетного серебра, скорость перемещения монетного потока, что, в свою очередь, зависело от удобства торговых путей и экономического развития тех земель, через которые они проходили.

Совместное влияние перечисленных факторов приводило к тому, что в разные периоды отдельные районы имели локальные особенности отложения кладов. В зависимости от условий находки сосредоточивались то в конечных пунктах торговых магистралей, то выпадали равномерно вдоль всего пути на небольшом удалении. Особенно много кладов находят на стыках торговых путей, где караванам приходилось замедлять движение и останавливаться. Скапливающееся в этих местах серебро активней расходилось по округе. Часто монеты оседали не в самих центрах, а непосредственно рядом с ними. При импульсивном ввозе монетного серебра география распространения кладов IX в. постоянно менялась.

Выводы, полученные на материалах находок куфических монет IX в. со всей территории Восточной Европы, могут пригодиться при анализе топографии кладов X в. довольно ограниченного района, каким является днепро-деснинское междуречье.

Видимо, основная масса куфических монет шла в Подесенье из Посеймья, куда арабское серебро могло поступать с Волги, Дона и Северского Донца. Недалеко от впадения Сейма в Десну, на некотором удалении от центральной магистрали был найден сосницкий клад X в.

Продвигаясь дальше на запад по Десне, монетный поток как бы разделялся на несколько рукавов приблизительно в районе впадения в Десну р. Снов. Первый резко поворачивал на север к Сновску, второй, минуя Чернигов, направлялся в сторону Киева, откуда монеты могли распространяться по Днепру. Представляется неслучайным, что на небольшой территории, ограниченной с востока Сновом, а с запада Белоусом, расположились сразу три крупных центра X в. с яркой культурой, многочисленными погребениями дружинного типа, к которым относятся Чернигов, Шестовицы и Сновск (Седнев). Наличие подобных центров, бесспорно, свидетельствует о важности этого района Подесенья в торговом отношении.

Отрезок пути между Киевом и Черниговом слабо документирован находками кладов. За исключением клада Бондари (район течения р. Остер), другие находки X в. здесь пока не-

943 г.; 11 — Ивановка, середина X в.; 12 — Старый Дедин, 979 г.; 13 — Звеничев, 950 г.; 14 — Могилевцы, 926 г.; 15 — Безымянный Новозыбковский, 970—80 гг.; 16 — Митьковка — начало XI в. (находка серебряников и фельсов); 17 — Медведово, 982 г.; 18 — Большой Кривец, 955 г.; 19 — Бобрин, 914 г.

известны. В самом Киеве обнаружены три клада соответствующего времени, два из них отличаются крупными размерами (по нескольку тысяч дирхемов), что выделяет их среди остальных восточноевропейских находок.

Между тем в районе Чернигова начиналась еще одна торговая дорога — по р. Белоус на Любеч (рисунок 1). Зажатая между болотами Земглай и Перистое, она составляла немногим более 30 км.⁷ Благодаря этой дороге путь из Чернигова на Днепр значительно сокращался, не говоря уже о том, что следуя им, торговые караваны легко миновали таможенные заставы столичного города. Дорога на Любеч ставила Чернигов в выгодное положение по отношению к Киеву в политическом и экономическом отношениях. Кратчайший путь на Днепр позволял черниговским князьям проводить самостоятельную торговую политику, переманивать наемные дружины, искавшие счастья у великого киевского князя.

На всем протяжении любечской дороги кладов обнаружено не много. Две находки происходят из самого Любеча и одна — из с. Рудки на Белоусе (рисунок 1). Иными словами, получается приблизительно такая же картина, как с киевским направлением магистралей, где клады концентрируются в конечном узлом пункте. Из археологических памятников на любечском пути обращает на себя внимание Листвен в верховьях Белоуса. От него и начинался кратчайший путь к Любечу. Археологические исследования позволили выявить на этом месте древнерусский город X—XII вв., который контролировал движение по линии Чернигов — Любеч.

С названием древнего поселения связаны важные исторические события рубежа первой — второй четверти XI в. Напомним их. В 1023 г. Мстислав Тмутараканский собрал дружину из хазар и касогов и попытался захватить Киев, но безуспешно, после чего отступил к Чернигову. В ответ на действия Мстислава против него из Новгорода во главе северных дружин двинулся Ярослав. Спустившись по Днепру традиционным путем «из варяг в греки», он направился к Чернигову. Решающая битва между соперниками произошла в 1024 г. под Лиственюм. Краткие летописные статьи удивительно точны и хорошо комментируют данные археологии и нумизматики. Лиственская битва произошла на самом ответственном участке на пути Чернигов — Любеч. Движение дружин Ярослава с севера точно совпадает с торговым путем, по которому в X в. арабское серебро поступало в Поднепровье. Не менее показателен и состав участников сражения. На стороне Ярослава — варяги, за Мстислава сражаются южные народы и северские племена.

Весь комплекс исторических свидетельств позволяет предположить, что Мстислав проводил свою политику по горячим

следам прошлого, с расчетом на вчерашний день. Владея Черниговым и Тмутараканью, он держал в своих руках все нити связей с Востоком и Кавказом. Овладев Киевом, он поставил бы под свой контроль отношения с Византией и Халифатом, расколол Русь на Южную и Северную. Но этого не произошло. Мстислав довольствовался тем, что сохранил за собой Чернигов, а значит, и возможность самостоятельного выхода на днепровский торговый путь.

Теперь вернемся в X в., к тому самому месту, где арабское серебро, благополучно достигнув Любеча, было подготовлено для перевозки вверх по Днепру. Топография поднепровских кладов фиксирует только одну находку в районе Гомеля, дальше на север клады пока не обнаружены (рис. 1). Скопление находок наблюдается только в районе Гнездова, где найдено пять кладов куфических монет X в. Область течения Сожа тоже свободна от находок кладов. Зато на притоках обнаружены три находки, каждая из которых как бы отмечает собой конечные пункты распространения арабского серебра.

Последний район сосредоточения находок куфических монет заключен на узком пространстве между верховьями рек Снов (от впадения в него Ирпа) и Ваблей. Отсюда происходят пять кладов X в. и замечательные находки десятка древнерусских серебряников и не менее редких для Руси саманидских медных монет — фельсов. Такая подборка нумизматических памятников свидетельствует о стабильном поступлении сюда монет на всем протяжении X в., а также в начале XI в. — в период серебряного кризиса. Область сосредоточения кладов совпадает со Сновской тысячью — раннефеодальной территориально-административной единицей, упомянутой в летописи в середине XII в. По мнению ряда компетентных исследователей, образование «тысячи» восходит ко времени образования Черниговского княжества. Главными центрами области являлись в X в. Сновск и Стародуб, рядом с которыми обнаружены некрополи дружинного характера.

Концентрация находок в Сновской тысяче приходится не на феодальные центры, а на периферийные районы, пограничные с землями радимичей, куда практически не было наезженных торговых дорог. Сходные явления в распределении кладов неоднократно отмечены нами раньше в отношении киевского, любечского и днепровского направлений распространения серебра. Везде клады оседали в конечных или узловых пунктах торговых путей или же на их периферии. Вокруг самого Чернигова кладов нет, как нет их в Шестовице, Сновске и Стародубе. Звенивческий клад тяготеет, скорее, к сновскому направлению распространения арабского серебра.

Мы не исключаем возможности находок в будущем кладов куфических монет в Чернигове, Шестовицах и Сновске, но пока их нет, хотя в Киеве, Любече, Гнездове, Новгороде клады обнаружены. Динамика отложения кладов в Подесенье сходна с динамикой образования сокровищ вдоль торговых путей, где находки тоже малочисленны или практически отсутствуют по причине быстрого продвижения монетного серебра. В этой связи позволим себе высказать гипотезу о распределительном характере торговли куфическими монетами в данном районе в X в. Видимо, приток арабского серебра сюда был настолько большим и постоянным, что жители раннегородских центров мало заботились о накоплении дирхемов, щедро расходуя его на другие нужды. Не исключено, что отсутствие накопленных сокровищ объясняется также постоянным изменением состава населения, использовавшего поселения в качестве перевалочных баз.

Основные выводы настоящей работы можно свести к следующим. Монетные клады образуются преимущественно в районах, непосредственно связанных с распространением серебра. Особенно активно клады выпадают в узловых и конечных пунктах движения монетного потока благодаря скоплению значительного количества серебра. При интенсивном перемещении монетного потока по торговым путям или через торговые центры серебро откладывалось в сокровища реже. Причины этого явления следует усматривать прежде всего в активном его применении в разных сферах деятельности, в быстром обновлении состава монетной массы за счет постоянного притока. Тезаврация сокровищ происходила не в периферийных районах, а в центрах при условии задержки серебра на местном рынке вследствие нарушения обычных средних норм ввоза монет.

П. С. Пеняк

СТРУКТУРА РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В X—XIII вв.

В истории Древней Руси одним из важных вопросов является изучение хозяйства, различных видов производственной деятельности человека и форм организации непосредственных производителей. В этом плане немаловажный интерес представляет организация ремесленного производства Черниговской земли в X—XIII вв. Исследователи (Б. А. Рыбаков, Г. А. Вознесенская, В. П. Коваленко и др.) интересовались больше вопросами техники и технологии ремесленного производства, чем его ор-

ганизационной структурой. Между тем без изучения социальной организации невозможно определить действительное место ремесла в системе производительных сил и производственных отношений феодальной Руси.

В Чернигово-Северской земле в X — XIII вв. были социально разнородные организаторы ремесленного производства: государственная власть, князья, бояре, феодально-служилая знать, духовенство, купечество, свободные городские ремесленники и их объединения. Условно можно выделить три сектора ремесла (государственный, вотчинный, свободный) по социальному положению их организаторов.

В структуре ремесла Чернигово-Северской земли ведущее место принадлежало первому. Здесь феодальное государство и его органы выступали как коллективные организаторы ремесла и собственники производимой продукции. Государственный сектор охватил ряд ремесленных специальностей, связанных с производством строительных материалов, сооружением городских укреплений, культовых и светских зданий, кораблестроение, оружейное дело.

В ряду государственных мероприятий по обороне страны от кочевников самым значительным было укрепление границ путем создания системы городов-крепостей. Летописные данные говорят, что такая система создавалась в Чернигово-Северской земле в конце X в. князем Владимиром Святославичем: «И нача ставити (Владимир — П. П.) города по Десне, и по Востри»¹. Экономические возможности для такого строительства появились лишь со сложением феодального общества: для строительства крепостей-укреплений средневековых городов нужно было мобилизовать значительно больше рабочей силы, чем при строительстве общинных укреплений.

Государственная власть занималась также сооружением культовых и светских зданий. Крупномасштабное строительство велось с конца X — начала XI в. на территории Чернигово-Северской земли. Каменные и плотничьи работы требовали совокупного труда многих ремесленников, артельной работы. Артели были организованы по вертикальному принципу, имея в своем составе мастеров разных специальностей. По-видимому, такие артели существовали и на рассматриваемой территории, принимали участие в строительстве и в других русских землях. Детальное сравнение Борисоглебской церкви в Старой Рязани с Успенским собором Елецкого монастыря в Чернигове привело некоторых исследователей к убеждению, что их строили не только в одно время, но, вероятно, даже силами одной строительной артели².

Строительство, ведущееся под руководством князей и церковников, следует считать государственным. Что касается мас-

теров-строителей, их артелей, то определить достоверно их социальное положение пока невозможно. Они могли быть как зависимыми, так и свободными ремесленниками, исполнителями государственных заказов.

Широко развернувшееся в Древней Руси строительство каменных культовых и светских сооружений вызвало необходимость создания производства строительных и отделочных материалов — изготовление кирпича, поливных плиток, обработки строительного камня и др.

Б. А. Рыбаков указал на существование кирпичного производства в более чем 25 городах Древней Руси и среди них Чернигов, Вщиж, Переяславль³. В 1951 г. на территории черниговского Подола исследовалась печь для обжига кирпича⁴. Как известно, в крупных городах существовали отдельные артели мастеров-плинфотворителей, занятых изготовлением кирпича для строительства каменных сооружений. Открытая печь в Чернигове, по-видимому, обслуживалась такой артелью.

К государственному сектору относится такая отрасль ремесла как кораблестроение.

Сохранились древние названия районов, где, видимо, происходила постройка кораблей. Так, в Любече, возле пристани, было расположено уроч. «Кораблище», где могли строиться однодревки⁵. Восточнее с. Малый Злеев обнаружены следы селища Кораблище, расположенного на расстоянии 600 м от северной окрестности оз. Кораблище⁶.

О государственном подходе к постройке флота говорит то, что в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» указаны областные пункты сбора кораблей: Чернигов (бассейн Десны и Сейма), Любеч (бассейн Березины и часть бассейна Днепра и Сожа). Можно предположить, что в постройке судов принимали участие артели кораблестроителей, возглавляемые старшинами. Так, в письменных источниках встречаем упоминание о «старейшине ушкуйником».

Одним из ремесел, которые отнесем к государственному сектору, было оружейное дело. В городах, следует думать, существовали специальные мастерские по производству мечей, кольчуг, шлемов, колчанов, щитов. Так, в Чернигове засвидетельствовано существование специализированных мастерских по изготовлению металлических деталей убора-снаряжения всадника-воина и боевого коня. По мнению Р. С. Орлова, начало функционирования этих мастерских — 50—70-е годы X в. Как отмечает исследователь, стилистическое единство, сложную технологию и металлургические традиции в это время можно было обеспечить только в государственных мастерских⁷.

Основой производственных отношений при феодальном строе являлась собственность господина на землю и неполная соб-

ственность на работника производства — крепостного крестьянина. Как отмечал Ф. Энгельс, «феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда или в виде готового продукта...»⁸.

Отличительной чертой крупного феодального хозяйства являлось наличие собственного ремесленного производства, которое удовлетворяло не только свои потребности, но и потребности рынка. Это приносило дополнительные доходы князьям и боярам, и поэтому они стремились развивать в своих хозяйствах разные виды ремесел.

Существование двух форм феодального землевладения на Руси позволяет в светском вотчинном ремесле выделить две формы: ремесленное производство, принадлежавшее с одной стороны, князю, а с другой — феодальной знати. При их определении придерживаемся топографического принципа. Первая форма — ремесло, следы которого выявляются в пределах княжеских детинцев. Вторая — производство, исследованное на боярских усадьбах в городах, а также на городищах-замках.

Для XI — XII вв. имеются письменные источники, засвидетельствовавшие существование на Руси вотчинных ремесленников. Об этом идет речь в «Пространной Русской Правде». Важным доказательством того, что на княжеских дворах жили и работали ремесленники, являются ремесленные изделия и инструменты, помеченные княжескими знаками собственности. В хозяйстве черниговских князей широко пользовались такими знаками, ставя их на готовых изделиях, монетах, княжеском оружии.

Упомянем знаки, связанные с различными изделиями, производившимися на княжеском дворе или для княжеского двора. Среди них видное место занимают знаки на кирпичах церквей. В Чернигове кирпичи с княжескими знаками встречены в Елецкой и Пятницкой церквях, Борисоглебском соборе⁹.

Особое место среди производств, рассчитанных на обслуживание княжеских домов, занимало ювелирное дело. Интересна как памятник быта и редкий образец кованой посуды серебряная чаша черниговского князя Владимира Давидовича (середина XII в.).

Эти богатства сосредоточивались в руках княжеского дома, отсюда и то покровительство, которое оказывалось древнерусским «кузнецам злату, серебру и меди». Из них складывалось княжеское «имение», казна. Ее могли обеспечить только постоянно действующие мастерские. В Чернигове, на территории, традиционно называемой «княжьим двором», исследованы постройки IX — XIII вв. — княжеские ремесленные мастерские. В некоторых из них обнаружено большое количество брусков и слитков меди, олова, свинца¹⁰.

Феодално-служилая знать была организатором производств, удовлетворявших потребности в ремесленных изделиях городских и сельских феодалных дворов. Необходимость в собственных ремесленниках определялась натуральным характером феодалного производства. Примерами тому служат археологические находки орудий труда, мастерских во Всеволожье, Морвийске, Оргощи, Листвене и др. Так, на прилегавшем к валу городища участке летописного Листвена раскопаны остатки производственной мастерской, принадлежавшей ремесленнику, который занимался кузнечными работами по черному и цветному металлу¹¹. Т. Н. Никольская зафиксировала наличие узкой специализации в замковом ремесле вятических феодалных усадеб¹². По характеру и форме организации ремесло феодално-служилой знати мало чем отличалось от княжеского, по-видимому, только масштабами производства.

Развитию вотчинного ремесла экономически и организационно способствовало и духовенство. Оно налаживало те отрасли, которые обеспечивали деятельность христианской церкви и удовлетворяли потребности верующих в предметах культа. Определенную роль оно сыграло в организации производства строительных материалов, строительстве культовых зданий. Так, о существовании монастырских изготовителей кирпича свидетельствуют изученные Б. А. Рыбаковым крестообразные знаки на кирпичах Елецкой и Успенской церквей Чернигова¹³. Аналогичные знаки встречены при исследовании каменного сооружения XII — XIII вв. на детинце древнего Путивля.

В Чернигове, Новгороде-Северском, Сновске развивалось свободное городское ремесло. Посадское ремесло в структуре ремесла древней Руси составляло отдельный сектор, а свободные посадские ремесленники представляли новую социальную категорию (сословие) древнерусского общества. «Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю», — отмечал Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг»¹⁴. Это положение Ф. Энгельса определяет сущность мелких производителей в общественной структуре феодалного способа производства, выступавших в роли организаторов различных видов ремесла. Основным фактором для определения свободного городского ремесла служит топография древнерусских городов. Мастерские и другие следы ремесленного производства, выявленные на посадах, характеризуют свободное городское ремесло.

Одним из крупных городских ремесленных посадов Древней

Руси было черниговское Предградье, возникновение которого тесно связано с развитием ремесел и торго. Его площадь в момент расцвета Чернигова достигала около 88 га, что свидетельствует о той роли, какую играли ремесленно-торговые слои в жизни древнерусских городов. На этой территории мастерские не выявлены, но известны другие следы ремесленного производства. Например, в районе Пятницкой церкви во время земляных работ отмечалось значительное сосредоточение остатков железодельного, литейного, стеклодельного, гончарного производства, главным образом в виде железных криц, обломков тиглей.

Площадь посада Новгорода-Северского составляла около 30 га, здесь концентрировалось железодельное, кузнечное, ювелирное, гончарное и другие ремесла¹⁵.

Участие свободных посадских ремесленников в общественном разделении труда привело к тому, что перед нашествием орд Батыя почти все ремесла Древней Руси вышли на рынок. В ремесленном производстве произошла некоторая специализация среди районов, городов. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс «...города вступают в связь друг с другом, из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности»¹⁶. Такое положение характерно и для стран Западной Европы, и для Киевской Руси. Так, в Чернигове преимущественное развитие имели железодельное и ювелирное ремесла, в Новгороде-Северском — кузнечное и гончарное, в Сновске — кузнечное.

В целом структура ремесла Чернигово-Северской земли оформилась в сложный механизм, в котором участвовали разные классы и социальные группы древнерусского общества. Все сказанное выше позволяет наметить следующую схему структуры ремесла Чернигово-Северской земли в X—XIII вв.: государственное, вотчинное (княжеское, боярское и младшей феодальной знати, церковно-монастырское), свободное посадское ремесло.

¹ ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 1.— Стб. 121.

² Михайловский Е. В. О датировке Успенского собора в Старой Рязани // Архитектурное наследство.— 1972.— Т. 19.— С. 50.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М., 1948.— С. 357—358.

⁴ Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Чернігові в 1949 та 1951 рр. // АП, УРСР 1955.— Т. 5.— С. 10.

⁵ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1964.— С. 87.

⁶ Шекун А. В. Отчет Черниговской археологической экспедиции 1977 г. // НА ИА УССР.— 1978.— Ф. э. 8533—8537.— С. 26.

⁷ Орлов Р. С. Художня металообробка у Києві в X ст. // Археологія.— 1983.— Т. 42.— С. 39, 37.

⁸ *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 407.

⁹ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА,— 1949.— № 11.— С. 89; *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА.— 1967.— № 2.— С. 193.

¹⁰ *Богусевич В. А.* Археологические раскопки древнего Чернигова в 1949 г. // НА ИА УССР.— 1950.— Ф. э. 1052.— С. 14.

¹¹ *Вознесенская Г. А., Коваленко В. П.* О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.— Киев, 1985.— С. 101.

¹² *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв.— М., 1981.— С. 95.

¹³ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— С. 89.— Рис. 51.

¹⁴ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 279.

¹⁵ *Коваленко В. П.* Давньоруський Новгород-Сіверський // Матеріали до зводу пам'яток історії та культури народів СРСР по Українській РСР.— К., 1984.— С. 56.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 53.

А. П. Калюк

ОБ ЭКСПОРТЕ СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОГО РЕМЕСЛА ИЗ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ В СЕРЕДИНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Как показала в своих работах Ю. Л. Щапова, изготовление стеклянных браслетов представляло в древнерусское время одну из специальностей в стеклоделии. По мнению исследовательницы, начало массового производства браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла киевскими ремесленниками относится к 30-м годам XII в. Через два-три десятилетия собственные мастерские появляются в Новгороде, Полоцке и Смоленске, а позднее — с конца столетия — в Рязани и, возможно, во Владимире. Одновременно с полоцкими и смоленскими возникают браслетные мастерские в Друцке и Воищине, одновременно с киевскими — мастерская в любечском замке.

В местных мастерских использовалось стекло двух составов. Мастера Смоленска, Новгорода, Полоцка готовили бесщелочное свинцово-кремнеземное стекло, браслетчики Рязани и, возможно, Владимира — аналогичное киевскому — калиево-свинцово-кремнеземное стекло. С конца XII в. последнее применяют и новгородские браслетчики.

Причины различия в составе материала исследовательница объясняет разновременностью выселения из Киева стеклоделов, специализировавшихся на приготовлении стеклянной массы одного определенного состава для выработки своей продукции.

По ее мнению, из Киева прежде всего выселяются стеклоделы, которые могли сварить бесщелочное свинцово-кремнеземное стекло. Стекло такого состава вследствие своей рецептуры может приобретать окраску узкой цветовой гаммы и уступает в этом отношении стеклу, сваренному с добавлением щелочи. Испытывая конкуренцию со стороны браслетчиков, базировавшихся на приготовлении и обработке калиево-свинцово-кремнеземной стекломассы, мастера, применявшие бесщелочное стекло, покидают Киев и переселяются в Новгород, Смоленск и Полоцк. Здесь переселившиеся из Киева браслетчики основывают браслетные мастерские, деятельность которых фиксируется с середины второй половины XII в. Со временем — с конца XII в. — в силу новых причин в процесс переселения вовлекаются и ранее преуспевавшие мастера, изготовлявшие браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла¹.

Однако некоторые особенности составов стекол браслетов местного производства наряду с особенностями сырой поливы позволяют иначе осветить процесс переноса стеклоделательной традиции из Киева в другие города в середине — второй половине XII в.

Связь местных браслетных мастерских с киевскими, по мнению Ю. Л. Щаповой, заключается в составе стекла браслетов. Однако результаты опубликованных анализов стекла браслетов не позволяют утверждать подобную зависимость для мастерских середины — второй половины XII в.: бесщелочное свинцово-кремнеземное стекло практически неизвестно в продукции киевских браслетчиков. Из 18 аналитически изученных браслетов из Киева лишь один оказался изготовленным из бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, в остальных случаях выявлено калиево-свинцово-кремнеземное стекло². Наличие браслета из бесщелочного стекла в киевской коллекции исследовательница объясняет возможным экспортом части изделий местных мастерских в Киев³.

Не зафиксированы браслеты из бесщелочного стекла и в городах Киевской земли. Аналитически исследованные браслеты из Вышгорода, Райковецкого городища и Колодяжина представлены только изделиями из калиево-свинцово-кремнеземного стекла⁴.

Таким образом, основываясь на опубликованных данных, касающихся состава стекла браслетов, можно заключить, что в Киеве и Киевской земле не было браслетного производства, которое по составу материала было сходно со стеклом новгородских, полоцких и смоленских мастеров середины — второй половины XII в. По-видимому, начало браслетному производству за пределами Киевской земли положили не браслетчики, а мастера другой специальности, знакомые с изготовлением и

обработкой стеклянной массы бесщелочного свинцово-кремнеземного состава.

Свинцово-кремнеземное стекло было первым и, наверное, единственным по составу, с которым довелось на практике познакомиться русским ремесленникам в мастерских приглашенных на Русь византийских смальтоваров. Пройдя школу освоения технологии обработки стеклянной массы на примере бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, русские мастера, создав свой рецепт стекла, с конца XI в. почти не применяют свинцово-кремнеземное стекло в производстве изделий. Сфера его применения ограничивается изготовлением смальты для мозаичных полов и использованием в качестве основы глазурных покрытий на керамике: посуде и облицовочных материалах⁵.

Изучая составы стекла стеклянных браслетов и составы глазурей, Ю. Л. Шапова пришла к выводу о возможности применения древнерусскими мастерами свинцово-известковых и свинцово-кремнеземных смесей, характерных для глазурей, для выработки браслетов. Аналитическое изучение глазурного покрытия плиток из храма на Соборной горе в Смоленске засвидетельствовало соответствие части глазурей «всем признакам стекол смоленского производства»⁶.

Сходство составов глазурей и составов стекла браслетов, по нашему мнению, наиболее заметно в браслетах со значительной примесью окислов титана и алюминия. В стекловарении обычно эти окислы вводятся в состав стекла путем добавки глины в процессе приготовления шихты⁷. Вместе с тем оба окисла могут быть введены в состав стекла, уже сваренного: в производстве глазурованной керамики при нанесении поливной массы в виде водной суспензии стеклообразующие материалы и глина являются двумя компонентами поливы. Введением глины мастер обеспечивает повышение вязкости поливы, необходимое для получения качественного глазурного покрытия. Одновременно повышается пластичность суспензии, что позволяет ее использовать как материал для росписи изделий трубчатым инструментом⁸. Поэтому наличие преднамеренно введенных в состав стекла окислов титана и алюминия свидетельствует о приспособленности составов, в которых они выявлены, для получения глазурных покрытий на керамике. Приспособленность свинцово-кремнеземных стекол с повышенным содержанием глинозема для глазурования указывает на зависимость местного производства браслетов от применения и изготовления в этих центрах поливы или ее основного компонента — свинцово-кремнеземного стекла.

О зависимости возникновения браслетных мастерских Смоленска, Полоцка и Новгорода от развития в названных городах в предшествующее или сопутствующее им время изготовления

Центр производства стеклянных браслетов (по Ю. Л. Щаповой)	Наличие производства глазурированной посуды (по Т. И. Макаровой)	Памятники архитектуры из этих центров и их земель, в декоре которых использованы глазурированные плитки			
		первая половина XII в.	середина XII в.	вторая половина XII в.	конец XII в.
Новгород с середины XII в.	С середины XI в.	—	*	—	—
Полоцк со второй половины XII в.	?	2**	3	2	—
Смоленск со второй половины XII в.	?	1	3	3	5

* Мозаичные полы Софии Новгородской.

** В одном памятнике кроме плиток использована смальта

и применения глазурей и смальт свидетельствует табл. I, в которой приведены данные об использовании в центрах браслетного производства середины — второй половины XII в. глазурей в керамическом производстве⁹.

Установление связи (в форме зависимости) между составами стекла, вырабатываемого в местных мастерских, и составами глазури позволяет осветить причины появления браслетных мастерских в удаленных на сотни километров друг от друга городах в узкий исторический период. Совпадение во времени возникновения мастерских в нескольких городах сразу позволяет говорить об общих для этих городов причинах, обусловивших практическую одновременность появления мастерских.

Особенностью исторического развития Руси 30-х годов XII в. явилось ее вступление в период развитого феодализма. Для его начального этапа характерен общий подъем культуры в княжествах, сформировавшихся в составе Древнерусского государства. Частным проявлением культурного подъема в политически обособившихся княжествах был расцвет монументального строительства¹⁰, формирование новых архитектурных традиций, в большинстве своем тесно связанных с зодчеством Киева. Начавшаяся в памятниках Киева и Киевской земли замена мозаик и инкрустаций при создании декора полов глазурированными плитками быстро распространялась за их пределы и перенималась зодчими других княжеств, в том числе Полоцкого и Владимирского¹¹. Очевидно, важную роль в распространении родившихся в Киеве традиций сыграли киевские мастера, которых приглашали для работы в другие княжества. Их деятельность отчетливо проявляется на примере Полоцка, где

обнаруживается почерк киевской строительной артели. По мнению П. А. Раппопорта, киевляне оказываются в Полоцке сразу же после 1139 г., когда киевский стол занимает Всеволод Ольгович. Он переводит в Киев черпиговских зодчих, а киевскую артель отсылает в Полоцк, с которым поддерживает в это время союзные отношения¹².

Участие мастеров, умевших приготовить стеклянную составляющую поливы и изготовить из нее по простейшей технологической схеме цельностеклянную поделку в составе киевской строительной артели, выведенной в Полоцк, видимо, стало основой, на которой сложилось полоцкое производство браслетов. Вероятно, таким же путем создавалось собственное браслетное производство и в других его центрах.

Использование материально-технических возможностей производства бесщелочного стекла для полив и смальт дает толчок изготовлению браслетов на местах. Этому же способствует появление в различных княжествах устойчивого спроса на браслеты, поступающие с первой половины XII в. из Киева. Возможно, что первые браслеты на местах вырабатывают киевские керамисты: местное изготовление стеклянной массы в Полоцке известно с первой половины столетия, тогда как изготовление браслетов в Полоцке начинается во второй половине века. Такая ситуация может быть связана и с тем, что пришедшие из Киева мастера глазури принесли с собой и секреты выработки стеклянных изделий.

Зависимость возникновения браслетных мастерских Смоленска и Полоцка от появления и развития в этих центрах производства глазурованных керамических плиток помогает понять, как осуществлялся экспорт стеклоделия из Киева в середине — второй половине XII в. Условия для выселения для мастеров-стеклоделов из Киева в это время еще не сложились. Перенесение традиций стекловарения и технологии выработки изделий из стекломассы осуществлялось специалистами глазурных покрытий на керамике, в первую очередь на облицовочном материале — глазурованных плитках. Применение поливы для изготовления браслетов мастерами Полоцка и Смоленска явилось результатом использования переселившимися сюда киевскими керамистами-плиточниками поливных смесей для производства пользующихся спросом украшений.

В изменившихся условиях — с рубежа XII — XIII в. — выселение стеклоделов из Киева становится необходимостью. Переселение браслетчиков из Киева в Новгород, Рязань и, вероятно, Владимир способствует дальнейшему прогрессу в древнерусском стеклоделии. Поэтому можно говорить о начале первого периода экспорта стеклоделия из Киева и Киевской земли на рубеже XII — XIII вв.

Центр монументального строительства, в котором использовались глазурованные плитки	Наличие производства глазурованной посуды (по Т. И. Макаровой)	Памятники архитектуры в этих центрах и их землях, в декоре которых использованы глазурованные плитки			
		первая четверть XII в.	вторая четверть XII в.	середина второй половины XII в.	конец XII в.
Чернигов	С первой полови- ны XII в. [#]	3*	—	2**	1
Владимир (?)	Со второй поло- вины XII в.	—	—	50-е годы —2 60-е годы —5	3
Галицкая зем- ля	—	1	4	1	1
Черная Русь	С середины XII в.	—	—	3	1

* В одном памятнике кроме плиток использована смальта.

** В обоих памятниках кроме плиток использована смальта.

Возникновение местных браслетных мастерских на базе производства глазурованных керамических плиток в общих чертах позволяет наметить ряд центров, где могли сложиться условия для появления такой отрасли стеклоделия, как браслетное производство. Первым претендентом на возникновение собственного производства браслетов должна быть названа Черниговская земля. О существовании здесь собственного стеклоделия уже в первой половине XII в. свидетельствуют любечские материалы. Мастер из Любеча часть своей продукции изготовлял из поливных смесей, отличающихся по составу от стекла браслетов киевского производства, выявленных тут же ¹³.

Принимая во внимание применение смальты в черниговском зодчестве первой половины XII в. и раннее использование глазурованных плиток для набора полов (табл. 2), а также участие в строительных работах в Чернигове квалифицированных византийских мастеров, можно предполагать существование в городе собственного специализированного стеклоделия.

Вторым претендентом на существование браслетных мастерских во второй половине XII в., вырвавшихся из производства глазурованной архитектурной керамики, является Владимир. Коллекция владимирских браслетов характеризуется преобладанием изделий из коричневого стекла, они составляют половину всей коллекции. Преобладание коричневой окраски стекла отличает центры собственного производства браслетов от продукции киевских мастерских: коричневые браслеты Новгорода,

Смоленска, Полоцка составляют 42—53 % найденных при раскопках стеклянных браслетов¹⁴.

Материально-технические условия для возникновения браслетного производства, основанного на обработке бесщелочного свинцово-кремнеземного стекла, около середины XII в. складываются в Галицкой земле и в Черной Руси (табл. 2).

Отсутствие в Древней Руси бродячего ремесла, подобного западноевропейскому, установленное Б. А. Рыбаковым¹⁵, предполагает иные пути появления новых ремесленных специальностей в тех городах, где их ранее не было. История древнерусского стеклоделия свидетельствует о существовании двух таких путей. Первый — сохранение мастером при переселении на новое место жительства своей прежней узкой специальности, второй — изменение узкой специальности мастера под влиянием спроса на продукцию, которую он может изготавливать за счет освоенных навыков из привычного материала, не внося изменений в оборудование мастерской.

¹ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— М., 1972.— С. 172—174.

² Шапова Ю. Л. Скляні браслети Київщини // Археологія.— 1968.— Т. 21.— С. 108—109.— Табл. 1; Безбородов М. А. Стекло в Древней Руси.— Минск, 1956.— С. 204—205.— Табл. 25.

³ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— С. 112.

⁴ Шапова Ю. Л. Скляні браслети Київщини.— С. 108—109; Безбородов М. А. Стекло в древней Руси.— С. 202, 204—205.

⁵ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— С. 188—189.

⁶ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— С. 147; Шапова Ю. Л. Плитчатый пол вновь открытой церкви на Соборной горе Смоленска // Культура Древней Руси.— М., 1966.— С. 304.

⁷ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— С. 139.

⁸ Тищенко О. Р. До питання про техніку виготовлення давньоруських полив'яних плиток // Археологія.— 1970.— Т. 24.— С. 84.

⁹ Для составления таблиц использованы данные работ: Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси; Макарова Т. И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ.— 1967.— Вып. Е1-38; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. // САИ.— 1982.— Вып. Е1-47.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— С. 469—564.

¹¹ Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве // Труды Всероссийской академии художеств.— М.; Л., 1947.— Т. 1.— С. 17—35; Малевская М. В. К вопросу о мозаичных полах в русском зодчестве X—XII вв. // Древнерусский город.— Киев, 1984.— С. 80.

¹² Раппопорт П. А. Из истории Киево-Черниговского зодчества XII в. // КСИА АН СССР.— 1984.— № 179.— С. 62.

¹³ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— С. 143—146.

¹⁴ Там же.— С. 166.— Табл. 30.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси.— М.; Л., 1948.— С. 510.

СЕЛИЩА IX—XIV вв. В МЕЖДУРЕЧЬЕ НИЗОВИЙ ДЕСНЫ И ДНЕПРА

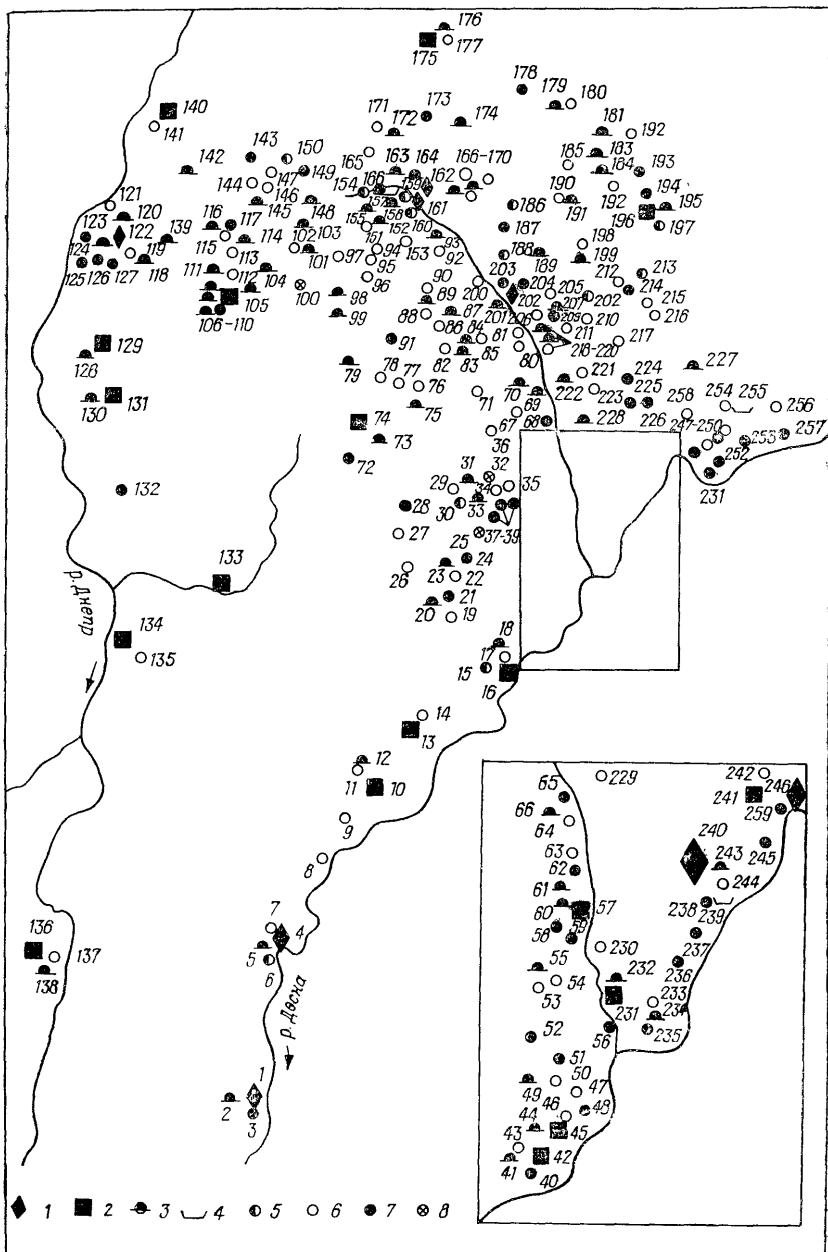
Большую роль в становлении и развитии Чернигова, как и всех средневековых городов, играла местная сельская округа. Археологические исследования, начатые на Черниговщине более 100 лет назад и особенно широко развернувшиеся в последнее время, пока в малой степени затронули самую многочисленную группу археологических памятников — поселения сельского типа, относящиеся к IX—XIV вв., и связанные с ними могильники.

Вопрос о возникновении и развитии сельских поселений в древнерусское время на этой территории до сих пор не получил ясного ответа, не удавалось установить их точное местонахождение, провести раскопки. Поскольку письменных источников по данному вопросу фактически нет, ответить на него могут только данные археологии. Для этого следует привлечь в основном материалы селищ, поскольку могильники на данной территории сохранились плохо. Ныне количество выявленных поселений в два раза превосходит известное число курганных могильников.

Изучению сельских поселений Древней Руси лесной полосы Восточной Европы посвящены работы А. В. Успенской и М. В. Фехнер, В. В. Седова — по Смоленской земле; Т. Н. Никольской — по земле вятичей; Я. Г. Риера — по Могилевскому Поднепровью; Л. В. Алексеева — по Полоцкой и Смоленской земле; А. Н. Насонова и А. К. Зайцева — по истории Черниговского княжества. В 1974—1985 гг. разведками областной археологической секции, а в последние годы совместно с отделом археологии Черниговского исторического музея велось систематическое обследование территории, граница которой на западе совпадает с границей Черниговской земли по Днепру, северная и восточная границы проходят по болотам Перистое и Замглай, являющимся естественными рубежами, а южная — по Десне с крайним пунктом Черниговской земли — Лутавой.

Таким образом, выделенная территория образует естественный ограниченный ареал заселения по линии север — юг протяженностью примерно 90 км и запад — восток — 60 км.

Внутри данного региона кроме Чернигова и Любеча находятся также летописные города Листвен, Рогоща, Гюричев, Лугава, Моровийск. Селища данной территории входили в состав вотчины черниговских князей: по сведениям летописи, между Чернигом и Любечем находилась «вся жизнь черниговских князей», что косвенно подтверждается выявленными

остатками древнерусских селищ, сохранивших топонимы «Княжино Селище», «Княгинино», «Ольгов».

На этой территории раньше проводились разведки Б. А. Рыбаковым, Д. И. Блительдом, Э. А. Сымановичем, А. А. Пошко. Они привели к открытию ряда поселений, расположенных, как правило, на возвышенных участках.

В своих работах нами была принята методика археологического изучения древнерусских селищ, разработанная В. В. Седовым. В ходе проводимых разведок стало очевидно, что обследование памятника надо проводить неоднократно и в наиболее благоприятное для этого время — при распушке после таяния снега, что дает возможность получить наиболее полный материал о площади селища, его датировке, виде застройки, хозяйственной и ремесленной деятельности его жителей. Границы селищ определялись по темной окраске культурного слоя на общем более светлом фоне пахоты с учетом распространения и концентрации подъемного материала. Выбор для проведения таких работ отдельного небольшого района, имеющего свои специфические физическо-географические и исторические особенности, позволяет провести наиболее всестороннее и полное обследование.

В топографическом плане территория, на которой проводились работы, представляет собой равнину, слегка возвышенную в среднем течении р. Белоус, прорезанную многочисленными притоками рек Днепра и Десны. Берега низкие, много балок, оврагов, имеется целый ряд небольших всхолмлений среди поймы и болот. Болотами занята северная и западная части территории. В настоящее время они частично осушены. Леса занимают около 3 % всей территории.

Грунты пылевато-супесчаные и легкосуглинистые, есть отдельные клинья более плодородных луго-черноземных, частично темно-серых лесовых.

Современное состояние местности этого региона позволяет проводить обследование и спасательные раскопки на относительно обширной территории и, следовательно, распознавать общие тенденции развития.

На большинстве селищ проводилась шурфовка, а на семи — раскопки. Общая вскрытая на них площадь превышает 10 тыс. м². Исследовано свыше 100 построек жилого и хозяйственного

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников IX—XIV вв. в междуречье низовья Десны и Днепра.

1 — летописный город; 2 — городище; 3 — курганный могильник; 4 — грунтовый могильник; 5 — селище, возникшее в IX — начале X в.; 6 — селище, возникшее в X — начале XI в.; 7 — датировка селища не ясна;

Селища, возникшие в IX—XI вв.

Наименование географического пункта	Номер на карте	Топографический тип	Площадь, га	Век
Андреевка (Якубовка)	19	IB	3	XI—XIII
Андреевка Ходча I	26	IV	1	X—XIII
Березанка Овраменков Круг	254	V	4,8	X—XIII
Березанка Сажелка	256	II	2,5	X—XIII
Березовка (Стаханово)	119	IA	8	X—XIII
Буянки Круглое	180	IB	6	XI—XII
В. Вель Штигенки	192	IB	18	X—XIII
Вербичи	190	IA	5	XI—XIII
Впучки	200	IB	5	X—XIII
Грабов	177	II	4,5	X—XII
Гучин	92	IA	2,2	XI—XIII
Деснянка	223	V	6	XI—XIII
Деснянка Селецкое	221	V	3,7	XI—XIII
Должик 3	86	IA	—	XI—XIII
Должик 4	90	IA	2	X—XIII
Должик Селище	88	IA	2	XI—XII
Жавинка	233	IB	—	X—XIII
Злеев Кораблище II	150	V	7	IX—XI
Карховка Ходча II	27	IA	5	X—XIII
Кези I Тарачино	97	IA	2,4	XI—XIII
Кези II	96	IA	2,5	XI—XIII
Кези III	95	IV	1	X—XIII
Киенка Мыс	53	IB	1,5	XI—XIII
Киенка Скиток	54	II	1,8	XI—XIV
Клопов	112	IA	10	X—XIII
Лебедовка	9	IB	1,8	XI—XIII
Левковичи 1	29	IA	3	X—XI
Левковичи 2	30	IA	1	IX—XI
Льгов Веремеев Ров	35	IA	7,5	X—XIV
Льгов Курганки	34	III	4	X—XIII
Льгов Льговка	32	III	11	IX—XIII
Льгов Круг	36	V	4,8	XI—XIII
Любеч Высокое Поле	121	IB	—	XI—XIII
Максим	8	II	1,8	XI—XIII
М. Коцюбинск Княгиня	22	IV	4,5	X—XIII
М. Листвен	159	IA	1,5	IX—XII
М. Листвен Каменка	154	IA	—	IX—XI
М. Листвен Лесковое	156	IA	6,5	IX—XIII
Моровск	7	IB	—	X—XIII
Мохнатин	82	IA	5	X—XIII
Мохнатин Старый Мохнатин	85	IV	1,5	X—XIII
Н. Белоус	64	IB	2,2	XI—XIII
Н. Белоус Калеки	67	III	3,8	XI—XIII
Новоселовка Гора	248	IB	2,2	X—XII
Новоселовка Подьем	250	IB	3,2	XI—XIII
Новоукраинское Сад	185	IA	5	XI—XIII
Новоукраинское Ставок	182	II	3,4	XI—XII
Осяйки	198	IB	6	XI—XIII
Павловка Гора	230	IB	8	XI—XIII
Пересажа Займы	144	IB	8,4	X—XIII

Наименование географического пункта	Номер на карте	Топографический тип	Площадь, га	Век
Петрики I	146	IA	7	X—XI
Петрики II	147	IA	1	XI—XII
Петруши	165	V	1,2	X—XI
Пушкари	151	IA	0,5	XI—XII
Пушкино	102	III	6	X—XIII
Роище II	212	IA	1,8	XI—XIII
Роище Логи	213	IB	8	IX—XIII
Роище Тишин	217	IB	4,5	X—XIII
Роище Чаплище I	215	IB	2,2	XI—XIII
Роище Чаплище II	216	IB	4	XI—XIII
Рудка	71	IA	8	X—XIII
Рыжики Лысая Гора	220	IA	2	X—XII
Смаки	143	IB	1,8	XI—XIV
Сибирсж	188	IA	9	IX—XIV
Сибирсж Очеретяная Гора	186	III	12	IX—XIII
Скитки	113	IV	1	XI—XII
Слабин	15	IB	5	XI—XIII
Смолиговка I	115	IA	10	XI—XIII
Ст. Белоус Сомов Хвост	63	IB	6	X—XIII
Суличевка II	168	III	1,8	XI—XIII
Суличевка I	169	III	4	XI—XIII
Суличевка III	170	III	3	XI—XII
Тамаровка	94	IA	10	X—XIII
Трудовое	154	IA	2,2	XI—XIII
Убежичи	171	IA	—	X—XII
Хмельница I	205	III	5,7	XI—XIII
Хмельница Ланок	206	IV	1,8	XI—XIII
Хмельница Талашов	211	V	7,8	X—XIII
Хмельница Шумлай	208	III	10	IX—XIII
Хмельница Юрковщина	210	III	4,8	XI—XIII
Чернигов Кордовка	244	IV	—	X—XIII
Чернигов Масаны II	229	IV	2,3	X—XIII
Шестовица Мыс	47	IB	0,5	XI—XIII
Шестовица Ров I	50	IB	2,5	X—XIII
Шибириновка I	76	IV	13	XI—XIII
Шибириновка Бурчак	77	IA	3	X—XII
Шибириновка Город Кринич- ный	78	IA	—	X—XII
Юрьевка Вязовка	80	IB	3	XI—XIII
Юрьевка Чернеча Гора	81	IB	6	XI—XIII

Селища, возникшие в XII — начале XIII в.

Наименование географического пункта	Номер на карте	Топографический тип	Площадь, га	Век
Александровка	258	IB	5	XII—XIII
Бобровица Игрушка	251	II	1,8	XII—XIII
Борки Кавулина Гора	72	IB	3	XII—XIII
В. Весь Селище	193	II	—	XII—XIII

Наименование географического пункта	Номер на карте	Топографический тип	Площадь, га	Век
Жавинка Селище	235	II	I	XII—XIII
Зайцы I	37	V	4	XII—XIII
Зайцы II	38	I A	0,5	XII—XIII
Зайцы III	39	V	1,8	XII—XIII
Звеничев Селище	194	II	—	XII—XIII
Злеев Кораблище I	149	III	3,5	XII—XIII
Карховка	28	III	1,8	XII—XIII
Кненка I	52	I B	1,5	XII—XIII
Киселевка Пойма	257	II	2	XII—XIII
Кошовка	68	I A	3	XII—XIII
Кувечичи Селище	91	III	—	XII—XIII
Кукары Дворище	125	II	3	XII—XIII
Любеч Пристанище	123	II	—	XII—XIII
Любеч Подольщина	127	I B	—	XII—XIII
Любеч Слободка	126	II	—	XII—XIII
Мажуговка	21	IV	2,6	XII—XIII
М. Коцюбинск Дреймовщина	25	—	—	XII—XIII
М. Коцюбинск Задубинино	24	I A	3,5	—
Неданчичи Каменная Гора	132	II	—	XII—XIII
Новоселовка Березовая Гряда	252	II	1,8	XII—XIII
Новоселовка	249	—	1,6	XII—XIII
Н. Белоус Крипица	65	IV	3	XII—XIII
Полуботки I	225	I A	3	XII—XIII
Полуботки II	226	I A	2,5	XII—XIII
Присторонь	173	I A	1,8	XII—XIII
Радянська Слобода III	59	V	1,7	XII—XIII
Репки	179	II	—	XII—XIII
Рогоща 2	204	I B	3	XII—XIII
Ронце Попова Гора	214	IV	1,8	XII—XIII
Сибереж Верхнестриженское II	187	V	I	XII—XIII
Смолиговка II	117	I A	—	Ппол. XII—XIV
Ст. Белоус	62	I A	3	XII—XIII
Ульяновка	253	I B	4	XII—XIII
Халявин	224	I B	3	XII—XIII
Хмельница Селище	209	I A	4	XII—XIII
Чернигов Кукашаны	247	I B	0,8	XII—XIII
Чернигов Микулино	236	II	0,5	XII—XIII
Чернигов Пролетарский Гай	237	II	I	XII—XIII
Чернигов Стадион	245	I B	—	XII—XIII
Чернигов Церковище	238	II	—	XII—XIII
Шестовица Остров	48	II	2	XII—XIII
Шестовица Ров II	51	I B	1,8	XII—XIII
Шестовица Пойма	40	II	I	: Ппол. XIII—XIV
Шуманы	100	III	—	—

Могильники *

Наименование географического пункта	Номер на карте	Известно курганов	Исследовано курганов	Осталось курганов
Андресвка Царев Борок	20	—	—	—
Антоновичи	79 ⁺⁺	2	2	—
Березанка Овраменков Круг	255 ⁺⁺⁺	5	5	—
Березовка (Стаханово)	118	6	—	—
Буянки	179	—	—	—
Вербичи	191	4	—	4
Вишневое	181	—	—	—
Воробьев	103 ⁺	19	1	18
Галково	104 ⁺	10	3	—
Глыбов	138	—	—	—
Голубовка	142	9	3	6
Грабов	176	—	—	—
Гучин	93	—	—	—
Гущин	232 ⁺	132	16	31
Даничи	174	—	—	—
Деснянка	222	2	—	—
Должик	87	5	3	2
Должик Курганы	89	3	—	1
Жавинка	234	—	—	—
Звеничев	195 ⁺	20	7	13
Злеев	148	15	—	15
Карпиловка	2	—	—	—
Кези	98	1	—	—
Киевка	55	—	—	—
Клонов I	106 ⁺	197	17	1
Клонов II	107 ⁺⁺	3	1	2
Клонов Поруб	108 ⁺⁺	4	3	1
Клонов	111	—	—	—
Красковское Курганы	163 ⁺	8	1	4
Красковское Слободское	164 ⁺	15	1	12
Корольча	104	3	—	—
Кошовка	69 ⁺⁺	13	1	12
Левковичи	31	3	—	—
Льгов Курганки	33	—	—	—
Любеч Высокое Поле	120 ⁺	—	—	—
Любеч Чоботок	124	6	—	—
Малиновка	139	6	—	—
М. Листвен	158	—	—	—
М. Листвен Лесковое	155	1	—	—
М. Листвен Лесковое	157 ⁺⁺⁺	12	12	—
М. Коцюбинск Княгиня	23	—	—	—
Моровск	5	3	1	2
Мохнатин Слободское	83 ⁺	13	3	11
Мохнатин	84	—	—	—
Мысы	128	—	—	—

* Курганные могильники, содержащие захоронения по обряду трупосожжения.

** Курганные могильники, содержащие захоронения только по обряду трупоположе-

ния.
*** Грунтовые могильники.

Наименование географического пункта	Номер на карте	Известно курганов	Исследовано курганов	Осталось курганов
Н. Украинское Маслаковка	183	6	—	6
Н. Украинское Чепиговка	184	2	—	2
Н. Белоус	66+	13	3	—
Осняки	199	2	—	2
Павловка	99	15	—	15
Пересаж	145+	136	44	—
Плехов	73	—	—	—
Пушкарн	152	2	—	2
Пушкино	101	4	—	3
Редьковка	130	—	—	—
Рудка	70	9	—	9
Рыжники	218++	8	3	5
Рыжники Лысая Гора	219+	4	1	3
Сиберж	189+	ок. 100	2	6
Слабин	18	—	—	—
Смолиговка	116++	15	2	13
Смолин	12	1	—	1
Ст. Белоус	60	4	—	4
Ст. Белоус Ракита	61	ок. 100	—	—
Суличевка	166	1	—	1
Суличевка Кургань	167	—	—	—
Табавка	201+	78	20	21
Тараса Шевченко	105	6	—	6
Товстолес	227++	7	1	6
Убежичи	172+	9	1	8
Хмельница	207++	59	1	58
Чернигов Кордовка	243	3	—	3
Чернигов Масаны	228	3	—	3
Чернигов Церковише	239+++	8	8	—
Шестовица I	41+	20	2	—
Шестовица II	44+	156	149	11
Шестовица Ров	49	20	4	—
Шибриновка	75	6	—	6

Селища, расположенные вблизи городищ

Географический пункт	Номер на карте	Площадь, га	Век
Глыбов	137	—	—
Гушин Займыще	56	3	XI—XIII
Днепровское Домовуха	135	3	X—XIII
Звеничев	197	8	IX—XIII
Карциловка	3	5	XII—XIII
Козероги	14	—	XI—XIII
Клонов	110	—	XI—XIII
М. Листвен	160	10	IX—XIII
Моровск	6	8	IX—XIII

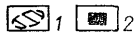
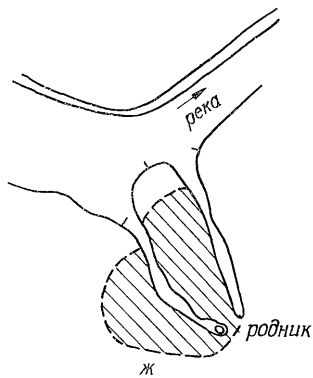
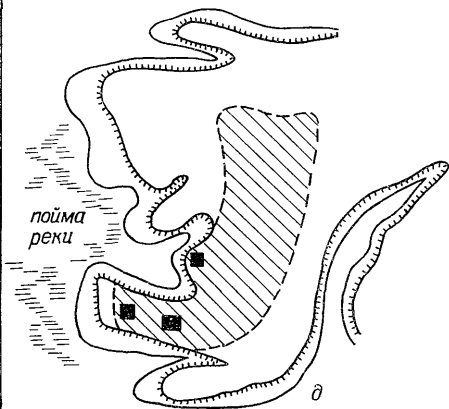
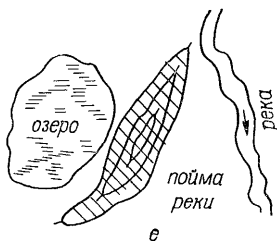
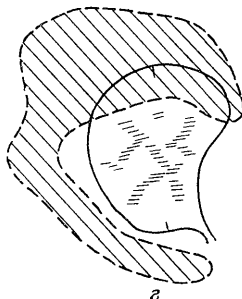
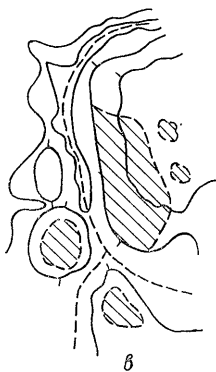
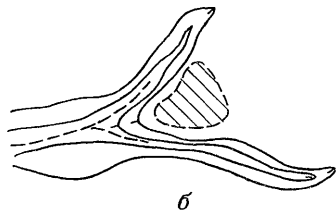
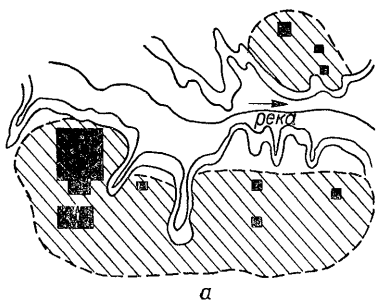
Географический пункт	Номер на карте	Площадь, га	Век
Новоселки	141	1	XI—XIII
Радянская Слобода	58	1,6	XII—XIII
Рогощи	203	—	IX—XIII
Смолин	11	8	XI—XIII
Слабин	17	—	X—XIII
Чернигов Еловщина	242	5	IX—XIII
Чернигов Гюричев	259	—	XII—XIII
Шестовица	46	8	X—XIII
Шестовица Коровель	43	8	IX—XIII

Городища

Географический пункт	Номер на карте	Век
Белоус	57	XII—XIII
Грабов	175	XII—XIII
Глыбов	136	—
Гущин	231	XI—XIII
Гюричев	246	XII—XIII
Днепровское	134	XII—XIII
Звеничев	196	X—XIII
Карпиловка	1	XII—XIII
Клонов	109	XII—XIII
Козероги	13	XII—XIII
Листвен I	162	X—XIII
Листвен II	161	XI—XIII
Любеч	122	IX—XIII
Моровск	4	X—XIII
Мысы	129	XII—XIII
Новоселки	140	XI—XIII
Пакуль	133	XI—XIII
Плехов	74	—
Редьковка	131	—
Рогощи	202	X—XIII
Слабин	16	X—XIII
Смолин	10	XII—XIII
Чернигов	240	VII—XIII
Чернигов Еловщина	241	XII—XIII
Шестовица	45	X—XIII
Шестовица уроч. Коровель	42	XI—XIII

назначения. Основная масса селищ характеризуется подъемным материалом.

К 1985 г. на карту этого района нанесено 259 памятников, в том числе 26 городищ, 155 селищ, 78 могильников (рис. 1, прилож.). Указанные памятники размещены на данной терри-

тории неравномерно. Наибольшее их количество расположено севернее Чернигова, в сторону Любеча, где наряду с хорошо развитой речной системой имеются наиболее пригодные для обработки земли, здесь каждому современному пункту соответствовали от одного до шести древних. Наименее заселенной оказалась территория ниже устья р. Ворзна, вдоль левого берега Днепра, занятая болотами, лесами.

В зависимости от расположения поселений на местности они разделены на пять типов.

Тип I. Преобладает на данной территории (приречной). Представляется возможным выделить три подтипа. Подтип А. К нему относятся 40 поселений, расположенных вдоль берегов рек и их притоков. Они занимают участки, обозначенные такими ориентирами, как балки или излучина реки. Покрывающий их культурный слой простирается вдоль берега реки на 100—800 м при ширине 30—300 м (рис. 2, а).

Подтип Б. Поселения (22) занимают возвышенные береговые террасы (рис. 2, б).

Подтип В. Селища (14) находятся у родников, на расстоянии 100—1000 м от русла реки (рис. 2, в).

Тип II. Поселения (21), расположенные на всхолмлениях в пойме рек (рис. 2, г).

Тип III. Поселения (15), расположенные в истоках рек и ручьев (рис. 2, д).

Тип IV. На невысоких мысах и всхолмлениях между речкой и впадающим в нее ручьем зафиксировано 12 поселений. Площадь и особенности их конфигурации зависят от рельефа и очертания мысов и всхолмлений (рис. 2, е).

Тип V. Поселения (11) расположены на склонах блюдцевидных впадин, являющихся аккумуляторами талых вод (рис. 2, ж).

Необходимо отметить, что площадь селища не всегда отражает его фактические размеры для конкретного хронологического периода. Как показали результаты раскопок, площадь памятника существенно изменялась в различные периоды его существования. Так, расширение границ селищ, возникших в середине X—XI вв. и расположенных вдоль берегов небольших рек, в XII в., как правило, происходило за счет освоения территории на противоположном берегу реки, а расположенных на всхолмлениях у болот и у истоков рек — за счет заселения новых возвышенных участков. Площадь некоторых селищ, воз-

Рис. 2. Типы сельских поселений IX — первой половины XIII вв.

а — тип I, подтип А; б — тип IV; в — тип III; г — тип V; д — тип I, подтип Б; е — тип II; ж — тип I, подтип В; л — территория памятника

никших в X — XI вв., наоборот, сокращается в XII — начале XIII в.

Данных для дифференциации селищ междуречья Десны и Днепра по хронологии и типам застройки пока недостаточно. Отметим, что в данном регионе преобладает прибрежно-рядовая застройка, есть одно-, двух- и трехрядовая. На селищах, расположенных в истоках рек, в их пойме на мысах — кучевая.

Наиболее крупные поселения (5—20 га) содержат материалы IX — X вв. — первой половины XIII в. Их культурный слой мощностью 0,4—0,6 м на пониженных участках, как правило, подстилается раннеславянскими культурами (киевской, колочинской и волынцевской). На всех исследованных селищах и могильниках отмечено полное отсутствие лепной керамики IX — X вв.

Применение комплексного анализа материала из поселений и синхронных им могильников, большинство которых в процессе исследований удалось связать с селищами в единые комплексы*, позволяет уточнить начальную дату их возникновения. Основным датирующим материалом для большинства памятников является керамика, а уровень ее обработки настолько различен по отдельным пунктам, что невозможно разработать достоверную хронологическую шкалу для данного региона. Таким образом, исключена возможность как относительной, так и абсолютной датировки для ряда селищ, а также трудно сгруппировать и разделить все обследованные селища региона в узких хронологических рамках. Однако наличие больших коллекций керамического материала, полученных в результате раскопок на ряде селищ, позволяет дифференцировать гончарную керамику IX — XIV вв. на четыре хронологические группы и тем самым определить время возникновения большинства селищ на территории междуречья.

17 поселений возникли в IX — начале X в., на них выявлена раннегончарная керамика, аналогичная найденной в Киеве в закрытых комплексах IX — начала X в., а также в жилищах на городище Монастырек, датированных IX — началом X в. Этим временем можно датировать первые следы древнерусского заселения региона. Число памятников с упомянутой керамикой, вероятно, было несколько больше. Но в связи с тем, что слои IX — X вв. перекрыты напластованиями более поздних периодов, выявить их без проведения работ на широкой площади невозможно. Эти селища, как правило, возникают на тер-

* Неисследованные могильники увязывались с селищами по топографической близости. Когда возникали сомнения, исследовали несколько насыпей с целью определения датировки и этнической принадлежности погребений.

риториях, ранее освоенных носителями раннеславянских культур, в то время как большая часть территории междуречья остается незаселенной.

Этот край приобретает значение только начиная с середины X — XI вв. в связи с развитием Древнерусского государства. Количество известных нам селищ увеличивается на 87. На их площади встречена керамика, аналогичная найденной в курганах с захоронениями по обряду трупосожжения на могильниках у сел Шестовица, Пересаж, Табаевка, Звеничев, Клонов, а также на городищах юга Киевщины, построенных Владимиром Святославичом в 80-х годах X в.

В начале X — XI вв. на территории междуречья осваивается как старая селищная территория, так и новая, наиболее благоприятная по почве и рельефу. Как показывает структура заселенности этого региона, в IX — XI вв. особенно была заселена его центральная часть, где важным элементом была дорога, соединявшая Чернигов и Любеч, а также торговые пути в Киев и в земли радимичей.

Значительная часть этих поселений, по-видимому, родовые. Вблизи них группируются курганные могильники, насчитывающие в отдельных случаях до 200 насыпей, в которых исследованы погребения по обряду сожжения на стороне и под курганной насыпью. Курганные могильники находятся, как правило, по отношению к селищам на противоположном, более возвышенном берегу реки, ручья, балки. Если пойма реки широкая и заболоченная, то на том же берегу, но выше по течению. Все они расположены в 0,3—1 км от поселения.

Памятники, возникшие в IX — XI вв., в основном продолжали свое существование до нашествия Батыя.

Для большинства селищ прослеживается их связь с местными природными условиями, особенно геоморфологической ситуацией. Ряд селищ, как мы считаем, был расположен вдоль сухопутных и водных путей.

На 117 поселениях, где определялись границы, площадь менее 2 га имеют 34 селища; от 2 до 5 га — 50; 19 поселений — 5—8 га и остальные 14 — более 8 га.

В XII — начале XIII в. на территории междуречья возникают 50 новых поселений. Культурный слой не всегда покрывает их территорию полностью, а лишь пятнами, соответствующими местам дворов, жилых и хозяйственных построек.

Новые поселения простираются за пределы старой селищной территории, заселяются новые, менее благоприятные площади, включая пойменные всхолмления. Вместе с тем сгущается сеть поселений на старой территории.

Керамика этих памятников серого и белого цвета, хорошего обжига с хорошо профилированными формами венчика, края

которого загнуты внутрь и закруглены. Верхняя часть сосуда или венчика орнаментирована прочерченными линиями, защитами, зубчатым штампом или их сочетанием. Аналогичная керамика встречена в этом регионе в закрытых комплексах, датированных XII — первой половиной XIII в. События первой половины XIII в. изменили внутреннюю структуру заселенности междуречья. Подавляющее количество селищ прекращает свое существование. Поселения второй половины XIII — XIV вв. возникают на новых местах, иногда в менее благоприятных топографических условиях. На них найдена керамика, классификация и хронология которой разработаны С. А. Беляевой.

Позднейшая селищная структура (XVI — XVIII вв.), как правило, продолжает существовать на этих местах с небольшими изменениями до настоящего времени. Поэтому слои второй половины XIII — XIV вв. перекрыты современной застройкой, в то время как древнерусские памятники распахиваются.

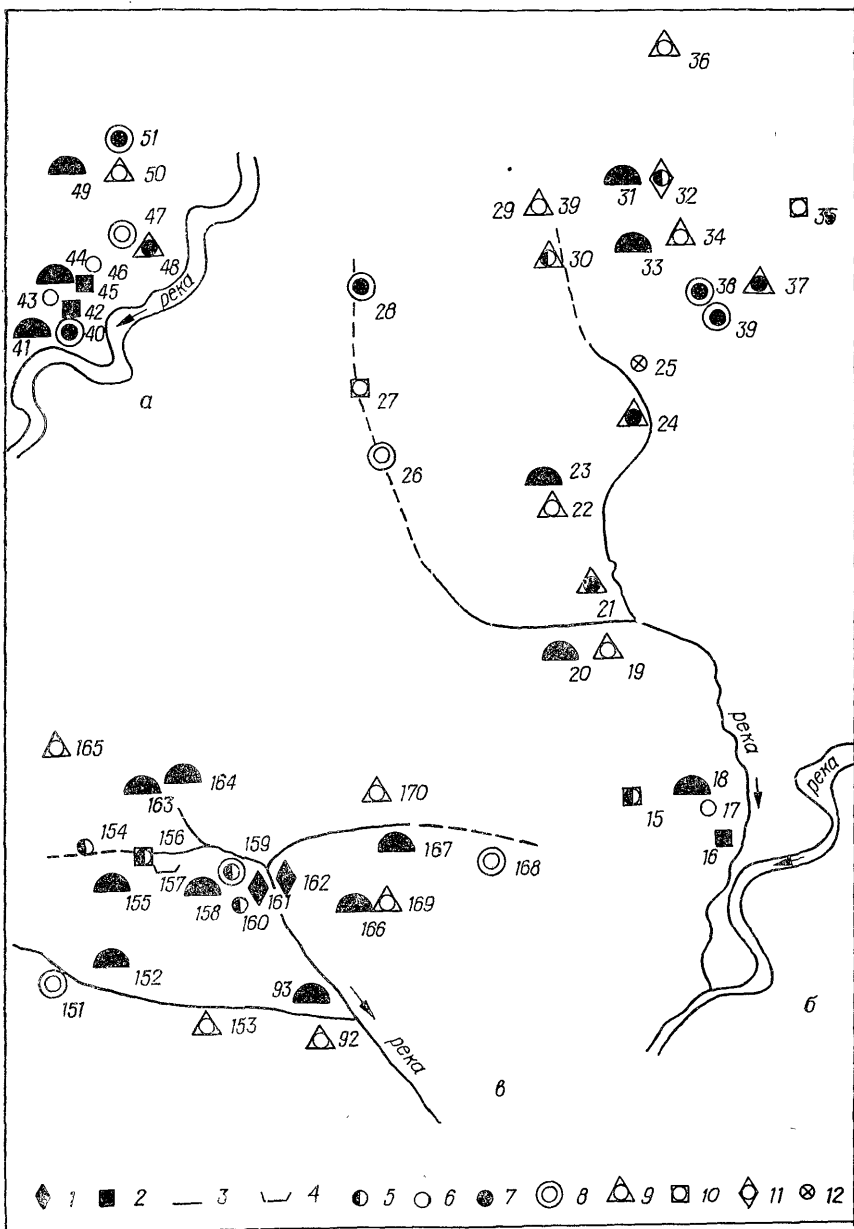
На селищах, раскопанных широкими площадями, исследованы 39 жилищ. Жилища X — XI вв. (6) — полуземлянки столбовой или срубной конструкции. В последующий период XII — начала XIII вв. наряду с жилищами полуземляночного типа отмечены наземные, на подклетах, углубленных в материк, а также двух- и трехкамерные. На селищах, раскопанных широкими площадями, выявлены усадьбы XII — начала XIII вв. Жилища второй половины XIII — XIV вв. (исследованы 3) — наземные.

На исследованной территории междуречья выделены гнезда памятников, связующим звеном которых служит река. На одной реке расположено иногда несколько деревенских комплексов. Четкую границу между поселениями разных групп не всегда можно провести. В структуре этих гнезд — городища, курганные могильники, одно или несколько наиболее древних селищ размером свыше 4 га с насыщенным культурным слоем, иногда отдельные поселения, группирующиеся вокруг одного центра.

Рассмотрим гнездо памятников, расположенных вдоль правого берега р. Десны, у с. Шестовица (рис. 3 а). Здесь известны два городища, три курганных могильника и семь селищ. Самое крупное (площадь 8 га) поселение расположено на мысу уроч. Коровель. Оно является древнейшим в этой группе, существовало с IX по XIII в. На южной оконечности мыса в XI в. возник-

Рис. 3. Гнезда памятников.

А — с. Шестовица; Б — бассейн р. Вереп; В — в верховьях р. Белоуса; 1 — летописный город; 2 — городище; 3 — курганный могильник; 4 — грунтовый могильник; 5 — селище, возникшее в IX — начале X в.; 6 — селище, возникшее в X — начале XI в.; 7 — селище, возникшее в XII — первой половине XIV в.; 8 — селище площадью до 2 га; 9 — селище площадью 2—5 га; 10 — селище площадью 5—8 га; 11 — селище площадью более 8 га; 12 — датировка и площадь селища не ясна

кает городище. Этот комплекс памятников сопровождается обширным курганным могильником.

В X — начале XI в. возникают еще три селища, два из них (Ров 1 и селище, расположенное в центре села) сопровождались курганными могильниками*. Вблизи последнего сооружается городище. Еще три селища в этом гнезде появляются в XII — начале XIII в. На поселении Ров 2 (конец XII — начало XIII в.) на площади 1250 м² исследованы две усадьбы, погибшие в пожаре в середине XIII в.

Все названные памятники прекращают свое существование в середине XIII в. В конце XIII — начале XIV в. возникает новое селище в пойме реки, против мыса Коровель**.

Еще один район скученного расположения древнерусских памятников соответствует бассейну правого притока Десны — р. Вереп. Гнездо памятников включает 1 городище, 5 курганных могильников и 19 поселений (рис. 3 б). Они расположены в радиусе 10 км. Эта территория, по-видимому, входила в состав княжеских владений, что косвенно подтверждается названиями урочищ и современных сел: Княгиня, Льгов (Ольгов), вблизи которых расположены древнерусские селища. На селище Льговка найден клад древнерусских серебряных вещей.

Раннеславянская керамика IX — начала X вв. выявлена на поселении Льговка и Слабин, вблизи последнего в X в. сооружается городище, и селище становится его посадом. Эти поселения одни из самых больших в гнезде и сопровождаются курганными могильниками. В середине X — XI вв. на территории, освоенной предшествующими раннеславянскими культурами, возникает девять новых поселений. На четырех памятниках раннеславянские слои перекрыты древнерусскими***.

Шесть поселений появляются в XII — XIII вв. Осваивается свободная территория по берегам реки и ее притоков, некоторые селища располагаются на удалении от речных русел. Возле этих памятников курганные могильники неизвестны. Все поселения данного куста прекращают свое существование после нашествия Батыя, и лишь на одном селище (Веремеев Ров) выявлены материалы второй половины XIII — XIV вв.

Особый интерес представляют древнерусские памятники, расположенные в верховьях р. Белоус (рис. 3 в). Здесь открыто

* На могильнике, расположенном на территории села, авторами исследованы два разрушенных кургана, содержащих погребения (30) по обряду сожжения на стороне.

** Черниговской археологической экспедицией на селище исследованы в 1984—1985 г. две наземные постройки конца XII—XIV в.

*** На поселении Веремеев Ров исследовано жилище колочинской культуры.

10 поселений, 8 курганных могильников и 2 городища. По всей вероятности, в IX—X вв. центром территориальной общины было селище Лесковое, вблизи которого находился курганный могильник. По отношению к другим оно может считаться родоначальным. Оно возникает в IX в. (здесь выявлена раннегончарная керамика) вблизи волока, на водном пути из Любеча в Чернигов, на территории, уже освоенной носителями киевской культуры*. Площадь селища в начале XI в. составляла около 4 га.

В последующий период Лесковое становится погостом. Часть его территории занимает в XII в. грунтовый могильник, на котором исследованы 13 погребений. Освоение новой территории происходит за счет участка в 2 га, расположенного на противоположном берегу р. Белоус.

За девять полевых сезонов на селище вскрытая площадь превысила 6 тыс. м², исследованы 77 построек; 19 были жилищами, из них 5 относятся к X—XI вв., остальные — к XII—началу XIII в. Наряду с жилищами полужемляночного типа исследованы наземные на подклетах, двух- и трехкамерные. Отдельные из них принадлежали представителям феодального сословия. В их заполнении найдены оконницы, вещи из серебра, с позолотой, энколпион, писало, вислая печать, предметы снаряжения всадника, большое количество женских украшений и др. На поселении выявлена ювелирная мастерская, остатки железоплавильного и железообрабатывающего производства, смолокурного промысла.

Еще три поселения этого гнезда памятников с материалом IX—начала X вв. расположены в радиусе 1—2,5 км от поселения Лесковое. Одно из них — Каменка — прекращает свое существование в X в., а вблизи других в X—XI вв. сооружаются городища, среди которых летописный Листвен.

В середине X—XI вв. возникают еще семь поселений, расположенных в радиусе 5 км от Лиственского городища, большинство из них сопровождаются курганным могильником. В последующий период новые поселения здесь не зафиксированы. На всех памятниках этого гнезда материалы второй половины XIII—XIV вв. не найдены.

Многочисленные археологические памятники низовья междуречья Днепра и Десны свидетельствуют о густой заселенности территории в древнерусское время. Общее количество селищ в этом районе в течение 300—350 лет не оставалось неизменным. Наибольшее их количество приходится на середину XI—XII вв.

* Черниговской археологической экспедицией исследованы две постройки IV—начала V вв.

В процессе исследований на селищах, которые можно рассматривать как родоначальные поселения (для отдельного гнезда — погосты), найдены в большом количестве украшения, предметы снаряжения всадника, вооружения, орудий ремесленного труда. Выявленные ремесленные мастерские и остатки производств свидетельствуют об относительно высоком уровне производства, а также о наличии представителей феодального сословия. Наличие на селищах привозных изделий — амфор, изделий из стекла, шифера, янтаря, сердолика, горного хрусталя, серебра говорит о широком торговом обмене на транзитном пути между Черниговом и Любечем. Защищенность района естественными рубежами, хорошо развитая речная система, отдельные клинья плодородной земли, выгодное торгово-экономическое расположение способствовали возникновению и быстрому развитию селищ, экономическому усилению ядра вотчины черниговских князей, которой являлась данная территория.

А. П. Моця

КУРГАНЫЙ МОГИЛЬНИК X в. У с. КЛОНОВ

Исследованный могильник в уроч. Поруб находится на краю надпойменной террасы правого берега небольшой реки Лисицы, в 1 км выше места ее впадения в р. Ворзну — правый приток Днестра. Насчитывает 199 насыпей разной высоты — от 0,3 до 4 м, которые размещены кучно и бессистемно на площади 300×100 м (рис. 1). Курганы густо поросли лесом, что существенно затрудняет их изучение, особенно насыпи крупных размеров.

Могильник открыт в 1984 г. А. В. Шекуном, который тогда же раскопал два кургана (кепотаф и трупосожжение на месте захоронения с сопровождающим инвентарем: гончарная древнерусская керамика, подковообразная бронзовая фибула).

В 200 м южнее некрополя на берегу реки выявлено городище с посадом. Последующие исследования на могильнике вызваны необходимостью уяснить характер ранее неизвестного памятника, находящегося на территории известной по письменным источникам «жизни» черниговских князей, между летописными Черниговым и Любечем. Кроме того, требовались и охранные работы: большинство насыпей носили следы грабительских раскопок, а степень сохранности памятника была неизвестной.

Для работы выбирались насыпи небольших размеров в разных частях некрополя. Большие курганы исследовать не представлялось возможным в связи с тем, что на каждом из них

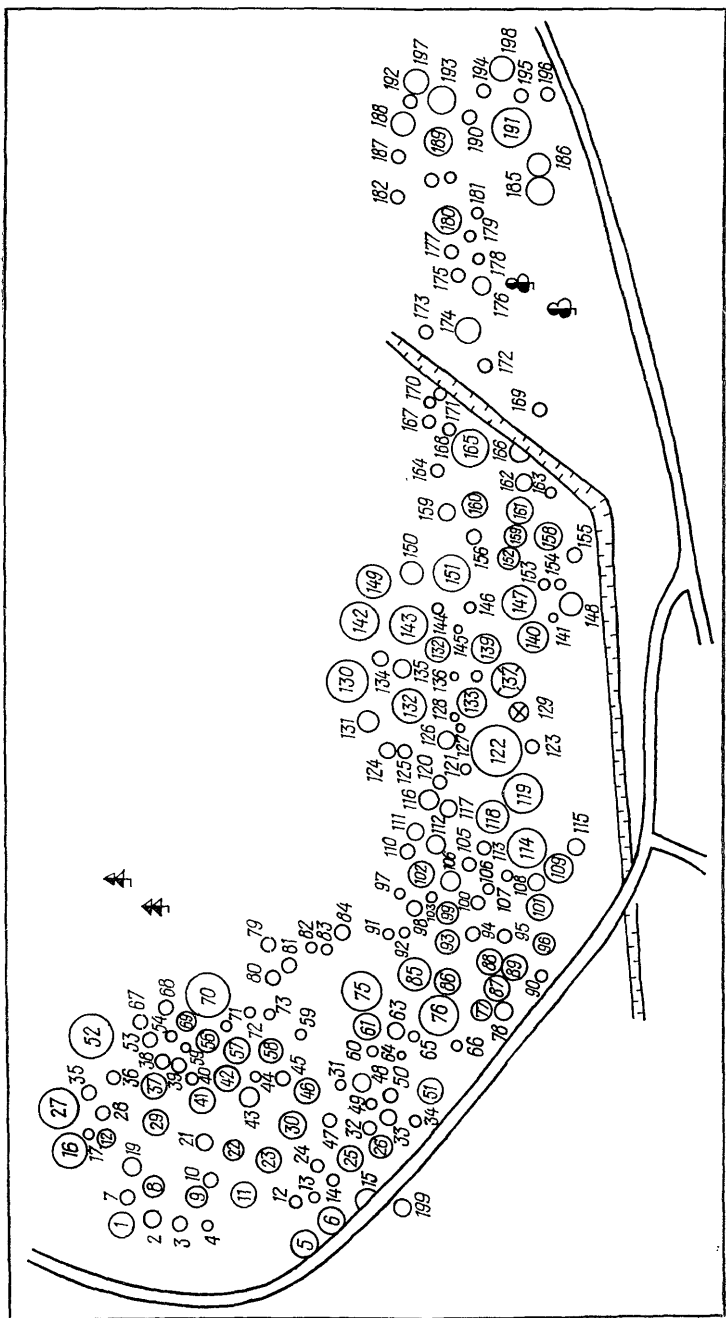

Рис. 1. Схематический план курганного некрополя у с. Клонов

Рис. 2. Керамика из курганов Клоновского некрополя

произрастают огромные сосны. Помимо 15 изученных насыпей в основной курганной группе были раскопаны два кургана (№ 16, 17) в группе из четырех насыпей непосредственно у городища и посада, расположенных в 30 м к северу от них, на противоположной стороне окружающего укрепления оврага. Их связь с городищем представлялась несомненной, но изолированность от основной массы курганов требовала объяснения.

Основная информация о 17 исследованных курганах приводится в сводной таблице. Помимо них раскопан еще один курган (№ 18) в 1,5 км к югу от городища, на левом берегу р. Лисица. Обнаружено безынвентарное трупоположение подраста * на уровне древнего горизонта, относящегося к могильнику какого-то ординарного сельского поселения и в связи с этим не имеющее отношения к рассматриваемому нами комплексу.

Как следует из полученных данных, в исследованных курганах погребали умерших различных возрастов. Детские захоронения обнаружены под насыпями высотой 0,3—0,6 м, а погребения взрослых — в курганах высотой 0,4—1,65 м. Обряд захоронения разный: сожжения на стороне от места захоронения (№ 3, 10, 11, 13), кремация на месте погребения (№ 1, 4, 5, 8, 9, 14), ингумация в подкурганной могильной яме (№ 6, 16, 17), кенотафы (№ 2, 7, 12, 15). Наиболее характерной категорией находок среди погребального инвентаря является гончарная древнерусская керамика (рис. 2), среди которой часто встречаются целые сосуды или их развалы (в курганах № 4, 5, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16). Встречаются украшения — кольца (№ 5, 16,

* Все антропологические характеристики выполнены П. М. Покасом.

Основные характеристики исследованных курганов Клоновского могильника

№ п/п	Высота, м	Диаметр, м	Кремация		Ин-гумация	Кено-таф	Половозрастная характеристика	Инвентарь	Примечание
			на стороне	на месте					
1	0,45	6		×			Ребенок	Фрагмент керамики	
2	0,5	6				×			Угли на древнем горизонте
3	1,65	10	×				Мужчина	Фрагменты керамики	
4	0,6	6		×			Ребенок 6—12 лет	Железный топорик, 6 астрагалов, 2 горшка, фрагменты керамики	Кости животного
5	0,8	7		×			Взрослый	11 бусин, железная игла, нож, серебряное кольцо, 2 горшка	
6	0,4	6			×		Мужчина 50—55 лет	Железная литровидная пряжка	Фрагменты керамики в насыпке ямы, угли и керамика в ровике
7	1	8				×			Железные оковки деревянного ведра в насыпи, угли и фрагменты керамики
8	0,4	5		×			Мужчина 40—60 лет	Горшок	
9	0,8	7		×			Взрослые	Железная оковка ларца (?), нож, наколочник стрелы, 5 бусин, 3 горшка	Угли во рву
10	0,3	5,5	×				Ребенок	2 горшка	Ритуальное кострище
11	1,4	7	×				Взрослый	Горшок, кресало	Ритуальное кострище, угли во рву
12	0,4	6							
13	1,55	8,8	×			×	Взрослый	Горшок, фрагменты керамики, кольцевидная фибула	Угли в насыпи, во рву
14	0,4	7,4		×					

№ п/п	Высота, м	Диаметр, м	Кремация		Ин-гумация	Кенотаф	Половозрастная характеристика	Инвентарь	Примечание
			на стороне	на месте					
14	0,4		7,4				Ребенок	2 горшка, фибула	
15	0,4	7				×			
16	1,1	9			×		Молодой мужчина	Горшок, нож, остатки сумки, 2 лировидные пряжки, железная пряжка, бузина, колокольчик, бронзовое кольцо	Следы деревянной обкладки стен ямы, остатки гроба
17	1,15	10,7			×		Молодой мужчина и девушка	4 серебряных височных кольца	Угли в насыпи и во рву

17), бусы (№ 5, 9); элементы костюма — пряжки (№ 6, 16), фибулы (№ 13, 14), бытовые предметы — игла (№ 5), ножи (№ 9, 16), кресало (№ 11). В двух захоронениях (4, 9) выявлены предметы вооружения — небольшой топорик и наконечник стрелы. В кургане № 7 выявлены остатки деревянного ведра, а в кургане № 16 — остатки сумки: кусочки кожи и ткани, лировидная пряжка, бронзовое кольцо, вероятно, для подвешивания сумки к поясу, колокольчик, стеклянная бусина.

Вокруг шести насыпей (№ 3, 6, 9, 11, 13, 17) обнаружены курганные ровики, часто с перемычками. В большинстве из них зафиксированы скопления и отдельные угли, а в кургане № 6 — фрагменты керамики. Это свидетельствует об использовании упомянутых ровиков во время проведения погребального обряда в ритуальных целях.

В нескольких курганах (№ 2, 10, 11) на уровне древнего горизонта выявлены единичные угли и ритуальные кострища. А в кургане № 16 зафиксированы следы деревянной обкладки стен большой могильной ямы (3,5×1,7×1,3 м).

Как свидетельствуют данные погребального обряда, большинство населения данного пункта было местным и продолжало, как и в других поселениях междуречья Днестра и Десны¹, применять обряд кремации. На могильнике этот обряд зафиксиро-

рован в большинстве изученных курганов (рис. 4). В основном массиве захоронений только в кургане № 6 выявлены следы ингумации в подкурганной могильной яме, а ориентировка погребенного здесь в южном направлении говорит о возможном происхождении его из северо-восточных областей Восточной Европы, то есть из финно-угорского этнического массива. Еще два случая ингумации в подкурганных могильных ямах зафиксированы в отдельно стоящей группе из четырех насыпей (курганы № 16, 17). Западная ориентировка умерших, следы деревянной обкладки стенок ямы в одном из них указывают на то, что погребенные — выходцы с Правобережного Поднепровья. Создается впечатление, что «киевляне» сознательно изолированно хоронили своих умерших на определенном расстоянии от аборигенов, пытались отделиться во всем от местного населения (или последние их просто не воспринимали еще как своих).

Понять характер этого пункта позволяют находки некоторых категорий вещей, выявленные в целой группе исследованных курганов. Это упомянутые уже предметы вооружения, фибулы, поясные пряжки, сумка, то есть вещи, часто встречающиеся в богатых погребениях восточных славян среди инвентаря социально выделившихся групп населения. К разряду социальных признаков можно отнести и деревянную погребальную камеру в кургане № 16: так называемые срубные гробницы являются неприменным атрибутом большинства дружинных некрополей на юге Руси². А парное захоронение воина и женщины в кургане № 9 вполне можно отнести к третьей группе дружинных захоронений (по Д. И. Блительду)³ — к погребениям представителей феодальной прослойки, занимающей высокое положение на иерархической лестнице Древнерусского государства в первые века его существования. Количество курганов с названными элементами дружинного погребального обряда (около 37% от общего количества исследованных насыпей*) позволяет отнести могильник у с. Клонов к разряду дружинных. Необходимо еще раз подчеркнуть, что исследовались только курганы

Рис. 3. Вещи из курганов Клоновского некрополя

* Использованы и данные, полученные при исследовании курганов А. В. Шекуном.

Рис. 4. Курган № 13 Клоновского некрополя

малых и средних размеров, а при исследовании больших насыпей возможна фиксация еще ряда признаков, характерных для захоронений дружинников. Не противоречат такой интерпретации некрополя и сравнительно многочисленные кенотафы — меморативные сооружения в честь погибших где-то на стороне. Они составляют около 26 % всех изученных курганов.

Говоря о датировке некрополя, необходимо отметить, что погребальный обряд и многие элементы инвентаря позволяют в целом датировать могильник X в. Существование обряда кремации на стороне и на месте захоронения на Клоновском могильнике находит аналогии на синхронных памятниках черниговской округи. В это время шла смена более раннего обряда кремирования на стороне от места захоронения на генетически связанный с ним обряд кремации на месте захоронения, то есть этим фиксируется переходный период. Как и другие исследователи (Д. И. Блифельд, И. И. Ляпушкин, В. В. Седов, И. Д. Дубов), мы склонны видеть такое последовательное развитие обряда кремации не только в рассматриваемом регионе, но и на всей территории расселения восточных славян. Нельзя согласиться с еще встречающимся мнением о сезонности упомянутых типов обряда: кремация на стороне зимой, на месте — летом⁴. Из такого предположения следует, что на протяжении многих

веков ранние славяне (посетители корчакской, роменской и других археологических культур) умирали только в зимнее время, когда было трудно соорудить земляные насыпи. Это противоречит элементарной логике.

Что касается более узкой датировки некрополя, то можно сказать следующее. Железные изделия из изученных курганов имеют широкую датировку: ножи, калачевидное кресало, черенковый наконечник стрелы. Плохо сохранился побывавший в огне небольшой железный топорик. Оплавленными оказались большинство бус, поэтому более важными для датировки оказались элементы костюма: лировидные пряжки и подковообразные фибулы. Первые, более характерные для XI в., появляются уже в комплексах X в., вероятнее всего, во второй половине столетия⁵. Подковообразные фибулы с закрученными концами также становятся характерными находками на восточноевропейской территории с конца X в.⁶ Интересную информацию по этому вопросу дает самая многочисленная категория инвентаря — керамика. Так, во многих курганах венчики сосудов имеют признаки, характерные для гончарных изделий конца X и даже для XI в.: сложная профилировка, некоторая «деградация» манжета, появление желобка с внутренней стороны венчика, оформление его края в виде острого выступа. Впрочем, тесто и обжиг сосудов остаются еще вполне характерными для подавляющего большинства керамических изделий X в.

Создается впечатление, что могильник интенсивно используется именно во второй половине X в.* В конце этого столетия языческий обряд кремирования, вероятно, как и в других пунктах черниговской округи, перестал применяться в связи с официальным введением христианской религии на Руси⁷. Можно предполагать, что в конце X — начале XI в. некрополь перестал использоваться.

Рассмотренные данные позволяют интерпретировать комплекс археологических памятников X в. у современного с. Клонов как местонахождение княжеской администрации в этом микрорегионе южнорусской территории. Наличие синхронных захоронений по обряду кремации и ингумации в подкурганых ямах свидетельствует, что на службу к князю переходило большинство местного населения, помимо выходцев из других земель, хотя интеграционные процессы еще и не закончились: пришельцы стараются обособиться от основной массы. Впрочем, это могло быть вызвано и причинами социального порядка.

* К этому же времени относится и серебряный дирхем, обнаруженный при кладонискательских раскопках одного из курганов Клоновского некрополя (сообщение В. П. Коваленко и А. В. Фомина).

Характер материала, тяготеющего в определенной степени ко второй половине X в., позволяет утверждать, что данный комплекс хронологически более поздний, чем аналогичный ему по социальным функциям комплекс памятников у с. Шестовица, который появился на рубеже IX—X вв.⁸ На наш взгляд, одновременность дружинных курганных могильников отражает разные этапы «государствливания» территории междуречья Днестра и Десны. В частности, рассмотренный некрополь у с. Клонов можно связывать с теми мероприятиями усиления государственного контроля, которые, согласно летописным сведениям, провела княгиня Ольга после подавления восстания древлян в 945 г. По мнению Л. В. Черепнина, они знаменовали существенную грань в становлении феодальных отношений на Руси⁹. В результате таких действий для усиления контроля за округой и мог появиться дружинный центр между Черниговом и Любечем.

¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 24; Ширинский С. С. Раскопки языческих курганов Черниговщины // АО 1966 г.— М., 1967.— С. 24; Шекун А. В., Кривицкая И. В., Кузнецов Г. А., Шуляк В. В. Новые раскопки на Черниговщине // АО 1977.— М., 1978.— С. 401.

² Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. // СА.— 1954.— Т. 20.— С. 148—164.

³ Там же.

⁴ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимереваго могильника // СА.— 1985.— № 2.— С. 107.

⁵ Блифельд Д. И. Древньоруський могильник в Чернігові // Археологія.— 1965.— Т. 18.— С. 125, 131; Блифельд Д. И. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— К., 1977.— С. 138—144.

⁶ Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Труды ГИМ.— 1967.— Вып. 43.— С. 149—190.

⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч.— С. 19.

⁸ Блифельд Д. И. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— С. 91.

⁹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение.— М., 1965.— С. 150.

П. М. Покас

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ — ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

К физическому типу средневековых славян Среднего Подесенья ученые проявляли интерес еще с конца прошлого века¹. В последние десятилетия палеоантропологические материалы по восточным славянам были объектом исследований Т. И. Алексеевой². В Поднепровье автор отметила тенденцию уменьшения

скуловой ширины и черепного указателя с запада на восток и объясняет это влиянием на сложение антропологического типа некоторых славянских групп (вятичи, северяне) контактов с древним аборигенным узколицим населением Левобережного Поднепровья³. Т. И. Алексеева определила также увеличение некоторых размеров на черепах серий городского населения, объяснив это явление выражением общего процесса укрупнения скелета в условиях города⁴.

В последнее время краниологические серии древнерусского времени с территории Поднепровья изучал В. В. Седов⁵. Он отметил, что единого антропологического типа для всех славян в средние века не существовало. Автор подверг сомнению логичность поисков с помощью антропологических материалов генетических корней славян с эпохи бронзы при условии господства в течение многих веков на основных славянских территориях обряда кремации⁶. В его антропологических исследованиях впервые для выделения и характеристики популяций привлекались данные о различии погребального обряда средневековых славян⁷. На территории Поднепровья, дифференцируя краниологические серии из могильников по типам захоронения в ямах и на горизонте, исследователь установил преобладание мезокранного узколицего по форме черепов населения. Аналогии этого типа В. В. Седов видит в черняховских материалах. Присутствие его автор отмечает также на сериях черепов Среднего Подесенья, в том числе и из некрополей древнего Чернигова⁸.

Особое значение имеет составление и публикация В. В. Седовым антропологической карты средневековых славян с характеристикой серий по двум основным краниологическим признакам: черепному указателю и скуловой ширине⁹. Она, как справедливо отметил автор, выявляет чрезвычайную пестроту типов антропологического строения славян и отражает всю сложность этногенетических процессов на рассматриваемой территории. В связи с этим отметим, что основная масса могильников Среднего Поднепровья, из которых происходит краниологический материал, датируется временем не ранее X—XII вв.— эпохой становления и развития феодального государства. Именно в это время, по летописным данным и анализу археологического материала, имела место повышенная мобильность определенных социальных категорий населения Киевской Руси (купцы, дружинники, князья и их окружение)¹⁰. Это в значительной степени обусловило пестроту антропологического состава некоторых групп населения южнорусских земель. Очевидно, при дифференциации антропологических типов, по крайней мере на южнорусской территории, необходимо наряду с методами географического членения (по Т. И. Алексеевой) и

Средние размеры мужских черепов

Признак	Могильники Чернигова		
	П	М	σ
1. Продольный диаметр	40	180,1	6,54
8. Поперечный диаметр	36	138,5	5,58
17. Высотный диаметр от базиса	35	134,3	4,71
32. Угол наклона лба от назиона	32	84,8	3,79
8 : 1. Черепной указатель	35	76,8	4,68
45. Скуловой диаметр	34	131,1	5,32
48. Верхняя высота лица	35	67,1	3,78
72. Общий угол профиля лица	29	83,8	2,22
75 (1) Угол выступания носа	21	27,6	5,64
77. Назо-малярный угол	32	139,1	4,82
Зиго-максиллярный угол	26	129,7	4,71
48 : 45. Верхнелицевой указатель	32	51,4	2,76
54 : 55. Носовой указатель	35	52,1	4,69
52 : 51. Орбитный указатель	35	76,7	5,38

* П—количество измеренных признаков; М—средняя величина; σ —среднее квадратическое

Средние размеры женских черепов

Признак	Могильники Чернигова		
	П	М	σ
1. Продольный диаметр	26	172,8	7,19
2. Поперечный диаметр	26	138,3	5,78
17. Высотный диаметр от базиса	18	130,1	5,31
32. Угол наклона лба от назиона	13	88,2	4,40
8 : 1. Черепной указатель	26	80,1	4,43
45. Скуловой диаметр	15	125,5	5,73
48. Верхняя высота лица	15	64,1	3,70
72. Общий угол профиля лица	11	83,1	1,56
75 (1) Угол выступания носа	9	24,8	2,48
77. Назо-малярный угол	21	140,4	6,29
Зиго-максиллярный угол	11	127,0	2,98
48 : 45. Верхнелицевой указатель	13	51,1	4,09
54 : 55. Носовой указатель	15	53,1	4,67
52 : 51. Орбитный указатель	16	77,9	4,68

* П—количество измеренных признаков; М—средняя величина; σ —среднее квадратическое

Среднего Подесеня и сравнительные данные*

Дружинные могильники			Могильники сельского населения			Объединенная серия черняховцев Среднего Поднепровья	
П	М	σ	П	М	σ	П	М
25	187,8	6,41	18	182,4	7,44	68	186,9
24	141,6	6,12	17	135,1	3,37	67	137,6
24	134,9	4,62	17	135,5	5,11	30	137,7
16	84,3	3,54	17	82,9	3,40	42	83,7
24	75,6	4,26	17	73,8	2,95	67	73,7
15	132,7	6,60	8	130,7	3,33	32	131,3
21	69,5	4,08	16	67,8	3,67	56	70,8
16	83,3	4,21	15	81,6	2,24	41	85,8
10	32,0	6,23	10	30,1	3,96	26	32,6
16	137,8	3,96	12	138,3	4,35	45	134,9
14	125,8	4,68	9	121,6	3,80	38	125,2
14	52,4	2,22	8	52,3	2,35	52	53,8
20	48,6	3,72	16	50,0	4,07	54	48,2
18	79,7	4,83	16	78,2	3,52	48	81,5

уклонение.

Таблица 2

Среднего Подесеня и сравнительные данные*

Дружинные Могильники			Могильники сельского населения			Объединенная серия черняховцев Среднего Поднепровья	
П	М	σ	П	М	σ	П	М
21	177,9	7,84	7	175,4	4,37	65	177,5
21	134,8	4,96	7	134,7	3,06	65	134,6
15	131,7	6,25	6	125,5	3,20	43	129,6
13	86,0	2,29	4	84,5	2,06	44	86,8
21	75,9	3,80	7	76,9	2,42	73	75,7
14	124,7	3,80	4	124,8	3,19	46	123,6
13	65,2	3,28	5	64,2	1,72	54	66,5
11	85,4	2,99	3	80,3	2,49	40	84,2
9	27,8	2,38	3	26,0	1,64	32	26,4
13	137,7	3,77	5	141,0	3,85	46	137,3
13	126,2	3,99	4	126,5	3,28	34	126,2
13	52,1	2,52	3	51,2	1,96	46	53,9
12	51,4	2,45	5	50,1	1,78	53	49,3
16	80,6	3,79	5	82,0	3,38	44	83,3

уклонение.

учета погребальных конструкций (по В. В. Седову) иметь в виду и сословно-социальный статус погребенных: горожане, сельское население, дружинники, население порубежных территорий. Именно эти методологические особенности использованы в данной работе при рассмотрении палеоантропологических материалов с территории Среднего Подесенья.

Антропологические материалы древнерусского времени этого региона происходят из двух городских, четырех дружинных некрополей и восьми сельских могильников. Из некоторых пунктов пригодными к измерениям оказались лишь отдельные черепа. Немногочисленность материалов обусловила объединение небольших серий и отдельных черепов в группы в зависимости от характеристик социального статуса населения, оставшего эти могильники.

Продолжительность жизни погребенных на древнерусских некрополях Черниговщины 35—40 лет для мужчин и 30—37 лет для женщин. По этому показателю рассматриваемые группы близки к синхронным славянским сериям¹¹. Нами наряду с некоторыми новыми сериями черепов впервые исследовались длинные трубчатые кости погребенных с данной территории. В 16 случаях удалось вычислить длину тела погребенных. Она составила 168,6 см для мужчин (п-11) и 160,2 см для женщин (п-5)¹².

Краниологические материалы городского населения представлены серией черепов из грунтового кладбища XI—XIII вв. на берегу р. Стрижень у церкви Бориса и Глеба. К этой же группе присоединена серия из курганного некрополя на Болдиных горах¹³, также принадлежавшая жителям древнего Чернигова¹⁴. Обе серии типологически близки, что подтверждается статистически (мера совпадения по X^2 равна $P = 0,998$).

Серия горожан характеризуется мезо-суббрахикранией при средних величинах диаметров свода черепа. Лоб слабо покатый, среднеширокий. Лицевой отдел относительно узкий, невысокий, мезогнатный, умеренно профилирован в горизонтальной плоскости. Орбиты низкие, неширокие, нос мезоринный (табл. 1, 2). Отметим, что рассматриваемая группа обладает значительной внутригрупповой неоднородностью. Наряду с дольнокранными узколицичными формами здесь заметен значительный процент черепов с брахикранными формами, особенно в женской серии (табл. 2). О неоднородности антропологического состава данной группы свидетельствует также повышение по сравнению с мировыми стандартами¹⁵ величин квадратических отклонений ряда признаков мужской и женской серии.

Группа черепов сельского населения Среднего Подесенья состоит из изученных Г. Ф. Дебецом и Т. И. Алексеевой черепов из курганных могильников Влазов¹⁵, Мериновка, Стольное,

Кошары¹⁷. В эту же группу включены исследованные нами краинологические материалы из могильников у сел Жукля, Комань, Рябцево¹⁸ и Лесковое¹⁹. Отметим, что в отличие от остальных серий, происходящих из курганных могильников, серия Лескового добыта при раскопках грунтового некрополя XI—XIII вв. Однако изменение погребального обряда в это время, по мнению ряда исследователей, связано с введением христианства и не сопровождалось сменой населения²⁰, что подтверждается и антропологическими данными с соседних территорий²¹.

Объединенная серия черепов сельского населения, имея сходный с городской серией комплекс признаков, обладает и некоторыми отличиями от нее (рис. 1). Так, эта группа более длинноголова, узко- и высоколица, горизонтальная профилировка на черепах более резкая. Эти различия, как отмечалось, связаны с неоднородностью серии горожан. Статистический анализ величин квадратических уклонений и коэффициентов полового диморфизма свидетельствует об относительной однородности сельской серии. Эти величины не превышают или значительно ниже мировых стандартов. Исключение составляет лишь сигма продольного диаметра мужской группы. Но это не изменяет общей картины гомогенности антропологического типа сельского населения.

Сборная серия черепов дружинных могильников включает изученные Т. И. Алексеевой и Г. П. Зиневич группы черепов некрополей округа древнего Чернигова у сел Гуцино²² и Шестовица²³, а также измеренные нами черепа из раскопок указанных могильников в 1983 г.²⁴ и могильников у сел Табаевка и Клонов. В погребениях этих некрополей имелись находки большого количества оружия и других атрибутов погребального инвентаря дружинников.

Серия характеризуется мезокрацией при больших диаметрах свода черепа, среднешироким и средневысоким хорошо профилированным лицевым отделом, в целом сходна с другими сериями средневековых славян Среднего Подесенья. Причем серия мужских черепов по большинству признаков сближается с группой горожан, а женщин — с женской серией сельского населения. Отметим значительную неоднородность серии. Это выразилось в большой вариабельности ряда основных дифференцирующих восточных славян признаков. Так, величины квадратических уклонений диаметров мозгового черепа, ширины лица и углов его вертикальной профилировки заметно превосходят мировые стандарты (табл. 1. 2).

Дополнительная аргументация в пользу неоднородности антропологического состава рассматриваемой серии получена при подсчетах коэффициентов внутригрупповой корреляции по ряду линейных признаков и указателей. Коррелятивная связь между

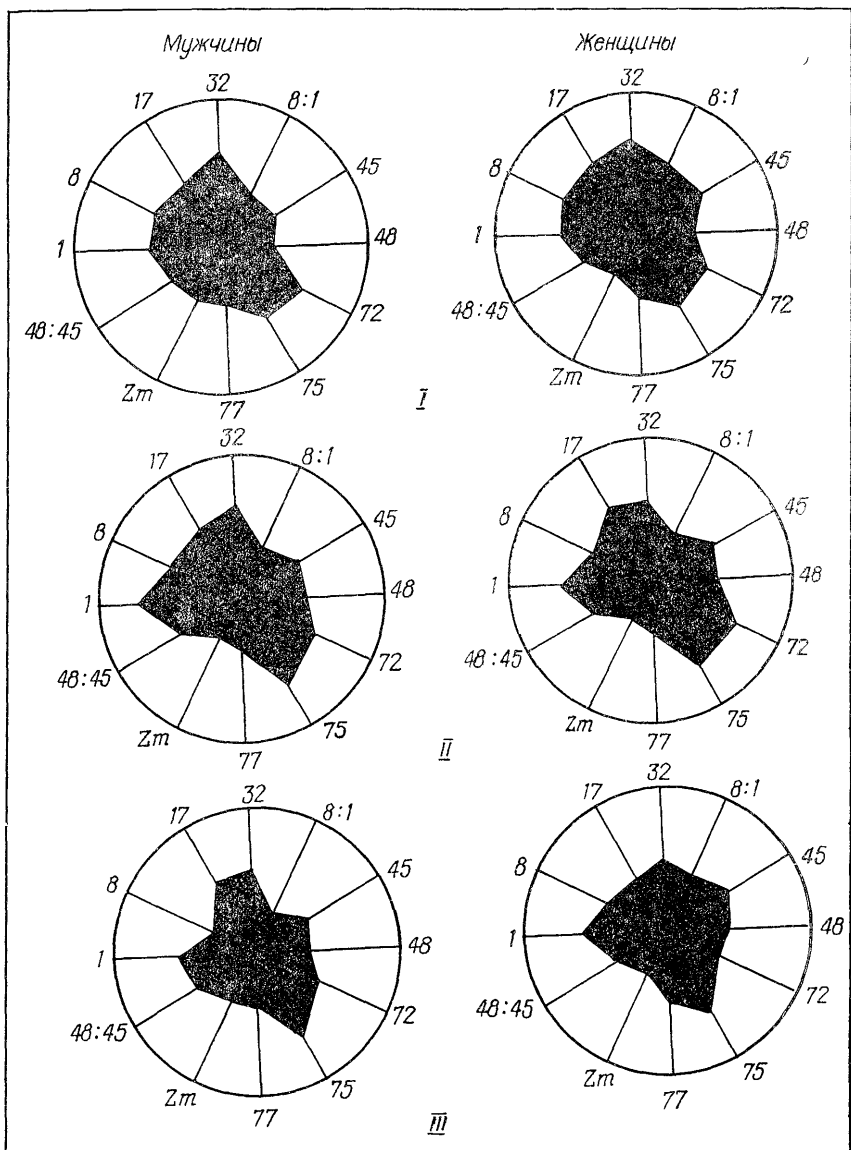

Рис. 1. Комбинационные полигоны групп черепов населения Среднего Подесенья:

I — серии городских могильников; II — серии дружинных могильников; III — серии сельских могильников

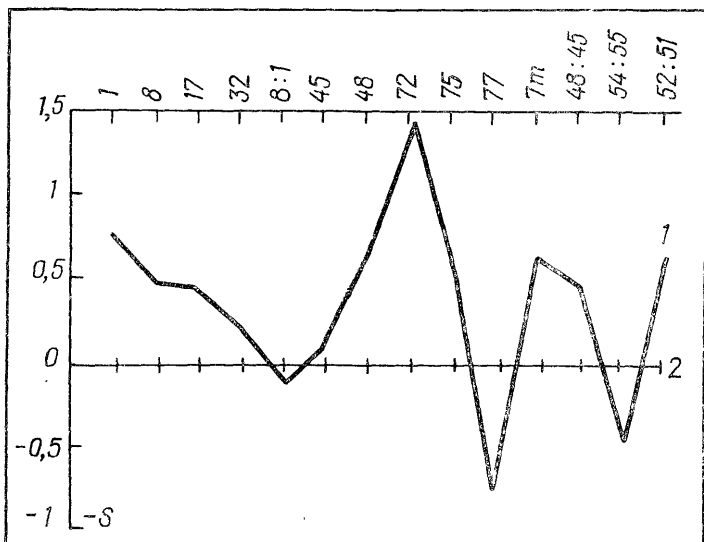

Рис. 2. Сопоставление черняховцев Среднего Поднепровья с серией сельского населения XI—XII вв. территории Среднего Подесенья.

1 — черняховцы; 2 — сельское население Подесенья

поперечным и продольным диаметрами, черепным и верхнелицевым указателями ослаблена (соответственно 0,025 и 0,048), а между носовым и верхнелицевым указателями имеет отрицательную связь ($r = 0,650$). Синхронная группа сельского населения по диаметрам свода черепа имеет большую величину коэффициента корреляции ($r = 0,304$). Аналогичные данные по группе черепов горожан свидетельствуют об отрицательной связи этих признаков ($r = 0,260$).

Учитывая географическое расположение дружинных могильников вне крупных городских центров, их датировку X—XI вв. и наличие большого процента погребений по обряду трупосожжений, характерному для территории Подесенья в это время²⁵, следует отметить, что основная масса населения, оставившего эти могильники, имела, очевидно, местное происхождение. Палеоантропологические исследования свидетельствуют о смешанности антропологических типов погребенных только по обряду ингумации, что, на наш взгляд, является результатом этнической неоднородности континентов княжеских дружин данного региона. К аналогичным выводам при рассмотрении погребальных конструкций приходят и исследователи-археологи²⁶.

Подводя итоги исследований, скажем, что антропологический состав городского населения Подесенья и групп населения, оставивших дружинные могильники, при общей характерной для Левобережья мезо-ортокрании и узколицисти форм черепа обладал неоднородностью.

Основная масса сельского населения имела в целом однородный, долихокраний узколицистый и низколицистый тип. Исследование истоков этого типа, как отмечалось, затруднено ввиду господства на рассматриваемой территории в эпоху раннего средневековья обряда кремации. Относительная грацильность, низколицистость и мезогнатность жителей этого региона, выделяемая на фоне других средневековых славянских групп Поднепровья и при сравнении с более ранней серией черняховцев²⁷, не дает оснований для поисков прямых генетических корней их среди групп носителей черняховской культуры Среднего Поднепровья.

¹ Богданов А. П. Курганные жители Северянской земли по раскопкам в Черниговской губернии // ИЮЛЕАЭ.— 1880.— Т. 35.— Ч. 1.— С. 1—11.

² Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии.— М., 1973; Алексеева Т. И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории.— М., 1974.— С. 71—84 и др.

³ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян...— С. 269.

⁴ Алексеева Т. И. Антропологичний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України.— К., 1969.— С. 73—86.

⁵ Седов В. В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки.— М., 1977.— С. 148—156; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян.— М., 1979.— 157 с.

⁶ Седов В. В. Происхождение...— С. 35.

⁷ Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным антропологии) // СЭ.— 1974.— № 1.— С. 16—31.

⁸ Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья...— С. 21.

⁹ Седов В. В. Происхождение...— С. 36—37.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв.— М., 1982; Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XII вв. // ВИД.— 1979.— Т. 11.— С. 236—237.

¹¹ Алексеев В. П. Палеодемография СССР // СА.— 1972.— № 1.— С. 3—21.

¹² Вычисления длины тела проводились по средним величинам при применении формул Л. Манувриева, К. Пирсона, А. Ли, Г. Ф. Дебеца; Алексеев В. П. Osteometria. Методика краниологических исследований.— М., 1966.— С. 221—248.

¹³ Aleksieywa T. I. Wshodnioslowianskie czaszki z kurganow plemennych // Material, i prac. antropol.— Wroclaw, 1966.— N 72.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 7—102.

¹⁵ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований.— М., 1964.— С. 124—127.

¹⁶ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ АН СССР. Н. с.— 1948.— Т. 4.— С. 382—383.

- ¹⁷ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян...— С. 30—31.
- ¹⁸ Куза А. В., Моця А. П., Григорьев А. В. Раскопки Новгород-Северской археологической экспедиции // НА ИА АН УССР.— 1984.— № 146.— 65 с.
- ¹⁹ Шекун А. В. Раскопки археологической экспедиции Черниговского исторического музея в 1984 г. // АО 1984. г.— М., 1986.
- ²⁰ Моця А. П. Трупосожжение и труположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда // Славяне и Русь.— К., 1979.— С. 115—122.
- ²¹ Покас П. М. До антропології середньовічного населення басейну р. Псел // Археологія.— 1987.— № 58.— С. 94—99.
- ²² Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян...— С. 26—27.
- ²³ Зіневич Г. П. До антропології Шестовицького могильника // Матеріали з антропології України.— 1963.— Вип. 2.— С. 37—47.
- ²⁴ Коваленко В. П., Моця А. П., Шекун А. В. Работы Шестовицкой экспедиции // АО 1983 г.— М., 1984.— С. 287—288.
- ²⁵ Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X—первой половины XIII вв. // Автореф. дис... канд. ист. наук.— М., 1981.— 20 с.
- ²⁶ Бліфельд Д. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— К., 1977.— С. 42.
- ²⁷ Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины.— М., 1972.— С. 76—122.

М. А. Сагайдак

О КОНСТРУКЦИЯХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КИЕВЩИНЫ И ЧЕРНИГОВЩИНЫ IX—XI вв.

Погребальные комплексы являются одним из самых представительных археологических источников, характеризующих различные стороны жизни древнерусского общества. Для археологического источниковедения важное значение приобретает весь комплекс данных, которые удается получить при изучении этого вида памятников. В настоящей публикации остановимся только на одном аспекте этой многогранной проблемы, попытаемся выяснить несколько спорных вопросов по устройству погребальных сооружений двух близких регионов, путем сопоставления обнаружить общие и специфические приемы, элементы и конструкции. В качестве источника мы использовали материалы Киевского и Шестовицкого могильников, наиболее полно исследованных в своих регионах.

В составе сопоставляемых памятников исследователи выделяют группу курганов с ингумацией, характеризующихся сложной конструкцией погребального сооружения: могильные ямы значительных размеров, преимущественно прямоугольные в плане, все пятно ямы занимает деревянная конструкция гробницы. Стенки ее иногда прижимаются к земляным стенкам ямы, в других случаях отстоят на некотором расстоянии. Как правило, это богатые захоронения, сопровождавшиеся устойчивым составом

вом и размещением погребального инвентаря. Типологическая близость отмеченных комплексов прослеживается в сходных элементах и узлах погребальных конструкций.

Большинство погребений этого типа в материалах киевского некрополя имеют достоверно срубную конструкцию стен. Сруб складывался из круглых бревен посредством угловых вырубков «в обло» и имел небольшие выносы венцов. Дно гробницы выстилалось досками, а перекрытие, которое делалось ниже дневного горизонта, представляло собой бревенчатый накат.

Наиболее ярко представлены конструкции в погребениях № 109, 112, 113, 115, 123 могильника на Старокиевской горе¹. Этот же тип деревянных сооружений под курганной насыпью отмечен в составе Шестовицкого могильника (к. 36, 38, 41, 42, 61, 118, 121 и др.).

Не до конца ясным продолжает оставаться другой тип гробницы, нередко интерпретируемый как сруб. Это аналогичная по размерам конструкция с отчетливыми следами вертикально установленных столбов. В одних случаях (к. 31) они установлены по углам могильной камеры, в других (к. 145) — по длинной стенке, в третьих — почти в центре. Такие же следы вертикальных опор отмечены в целом ряде дружинных погребений в киевском могильнике. Показательным из них до последнего времени являлось парное захоронение, исследованное в 1946 г. М. К. Каргером по ул. Большая Житомирская².

Д. И. Блифельд, интерпретируя этот тип погребального сооружения, пытался доказать, что столбы, стоящие вертикально в могильной яме, не были связаны с гробницей, а, скорее, составляли основание верхней, возможно, наземной конструкции.

В 1984 г. при земляных работах в северной части площади им. М. И. Калинина в Киеве С. Р. Килиевич исследовано еще одно погребение дружинника со столбовой конструкцией гробницы³. Хорошая сохранность дерева позволила установить, что стены могильного склепа были сложены из горбылей, которые крепились с помощью мощных угловых столбов. Гробница занимала все пятно прямоугольной, несколько вытянутой ямы. Удалось проследить дощатый пол настила пола и перекрытие, сложенное из горбылей. Мужской скелет находился в дощатом гробу, который стоял в центральной части склепа. Гроб был скреплен железными гвоздями. Из инвентаря, сохранившегося при погребенном, удалось обнаружить железный ножик с костяной ручкой, боевой железный топор, наременные бронзовые бляшки, в ногах стояло деревянное ведро с 16 астрагалами. Очевидно, какая-то часть инвентаря погибла при разрушении захоронения строительными работами.

Приведенные выше данные сходства элементов погребального сооружения двух могильников из разных регионов, несом-

ненно, свидетельствуют об общности истоков их погребальной обрядности.

Принципиальным остается вопрос времени использования указанных погребальных сооружений, решение которого может пролить свет на формирование специфических черт курганной культуры Среднего Поднепровья, а также показать влияние на погребальную обрядность социально-политических процессов.

По данным киевского могильника, способ захоронения в деревянных срубных и каркасно-столбовых гробницах исчезает примерно в середине X в. Об этом свидетельствует и захоронение 1984 г., оно выявлено под насыпью оборонительного вала, ограждавшего «город Владимира» с северо-восточной стороны. Насыпка этой линии городских укреплений была осуществлена не позднее конца X в.

Если в названных погребальных комплексах дощатые гробы являлись лишь составной частью сложного сооружения, то в составе сравниваемых некрополей имеются отдельные группы, где они являются единственной деревянной конструкцией. Ингумация в деревянном гробу — устойчивый признак курганной группы в уроч. «Узвоз» Шестовицкого могильника, аналогичные могилы в составе могильника на Старокиевской горе концентрируются в основном вокруг Десятинной церкви, есть они и в других частях городской территории.

Исследованиями 1983, 1984 гг. на Подоле нам удалось выявить и исследовать обширный городской могильник в районе ул. Героев Триполья, Хоревая и Набережно-Крещатицкая. Полученные материалы позволяют составить отчетливое представление о конструктивных особенностях дощатых гробов, использовавшихся в Киеве в XI в., дают возможность судить о технологических приемах и навыках ремесленников, использовании ими различных техник художественного оформления. По имеющимся материалам можно выделить несколько типов.

Тип А. Это прямоугольный дощатый ящик, составленный из колотых досок без гвоздей. Нижняя доска несколько расширена в сторону головы погребенного. Боковые доски ставились на торцы, где с помощью специальных фасок, выбранных в нижней и боковой доках, плотно прижимались друг к другу. Роль держателя боковин выполняли торцевые доски гроба, они прижимали боковые стенки к земляным стенкам могильной ямы. Сверху клалась одна или две нетолстых доски. Иногда в крышке мастер делал специальный паз для скрепления с боковинами и торцевыми досками, в которых тоже делались фаски. Гробы этого типа, очевидно, собирались на месте погребения. Вначале в могильную яму укладывалась доска с погребенным, дальше ставились боковины, которые «раскрепляли» конструкцию и потом уже крышка.

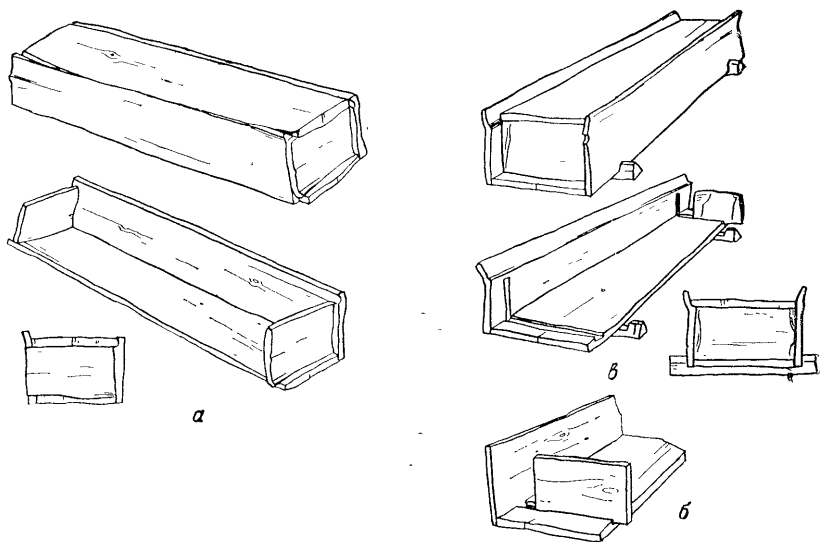

Рис. 1. Конструктивные детали гробов:
а — тип А; *б* — тип Б; *в* — тип В

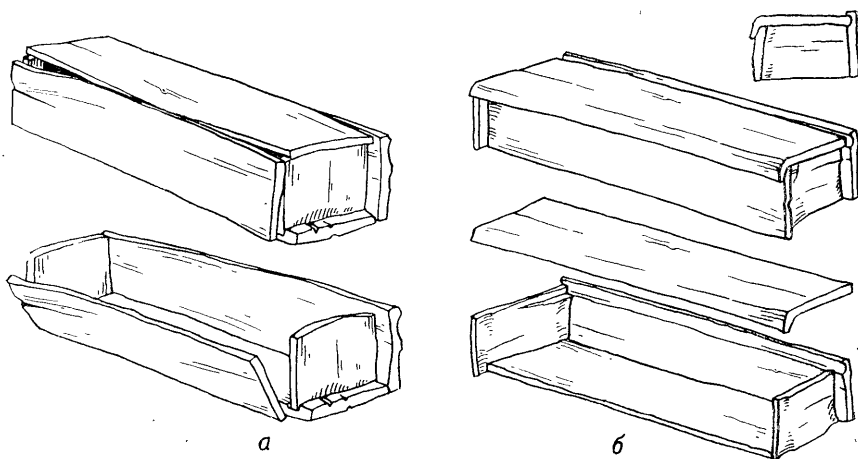

Рис. 2. Гробы типов А и Б

Для изготовления гробовища использовалось дерево одной породы (сосна, ель, дуб). Сосновые доски были толще, до 3—5 см, дубовые — несколько тоньше (рис. 1, а; 2, б).

Тип Б. Отличие состоит в том, что в нижней доске делался поперечный паз для установки торцевых досок. Последние подтесывались и плотно заходили в паз. В некоторых экземплярах (погребение 8) верх торцевых досок закруглен (рис. 1, б; 2, а).

Тип В. Можно рассматривать как дальнейшее развитие типа Б. Поперечный паз для установки торцевых досок выбирался не только в нижней доске, но и в боковых. Стенки у изголовья и ног имеют трапецевидную форму. За счет того, что паз в боковинах не добирался до края доски, они при запазовке с торцевыми стенками удерживались на собственном весе на их наклонных плоскостях. В некоторых случаях стенки были скреплены железными или деревянными гвоздями.

Снизу, под изголовье и ноги устанавливались специальные подставки с вырубкой на ширину гроба, иногда для этой цели служили круглые вырубki (рис. 4, а; 5). Встречены поперечины, лежавшие сверху (рис. 3). В некоторых досках нижней части гроба были сделаны сквозные квадратные или прямоугольные отверстия (рис. 4, б; 5). Часть деревянных находок, выявленных, к сожалению, при случайных обстоятельствах, можно интерпретировать как остатки ограды могильных ям (рис. 5). Погребальные конструкции этого типа отличаются особо тщательной отделкой. Они изготовлялись преимущественно из дуба (рис. 1, в; 3).

Тип Г. Отличаются пропорциями за счет увеличения высоты боковых стенок. Эта форма напоминает конструкцию саркофага. Стенки крепились деревянными шпонками. Саркофаг делался из тонких (до 3 см) дубовых досок с тщательной выделкой. Внешние плоскости всех четырех стенок орнаментированы легкой резьбой. Основной мотив орнаментации — розетки с вписанным в круг крестом и варианты concentрических кругов. Первыми украшались боковые стенки, вторыми — торцевые. Изображения предварительно размечались с помощью циркуля, а потом прорезались. Крышка этого типа погребального сооружения в некоторых случаях изготовлялась из дерева другой породы, легко поддающегося резьбе (липа). Форма крышки напоминает перевернутую вверх дном посудину, она тщательно вырезана, края выполнены в виде венчика (рис. 7).

С технологической стороны рассмотренные типы погребальных конструкций подольского могильника являются продуктом высокоразвитого ремесла, имевшего длительную традицию. Они отличаются высоким качеством плотницких и столярных работ. Основные технические приемы работ общие для всех типов.

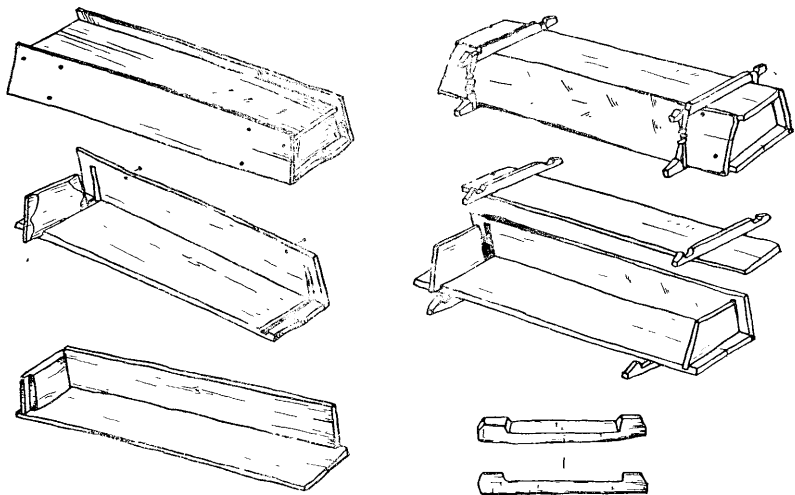
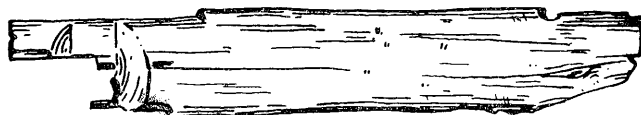
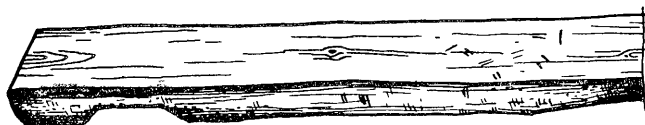

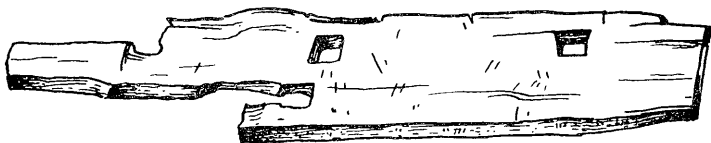
Рис. 3. Гробы типа В

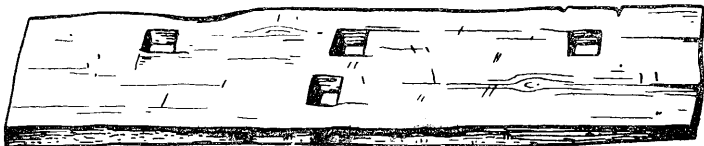
|

а

|

б

Рис. 4. Конструктивные детали гробов (а, б).

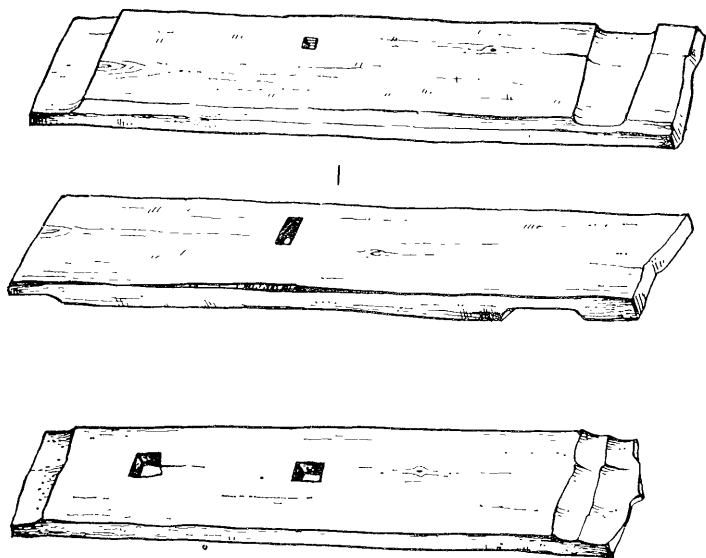

Рис. 5. Конструктивные детали гробов

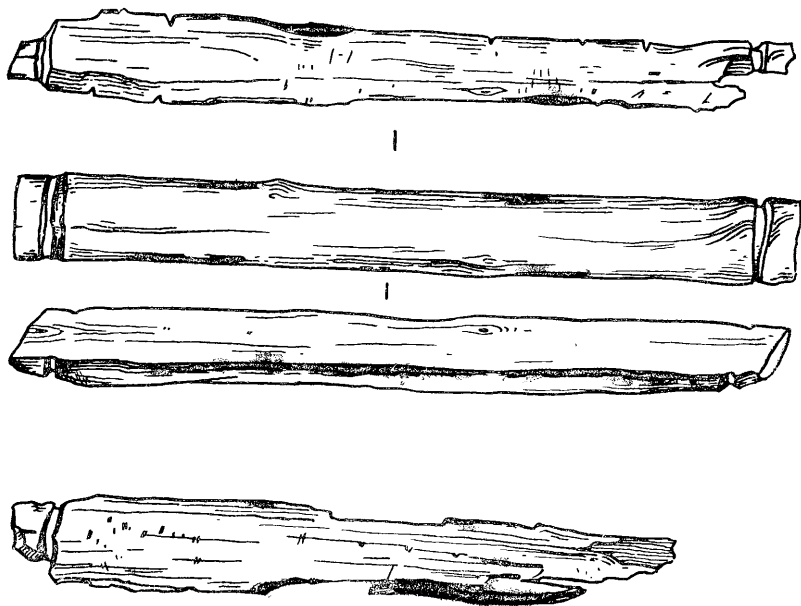

Рис. 6. Остатки ограды могильных ям

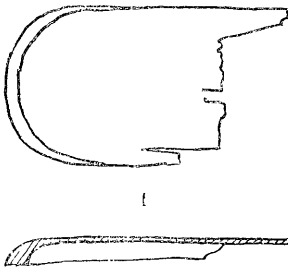
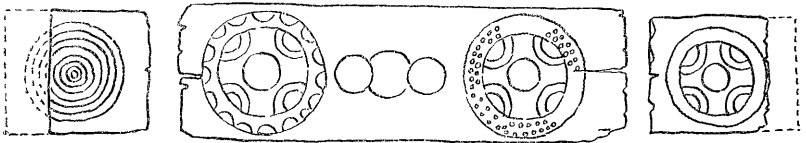
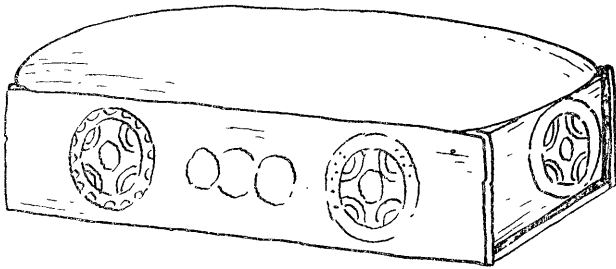
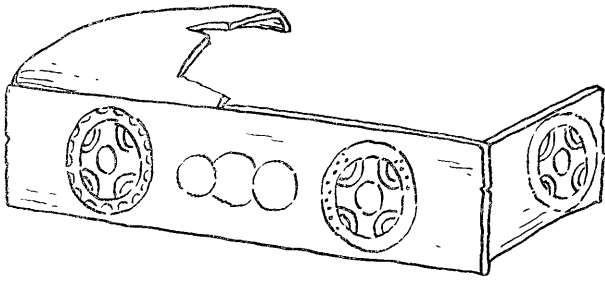

Рис. 7. Деревянный саркофаг (гроб типа Г)

Разделка стволов дерева на доски производилась путем раскалывания, затем доски обрабатывались с большим мастерством при помощи топора и доводились теслом. Поперечные пазы вырубались долотом. Кроме пазов для подгонки и скрепления стенок конструкций использовались деревянные шпонки и железные гвозди.

Древесина для изготовления дорогих декорированных деревянных саркофагов предварительно заготавливалась и высушивалась. Об этом свидетельствует отсутствие сгибания широких досок при высыхании.

Заметны следы экономичного расходования сил, внешние плоскости обрабатывались более тщательно, чем скрытые. Декор наносился с предварительной разметкой плоскостей.

Далеко не последнюю роль играл выбор элементов декора. Убор деревянного саркофага — это законченная орнаментальная композиция, выражающая символически идеалы христианской религии. В формировании этой изобразительной системы ощущается влияние каменной пластики, в частности шиферных рельефов Софии Киевской.

Можно высказать предположение о существовании готовых моделей-образцов, находившихся в употреблении.

Высокий профессионализм киевских ремесленников, безусловно, был присущ и мастерам из других земель Киевской Руси, в частности Черниговской.

Проведенный опыт сравнительного анализа погребальных комплексов по инженерно-технологическим особенностям открывает новые возможности в создании типологии всех древнерусских погребальных комплексов, что, естественно, может значительно увеличить их источниковедческие возможности в решении исторических проблем.

¹ Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л., 1958.— Т. 1.— С. 221.

² Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці.— К., 1977.

³ Кирилович С. Р., Харламов В. А. Раскопки Федоровского монастыря в Киеве. // АО 1984 г.— М., 1986.— С. 241.

Ю. С. Асеев

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРНИГОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XII—XIII вв.

XII в. в Чернигове, как и в других городах древней Руси, характеризуется расширением межобластных связей, развитием торговли, ремесел, активными взаимосвязями со многими странами Запада и Востока. Об этом красноречиво свидетельству-

ют многочисленные находки вещей иноземного происхождения — романские (водолей XIII в. из Переяслава, лиможские и вестфальские подсвечники XII в. из Вщижа), византийские (серебряная чаша XII в. из Чернигова), восточные¹. Одновременно русские изделия получают распространение во многих странах. При этом отмечается миграция сюжетов, характерных для феодальной эпохи, орнаментов и приемов техники изготовления. Порой бывает трудно определить, иноземного или русского происхождения та или иная вещь. Так, например, известные вщижские арки имеют все черты романского стиля, хотя надпись на них говорит об авторстве русского мастера Константина.

Говоря о древнерусском искусстве XII в., Б. А. Рыбаков делает вывод: «Русь в XII в. была как бы соавтором в создании многообразного романского стиля Европы и Кавказа»². При этом русские мастера создали искусство, близкое к романскому, но далеко не тождественное. Речь идет именно о соавторстве, а не об ученичестве.

В Чернигове сохранились четыре памятника древнерусской архитектуры XII — начала XIII в., кроме того, остатки еще шести памятников этого времени, что дает возможность охарактеризовать стилистические особенности черниговской архитектурной школы и определить ее место в контексте древнерусского зодчества и мировой архитектуры.

Сложность этого определения состоит в том, что все четыре сохранившихся до наших дней памятника — Борисоглебский собор, Успенский собор Елецкого монастыря, Ильинская и Пятницкая церкви — не имеют летописных датировок и о последних в науке было высказано много разноречивых мнений.

Так, наиболее ранними из них считались Ильинская церковь и Успенский собор Елецкого монастыря, относимые некоторыми исследователями, в том числе Н. В. Холостенко, к XI в.

Датировка Ильинской церкви 1074 г. на том основании, что в этот год Антоний основал на Болдиных горах монастырь, малоубедительна, так как в тексте летописи речь идет о пещере, выкопанной Антонием³. Более вероятно, что каменная церковь над пещерами была построена в 1130 г., после канонизации Антония.

По типу Ильинская церковь — редкий для древнерусского зодчества однопелый храм. Ее южная и северная стены примыкают непосредственно к столбам подпружных арок. Ряд черт архитектуры церкви сближают ее с традициями зодчества XI в. (плоские лопатки на фасаде и не доходящие до карниза полуколонки на барабане).

Принципиальным отличием от архитектуры предшествующего времени является новая для Поднепровской Руси техника

порядовой кладки, сменившая технику смешанной кладки (или кладку «со скрытым рядом»), характерную для всего древнерусского зодчества конца X — начала XII в.

Возникает важный вопрос: с какого времени и в связи с чем в XII в. в Поднепровской Руси возникает новая техника строительства? Последние по времени постройки Поднепровья в технике смешанной кладки относятся ко времени Владимира Мономаха. Это датированная 1117 г. церковь в Борисполе и построенная между 1113 и 1125 гг. церковь Спаса на Берестове в Киеве.

П. А. Раппопорт склонен считать, что новая строительная техника возникла в Чернигове ранее этого времени. По его мнению, техника порядовой кирпичной кладки была принесена в Чернигов артелью византийских мастеров в конце XI в., предварительно побывавших где-то на Западе и там подвергшихся влиянию романской архитектуры⁴.

При этом П. А. Раппопорт склонен датировать два памятника Чернигова, в которых ярко выразились романские черты — Успенский собор Елецкого монастыря 1097 г., а Борисоглебский собор — 1123 г. то есть годом смерти Давида Святославича, похороненного в созданной им церкви. Мастеров же для строительства этих зданий, по мнению исследователя, пригласил из Византии Олег Святославич после возвращения из Греции в 1083 г.

Следует сразу же назвать отличия форм обоих зданий от византийской архитектуры, кроме кладки из плинфы на известковом с цемянкой растворе (кстати, известной и в архитектуре Запада, например в базилике св. Георгия в Риме) и крестовокупольного типа здания, продиктованного традицией восточно-христианской церкви. Традиционными остались позакомарные завершения фасадов, хотя для византийской архитектуры этого времени более характерны покарнизные завершения боковых частей здания. Полуколонны на фасадах, аркатурные пояса на фасадах и барабанах, резные белокаменные детали, бесспорно, близки формам романского зодчества.

Самой ранней датированной постройкой Чернигова (да и всей Поднепровской Руси), построенной в технике порядовой кладки, считается Борисоглебский собор (поскольку Успенский собор Елецкого монастыря и Ильинская церковь летописных дат не имеют). Что касается его даты, то еще М. К. Каргером была высказана мысль о том, что к постройке Давида Святославича относятся остатки каменного сооружения, выполненного характерной для XI — начала XII в. смешанной кладкой, открытые Н. В. Холостенко и атрибутированные им как остатки двухкамерного терема. Он аргументировал свое предположение тем, что анализ стратиграфии дает больше оснований отнести их

к XI, а не к XII в.⁵ Предложенная Н. В. Холостенко датировка была поддержана Е. В. Воробьевой и А. А. Тицем⁶. Однако ряд аргументов все же дает больше оснований считать, что фундаменты под современным Борисоглебским собором относятся не к терему, а к церкви, построенной Давидом. Едва ли эта церковь была построена в год смерти Давида — она могла быть им построена и значительно раньше, в конце XI — начале XII в. Вся восточная часть Борисоглебского собора, где могли быть обнаружены фундаменты других частей церкви Давида, полностью перекопана при устройстве позднейших склепов.

Ориентация открытых Н. В. Холостенко фундаментов точно совпадает с ориентацией современного собора — с запада на восток, что обязательно для церковных зданий и совсем не обязательно для дворцовых. И, наконец, раскопанные фундаменты двух помещений, при их незначительной ширине (1,8 м), вполне достаточны для западных компартиментов небольшой церкви и слишком малы для княжеского терема. Как можно предположить, эта маленькая княжеская дворцовая церковь была перестроена в середине XII в. Давидовичами в большую усыпальницу с многочисленными аркасолиями для погребения князей этой династии.

Е. В. Воробьевой в подтверждение ранней даты Борисоглебского собора высказана мысль, что в отличие от Михайловской церкви 1173 г. Борисоглебский собор построен из крупноформатной плинфы, характерной для более раннего времени⁷.

Переход на малоформатную плинфу действительно происходит в 70-х годах XII в., но в Поднепровье в середине XII в., когда в Чернигове княжили сыновья Давида, при которых наиболее вероятно была перестройка Борисоглебского собора, строили еще из крупноформатной плинфы, как, например, церковь в Каневе (1144 г.) или Кирилловская церковь в Киеве (середина XII в.). Борисоглебский собор в Чернигове до мельчайших деталей похож на построенный в 1145 г. Борисоглебский собор на Смядыни в Смоленске — та же техника строительства, тот же крестовокупольный с нертексом шестистолпный тип здания, те же полуколонны на фасадах, те же размеры 24×18 и так же он окружен галереями. Черниговский Борисоглебский собор также близок Каневской церкви 1144 г. В обоих зданиях совершенно одинаковые решения фасадов с декором плоскими нишками. Все это указывает на середину XII ст. как на наиболее вероятную дату черниговской постройки.

Строительство Успенского собора Елецкого монастыря старые авторы на основании записей в клировых ведомостях относили ко времени Андрея Боголюбского, то есть к 60-м годам XII в. В печати отмечалась ненадежность этих сведений. Н. В. Холостенко относил строительство Елецкого собора к

60—70 годам XI ст., П. А. Раппопорт — к концу XI ст., Е. В. Воробьева и А. А. Тиц — к 10—20 годам XII ст.⁹, И. В. Моргилевский — к середине XII в.¹⁰

Тип Успенского собора Елецкого монастыря, как и большинство памятников первой половины — середины XII в., восходит к типу собора киевского Печерского монастыря. Это шестистолпный крестовокупольный храм с осевой композицией плана, с четко выделенным нартексом и в ряде случаев — притворами-папертями. Наиболее близкими аналогиями Елецкому собору являются Кирилловская церковь в Киеве (около 1150 г.) и особенно — Борисоглебский собор в Рязани (середина XII в.).

Очевидно, к этому времени следует отнести и дату черниговской постройки. Живопись в Елецком соборе близка к живописи в Кирилловской церкви в Киеве и никак не может быть отнесена ни к XI, ни даже к началу XII в.

Следует остановиться еще на одном важном вопросе, имеющем прямое отношение к датировкам черниговских зданий. Первой бесспорно датированной приднепровской постройкой, выполненной в технике порядовой кирпичной кладки, является собор Федоровского монастыря в Киеве. П. А. Раппопорт считает, что здание было построено смешанной системой кладки с западающими рядами¹¹. Однако последние исследования 1985 г. Б. А. Харламова и С. Р. Қилиевич, нашедших остатки кладки стен, дают основание считать, что собор был построен порядовой кирпичной кладкой с особенностями техники XII в. Кирпичи и кладка Федоровского собора близки к кирпичам и технике кладки стен церкви Богородицы Пирогощи на Подоле, заложенной также Мстиславом Владимировичем и сооруженной в 1131—1136 гг. В кладке фундаментов церкви Богородицы Пирогощи были обнаружены камни и блоки кладки от какой-то более ранней постройки, которые П. А. Раппопорт склонен считать остатками первой церкви 1131—1136 гг., вскоре разобранный и сооруженной заново во второй половине XII в.¹²

Однако при исследовании памятника не было обнаружено ни малейших следов фундаментов предыдущей постройки *in situ*, что дает основание считать, что камни и блоки в фундаментах Богородицы Пирогощи принадлежали какой-то иной постройке X — начала XII в., возможно, находившейся не на Подоле, а в Верхнем городе. Таким образом, нет бесспорных оснований для передатировки церкви Богородицы Пирогощи. Летопись давала точные даты ее постройки, а в случае сооружения на ее месте новой церкви едва ли не отметила бы этот факт.

Следует сказать, что архитектура киевских зданий XII в. существенно отлична от черниговских. Об этом свидетельствуют различия в технических особенностях кладки, несколько отлич-

ный от черниговского характер раствора, знаки на кирпичах черниговских зданий и отсутствие их на кирпичах киевских, иной характер выделки и размеров кирпича. Но особенно важно, применение в декоре фасадов черниговских зданий резных белокаменных деталей, известных в рязанских постройках, выполненных, очевидно, черниговскими мастерами и не применяемых ни в киевской, ни в смоленской, ни в волынской архитектуре XII в.

Во второй половине XII в. на Руси сложились три школы каменной резьбы — Владимиро-Суздальская, Черниговская и Галицкая. Каждая из школ имела свои особенности при определенной стилистической близости к романскому искусству. При этом если во Владимиро-Суздальской резьбе отмечали близость к Кавказу, а в Галицкой — к венгерской и западнославянской романике, то черниговская резьба, как справедливо отмечала Е. В. Воробьева¹³, была наиболее оригинальной, и ее семантика уходила вглубь фольклорных и языческих древнерусских традиций.

Это свидетельствует о том, что резьба была выполнена местными русскими мастерами и ставит под сомнение участие в постройках и византийских, и романских мастеров.

Сложность датировок черниговских резных деталей заключается в том, что все они найдены в раскопках, и их местонахождение на зданиях вызывает споры. Нам представляется аргументированным мнение Е. В. Воробьевой о том, что знаменитая черниговская капитель, найденная в 1860 г., могла принадлежать Успенскому собору Елецкого монастыря, капители с изображениями симурглов, зверей и птиц — Борисоглебскому собору (а, возможно, и какой-то княжеской постройке Давидовичей), камень с головой льва, найденный в Ильинской церкви, — Благовещенской церкви 1186., памятнику, точно датированному. Не исключена возможность принадлежности этих деталей и к другим черниговским постройкам, но, несмотря на то, что они, очевидно, выполнялись различными мастерами в различное время, правильнее будет отнести их датировку к середине — второй половине XII в., что совпадает со временем развития владимиросуздальской и галицкой архитектуры.

Два памятника Чернигова — Михайловская (1174 г.) и Благовещенская (1186 г.) церкви характерны для позднего периода этого стилистического направления, когда зодчие начали отходить от сложившегося типа храма 30—50-х годов XII в. Михайловская церковь была четырехстолпной, без полуколонн на фасадах, а Благовещенская с трех сторон окружена галереями с полуколоннами на фасадах. Оба здания построены уже из малоформатной плинфы, что характерно для Поднепровской архитектуры, начиная с 1170 г.

Последний этап черниговского зодчества конца XII—начала XIII вв. больше связан с общерусским архитектурным процессом. Прославленным памятником нового архитектурного стиля, возникшего на Руси в конце XII в., является Пятницкая церковь на торгу, столь блестяще восстановленная в первоначальном виде П. Д. Барановским. Все исследователи отмечают бурный рост ремесла и торговли в Поднепровской Руси в конце XII—начале XIII в. В жизни древнерусских городов все большее значение начинает играть городское сословие. Застраиваются посады, на торгах строятся церкви, чаще всего в честь «покровительницы торговли» Параскевы-Пятницы (Новгород, Смоленск, Чернигов). Резко меняется стилистическая направленность монументальных зданий. Архитектура приобретает экстерьерный характер, статические формы прошлого стиля сменяются динамическими, с подчеркнутыми профилированными тягами, вертикализмом. Отходят в прошлое и византийские традиции, и романские формы фасадов. Все это не может не привести к мысли о том, что это стилистическое направление возникает под воздействием тех же причин, что лежали в основе возникновения готической архитектуры Запада, а также сходно с явлениями в архитектуре Балкан, Кавказа и других стран, то есть носит, если можно так выразиться, стадийный характер. Существенные изменения отмечаются в конструкциях и строительной технике. Основные усилия от сводов переносятся на столбы в наружных стенах. Строители отказываются от ленточных фундаментов, распространяется кладка «ящиками» с бетонной забутовкой. Боковые нефы церквей перекрываются не полуциркульными, как было раньше, а четвертькруглыми арками и сводами, в связи с чем в композиции зданий позакомарные завершения фасадов заменяются трехлопастными. В Пятницкой церкви в Чернигове, как отмечал П. Д. Барановский, наблюдается некоторая стрельчатость в арках. Новаторство и рационализм строительной техники этого времени также напоминают тенденции готики.

Новое стилистическое направление в Поднепровье не без основания обычно связывают со строительной деятельностью князя Рюрика Ростиславича, имевшего «любовь ненасытну о зданиях» и «изобрете среди приятелей своих мастера не проста» Петра Милонегга. Впервые мысль о том, что строителем Пятницкой церкви в Чернигове был Петр Милонегга, была высказана П. Д. Барановским¹⁴ и неоднократно повторялась в литературе. Петру Милонеггу приписывали также церкви Василия в Овруче, Апостолов в Белгороде и Васильевскую на Новом дворе в Киеве, построенные по заказу Рюрика Ростиславича.

Как известно, летопись пишет о Петре Милонегге как о строителе подпорной стены в Выдубецком монастыре в 1199—

1200 гг., и больше нигде его имя не упоминается. Что же касается построек, ему приписываемых, то каждая из них имеет индивидуальные черты: шестистолпный многоглавый храм Апостолов в Белгороде с поливными керамическими вставками на фасадах, готическими гуртами в порталах и оштукатуренными и окрашенными барабанами глав, одноапсидная, близкая к смоленским постройкам церковь Василия на Новом дворе в Киеве (так правильно атрибутирует ее П. А. Раппопорт), трехапсидный с двумя башнями и декоративными вставками из камней на фасадах (подобно Каложской церкви в Гродно) храм в Овруче и, наконец, трехапсидная, с башнеобразной композицией и многочисленными керамическими орнаментами на фасадах Пятницкая церковь в Чернигове. Кроме того, существуют отличия и в строительной технике, в частности в характере заложения фундаментов и применении различных растворов. Кирпичи Пятницкой церкви имеют знаки на ребрах, свидетельствующие о работе местных черниговских мастеров. В киевских постройках Рюрика Ростиславича таких знаков нет, в Киеве знаки на кирпичках появляются позднее, в частности, на ремонтных кладках 1230 гг. Успенского собора Печерского монастыря. Рюрик обычно строил церкви «во имя свое», то есть Васильевские. Пятницкая же церковь, судя по ее названию, была построена на торгу, вероятно, торговыми людьми, как, например, Пятницкая церковь в Новгороде, построенная «заморскими» купцами. На торгу также была построена Пятницкая церковь в Смоленске.

В Чернигове за последние годы обнаружен ряд построек этого стилистического направления, в частности западный притвор Борисоглебского собора, имеющий тот же профиль портала, что и профилированные пилястры Пятницкой церкви. Это свидетельствует о том, что в Чернигове в ту пору работали местные черниговские мастера, освоившие черты нового стиля. К черниговскому зодчеству этого направления следует отнести также церковь во Вщиже, не исключено участие черниговских мастеров в строительстве церквей и в городах Северной земли — Путивле, Новгороде Северском и Трубчевске. Черниговское монументальное зодчество XII — начала XIII в. прошло два стилистических этапа в своем развитии и в каждом из них, как и в других архитектурных школах этого периода, проявились черты мирового архитектурного процесса того времени, общерусского стилистического направления и местных условий и традиций.

¹ Бочаров Г. Б. Художественный металл Древней Руси.— М., 1984.— С. 98—100; Даркевич В. П. Советское искусство Византии.— М., 1975.— С. 38—59.

² Рыбаков Б. А. Живопись домонгольской Руси. Предисловие.— М., 1974.— С. 9.

³ Повесть временных лет.— М.; Л., 1950.— Ч.1.— С. 128.

⁴ *Раппопорт П. А.* Из истории киево-черниговского зодчества // КСИА АН СССР.— 1984.— № 179.— С. 62.

⁵ *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство.— 1963.— № 15.— С. 7.

⁶ *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // СА.— 1974.— № 2.— С. 106.

⁷ *Воробьева Е. В.* Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь.— М., 1976.— С. 176.

⁸ *Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры.— 1961.— Вып. 3.— С. 67.

⁹ *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* О датировке...— С. 106.

¹⁰ *Моргілевський І.* Успенська церква Єлецького монастиря в Чернігові // Чернігів і Північне Лівобережжя.— К., 1928.— С. 199—200.

¹¹ *Раппопорт П. А.* Там же.—

¹² *Там же.*

¹³ *Воробьева Е. В.* Семантика и датировка...— С. 182.

¹⁴ *Барановский П. Д.* Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР.— М.; Л., 1948.— С. 13—24.

А. В. Чернецов

О ЯЗЫЧЕСКОЙ ДРУЖИННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕРНИГОВЩИНЫ

Изображения на серебряной оковке известного турьего рога из погребения в Черной Могиле получили наиболее развернутое объяснение в работах Б. А. Рыбакова (рис. 1) ¹. По его мнению, часть изображений на оковке представляет собой сцену из местного (черниговского) эпоса — былины об Иване Гоудиновиче. Человеческие фигуры на оковке — «неверный» царь Кашей и невеста героя — Настасья (или Марья). Кашей направляет свои стрелы в вещую птицу, предсказывающую ему гибель; стрелы чудесным образом возвращаются и поражают его в темя. Следует отметить большую наблюдательность исследователя, справедливо увидевшего в изображениях на оковке отражение повествовательного сюжета. Очень важным представляется отмеченный Б. А. Рыбаковым мотив возвращающихся стрел. Этот мотив напоминает дошедшую до нас в составе договора Руси с греками 945 г. языческую клятву, в которой говорится о поражении собственным оружием, причем упоминаются стрелы: «да не ушитятся щиты своими и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружья своего...» ² Ярко выраженный мотив стрелы, летящей в лучника, на оковке и хронологическая близость погребения и договора указывают на то, что данное совпадение нельзя считать случайным.

Наряду с несомненными достоинствами, построение Б. А. Рыбакова отмечено чертами, которые препятствуют тому, чтобы признать его достаточно обоснованным. Прежде всего, сомнение

вызывает принципиальная возможность того, что на оковке представлен эпический сюжет. Главным (положительным) персонажем эпоса всегда является человек, герой. В случае, когда в прикладном искусстве изображается единичный эпический эпизод, это всегда победа героя над врагом (человеком или зверем, чудовищем). В данном же случае, если следовать предложенной Б. А. Рыбаковым трактовке, главный герой вообще отсутствует. Человеческие фигуры, представленные на оковке, изображены в позе унижения, бегущими от опасности, одну из них поражает стрела. Представить себе, что данная сцена — один из эпизодов, в котором главный герой не фигурирует, можно было бы лишь допустив, что это составная часть серии композиций на тему сказания, то есть что рог входил в состав целого «гарнитура» вещей, украшенного отдельными эпизодами одного повествования. Такая возможность представляется маловероятной. Композиция, центральные человеческие образы которой представлены в позе бегства, должна находить свое объяснение, скорее, не в эпосе, а в мифологии.

Предложенное соображение общего плана — не единственная причина, заставляющая усомниться в трактовке Б. А. Рыбакова. «Вещая птица», в которую, согласно его гипотезе, неудачно стреляет Кашей, не обнаруживает ясной композиционной связи с фигурами людей. Выпущенные стрелы направлены не в ее сторону, а в противоположную, птица не является также источником опасности для людей, поскольку они представлены бегущими не от нее, а, наоборот, в ее сторону. Голова птицы повернута в сторону от человеческих фигур.

Не является бесспорным определение Б. А. Рыбаковым правой фигуры как женской. То, что она представлена в штанах (?) и вооружена луком, свидетельствует, скорее, против этого предположения. Нет полной ясности и в том, правильно ли понято Б. А. Рыбаковым изображение, рассматриваемое им как коса. Не исключено, что это заплетенная борода. Если это действительно коса, то это — безусловный признак женщины, поскольку в Восточной Европе были известны косы у мужчин (прежде всего у кочевников).

Б. А. Рыбаков ограничивает повествовательную композицию лишь тремя фигурами. Между тем вполне вероятно ее продолжение влево, тем более, что именно в ту сторону направлены стрелы и оттуда же, очевидно, исходит опасность, от которой убегают человеческие фигуры. Наиболее вероятно, что границы композиции маркируют две симметричные пары зооморфных образов, и тогда в нее должны быть включены также фигуры петуха и волка (рис. 1, 2).

Обращаясь к вопросу о содержании изображений на оковке рога из Черной Могилы, следует остановиться на стилистических

Рис. 1. Изображения на оковке турьего рога из Черной Могилы:

1 — развертка оковки; 2 — композиция, ограниченная двумя парами симметричных чудовищ

Рис. 2. Некоторые аналогии мотивов оковки турьего рога:
1 — изображение на готландском камне; 2 — деталь резной повозки IX в.,
Усеберг (по В. Борну)

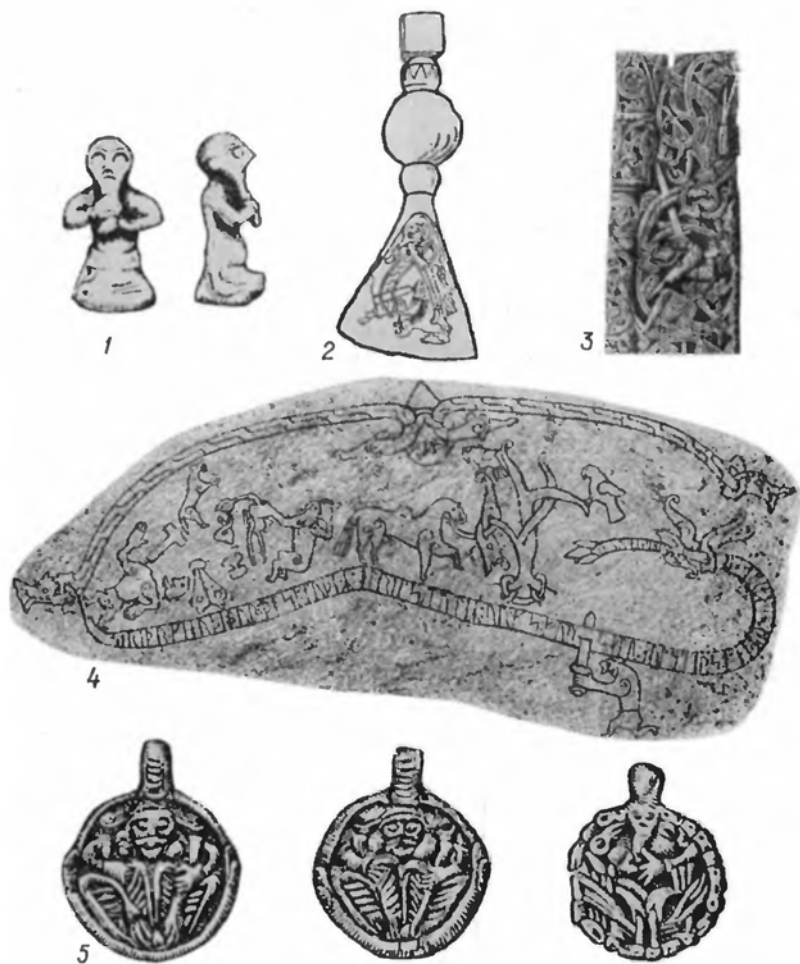

Рис. 3. Изображения, связанные со скандинавской мифологической традицией с территории древней Руси и некоторые их аналоги:

1 — идол из Черной Могилы (по Т. А. Пушкиной); 2 — изображение на «топорике Андрея Боголюбского» (XI в.); 3, 4 — скандинавские изображения победы Сигурда над Фафниром, по В. И. Сизову (3 — резьба по дереву, Сеттерсдаль, Норвегия, церковь начала XIII в.; 4 — наскальный рисунок в Рамтунде, Швеция); 5 — подвески с изображением Одина и его воронов, находки из курганов Владимирской и Курской обл. (по Б. А. Рыбакову),

чертах ее декора, тем более, что исследователи характеризуют их по-разному. Причина этого заключается в том, что декор оковки отражает смешение черт различных стилей. Трактовка растительных мотивов на оковке воспроизводит ориентализирующие образцы, близкие древневенгерской орнаментике (и декору второго, меньшего ритона из Черной Могилы). Однако зооморфные образы воспроизводят иную традицию и обнаруживают черты скандинавского искусства. Об этом говорят такие нехарактерные для позднейшей восточнославянской тератологии особенности, как угловатые, а не плавные очертания фигур животных с оскаленными зубастыми пастьми, характер переплетений крыльев птиц и шей зверей (речь идет о парных симметричных изображениях), очертания фигур даны двойным контуром, представляющим собой как бы ленту, которая может самостоятельно переплетаться с ремнями. Редкий и, очевидно, многозначительный мотив — птицы с перекрещивающимися за спиной крыльями — находит себе аналогию на готландском камне, где таким же образом представлена птица, которую приносят в жертву (рис. 2, 1) ³. На скандинавские черты в декоре оковки указывали В. Борн ⁴, В. М. Василенко ⁵ и Г. Ф. Корзухина. Существенно, что В. Борн указал близкую аналогию оковки по набору образов. Это часть резной повозки из Усебергского погребения, на которой можно видеть человеческие фигурки, затерявшиеся среди зооморфных плетений, и рядом двух четвероногих, шеи которых перекрещены (рис. 2, 2) ⁶. Важная аналогия одному из мотивов была указана Б. А. Рыбаковым — подвеска из Гнездова с парой четвероногих ⁷, относящаяся к произведениям скандинавского круга.

Обращение к скандинавским аналогиям изображений на оковке ритона из Черной Могилы тем более правомерно, что в свете недавних реставрационных работ проявился бесспорно-скандинавский облик идола, найденного в этом же погребении (рис. 3, 1) ⁸.

Сочетание стилистических признаков разного происхождения указывает на «гибридный» характер оковки (и, очевидно, ее местное восточноевропейское происхождение). Р. С. Орлов доказал существование в Среднем Поднепровье школ металлообработки для производства дружинных украшений, с которыми стилистически связана оковка из Черной Могилы ⁹. Существование подобных «гибридных» вещей в Восточной Европе — факт давно известный. Еще Т. Арне вполне справедливо указывал, что «предметы, найденные в России и имеющие тип существенно скандинавский, представляют заметный местный оттенок, имеют известную печать влияния, восточного или византийского» ¹⁰. Отметим, что ни «гибридный» характер декора оковки, ни наличие в ее декоре тех или иных этнокультурных компонентов, ни

связь ее с местными ремесленными центрами не дают прямого ответа на вопрос об этническом происхождении как мастера, так и погребенного в кургане. В этой связи можно вспомнить киевскую литейную форму с арабской надписью, сделанную из местной породы камня.

Решающее значение для выяснения смыслового содержания композиции имеет вопрос о том, в какое из изображенных на оковке существ посылались стрелы и от кого убегают человеческие фигуры. Судя по расположению изображений стрел и направлению движения человеческих фигур, его следует искать слева от последних. Ближайшее изображение с этой стороны — фигура петуха, повернувшегося спиной к людям. Петуха едва ли можно рассматривать как источник опасности, в то же время пение этой птицы могло связываться с какими-то драматическими событиями, являться сигналом опасности. Следующая фигура слева представляет волка, бегущего в сторону человеческих фигур. Дальше слева расположены симметричные чудовища, которых следует рассматривать как своеобразный деклинационный знак, не входящий в число основных изображений повествовательной сцены. При «чтении» композиции в соответствии с направлением движения и ракурсом большей части персонажей — слева направо — фигура волка оказывается первой, что дополнительно указывает на особое значение данного образа.

Волк — один из центральных персонажей скандинавской мифологии. В первой и важнейшей песне Старшей Эдды неоднократно упоминается чудовищный Фенрир-волк, главный враг богов, убийца Одина, похититель солнца, которому предстоит проглотить месяц¹¹. Согласно скандинавской мифологии, Фенрир, вплоть до конца света («гибели богов»), томится, связанный волшебными узами. Освобождение волка от этих уз — важный мифологический мотив, слова «узы расторгнуты, вырвался волк» являются рефреном, неоднократно повторяющимся в «Прорицании вельвы». В соответствии с этим фигура волка на оковке представлена охваченной плетениями, охватывающими его переднюю лапу и шею. Свободный конец ленты выходит из пасти волка и завершается растительным мотивом. Вероятно, мастер стремился представить волка перекусывающим «узы».

Следующая фигура справа — поющий петух — также находит себе соответствие в той же песне Старшей Эдды. Описание «гибели богов» начинается с упоминания пения петуха, причем петухи поют одновременно в Валгалле, на земле и в подземном мире:

... распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.

Запел над асами
Гуллинкамби (Золотой Гребешок),
он будит героев
Отца Дружин (Одина),
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
У Хель чертога.

Человеческие фигуры на оковке ритона можно считать изображениями терпящих поражение богов-асов. Возможно, что в подобном контексте избегали изображать богов, и вместо них представлены воины их воинства — эйнхерии. Поза бегства, помимо представления о гибели богов, может быть навеяна эддическими стихами, в которых говорится о том, что Тор (самый смелый и сильный среды асов) в час последней битвы будет вынужден отступить. Луки вместо более героического оружия, возможно, навеяны сказанием о том, что Фрейр во время последней битвы окажется без меча.

Представленные на оковке ритона две человеческие фигуры, как и ряд других персонажей, образуют пары: две симметричные декоративные пары зооморфных образов, два орла по сторонам пары грифонов, два небольших четвероногих зверька, на которых охотится один из этих орлов. Возможно, пара на оковке могла символизировать множественное число. Если же предположить связь двух человеческих фигур с двумя конкретными божествами скандинавской мифологии, то, учитывая восточноевропейское происхождение ритона, следует обратить внимание, что в договорах Руси с греками и при описании языческих клятв при их заключении фигурируют только два божества — Перун и Велес. В переводе на язык скандинавской мифологической традиции эта пара, по-видимому, должна соответствовать Тору и Одину.

Если попытаться трактовать изображения луков как атрибуты конкретных богов скандинавского пантеона, то следует отметить, что лук фигурирует как атрибут преимущественно второстепенных божеств — Улль, Скади. Вместе с тем нельзя полностью исключать также возможность изображения с луком важнейших божеств. На Руси издавна связывали с молнией (и, очевидно, Перуном) «стрелки громовные», причем сам бог-громовник, очевидно, представлялся в виде лучника. Сближение образов молнии и стрелы — общеевропейская мифологическая черта.

Наименее ясна роль последнего изображения в составе рассматриваемой сцены — фигура орла справа от человеческих фигур («вещая птица» по Б. А. Рыбакову). По-видимому, это великан Хресвельг (Пожиратель трупов), имеющий облик орла и находящийся «у края небес». Орел, пожирающий трупы, упо-

минается в «Прорицании Вельвы» при описании «гибели богов».

Говоря о возможности того, что на оковке турьего рога представлено изображение «гибели богов», отметим, что сам объект, на котором сделаны эти изображения, также мог вызывать ассоциации с этим мифом. В Старшей Эдде упоминается рог бога Хеймдалля Гьяллархорн, звук которого сопровождает последнюю битву. Согласно Младшей Эдде, Гьяллархорн — не только боевая труба, но и рог для питья, из которого великан Мимир пьет из источника мудрости (причем можно понять, что и Один пил оттуда, из того же сосуда).

Какое значение могло иметь изображение подобного мифологического сюжета на ритоне? По-видимому, его можно связать с зафиксированным у скандинавов обрядом произнесения на пирах клятв-обетов («кубок Браги», причем известно, что при этом пили из рога). Эти клятвы наряду с закланием, включающим слова о поражении собственным оружием¹³, могли содержать формулы, подобные засвидетельствованной договором 945 г. — «дондеже солнце сияет и весь мир стоит»¹⁴ (в переводе на язык скандинавской мифологии — до гибели богов).

Другие изображения оковки ритона не противоречат предложенным построениям и также, как правило, могут быть истолкованы в соответствии со скандинавской мифологией. Пара волков с переплетающимися шеями находит себе две скандинавские параллели — волки, преследующие солнце и луну, или Гери и Фреки, волки Одина. Мотив мирового дерева (в скандинавской мифологии — ясеня Иггдрасиль), вырастающего из их хвостов, заставляет, скорее, рассматривать их как спутников Одина, поскольку мировое дерево названо в честь этого бога (Игг — одно из имен Одина). Две птицы со звериными хвостами (скорее всего, деталь, не имеющая смыслового значения) также сопровождаются мотивом дерева. Известны два лебедя, живущие у ясеня Иггдрасиль. Однако в данном случае это, скорее, птицы, связанные с войной и кровью, — орел или ворон. Известны два ворона Одина, летающие над миром и сообщающие ему обо всем, что они видят. На связь птиц с Одним, возможно, указывают петли на их шеях (поскольку Один — бог повешенных). Перекрещенные за спинами крылья птиц, возможно, как и петли, указывают на их жертвенный характер.

Наименее ясное изображение находится между парами волков и чудовищных птиц — крупная хищная птица (орел), охотящаяся на двух небольших четвероногих (собак — ?). Можно предположить, что эта композиция, близкая по смыслу сценам терзания, является символической параллелью образу последней битвы и гибели богов.

Оковка турьего рога из Черной Могилы, в декоре которой смешиваются восточные и древнесеверные традиции, является, очевидно, изделием местного происхождения, отражающим синкретический характер древнерусской дружинной культуры. Известно, что знатные воишы скандинавского происхождения, от лица которых заключались договоры Руси с греками, клялись именами славянских языческих богов, что на скандинавов как на членов языческой общины древнего Киева мог пасть жребий с тем, чтобы приносить их в жертву местным богам¹⁵. Вместе с тем на Русь проникали изобразительные мотивы, связанные со скандинавской мифологией. Так, мотив скандинавской мифологии — Один и его вороны (рис. 3, 5), обнаруженный в восточноевропейском материале Г. Ф. Корзухиной, известен на подвесках и литейной форме, найденных на территории Древней Руси¹⁶. Характерный мотив на одной из сторон «топорика Андрея Боголюбского» (рис. 3, 2) был истолкован В. И. Сизовым как изображение змея Фафнира, пораженного мечом Сигурда¹⁷.

Согласно объяснению И. И. Срезневского, темное место в договоре Святослава с греками 971 г. «будем колоти яко золото»¹⁸ представляет собой скандинавский мифологический мотив — воспоминание о Гульвейг (первая часть имени означает «золото»), зачинщице первой войны между ванами и асами, заколотой копьями и постоянно воскресающей вновь, чтобы сеять раздор и войну (Старшая Эдда):

Помнит войну она
первую в мире:
Гульвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет

Напомню, что такой тонкий знаток древнерусской культуры, как А. С. Орлов, принимая истолкование, предложенное И. И. Срезневским, считал подобный синкретизм языческой культуры вполне естественным и писал, что киевский князь Святослав «дорожил... мифологией, которая нам известна по святославу договору с греками (971 г.), а, может быть и по таким произведениям, как «Эдда» или «Нибелунги»¹⁹.

¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 48—51.

² ПСРЛ.— 1962.— Т. 1.— Стб. 48, 53. Ср. текст договора 971 г./ Там же.— Стб. 73).

³ Lindquist S. Catlands Bilsteine.— Stockholm, 1942.— Bd 2.— P. 1440.

⁴ *Born W.* Das Tiergeflecht in der Nordrussischem Buchmalerei // *Seminarium Kondakovianum*.— Praha, 1932.— Vol. 5.— S. 80—82.

⁵ *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление.— М., 1977.— С. 149.

⁶ *Born W.* Op. cit.— S. 81.— Taf. IX, 1.

⁷ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч.— С. 47. (сн. 97); *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии.— Спб., 1902.— Вып. 1.— табл. IV, 1. Ср.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // *Археология СССР*.— М., 1982.— С. 281.— Табл. 1, XVIII, 2.

⁸ *Пушкина Т. А.* Бронзовый идол из Черной Могилы // *Вестник МГУ*. Сер. 8, История, 1984.— № 3.— С. 86, 87.

⁹ *Орлов Р. С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X—XI вв. // *Культура и искусство средневекового города*.— М., 1984.

¹⁰ *Arne T. I.* La Suede et l'Orient.— Uppsala, 1914.— P. 62.

¹¹ *Старшая Эдда.* Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна, М.; Л., 1963.— С. 13, 14, 34; *Младшая Эдда.* Перевод О. А. Смирницкой.— Л., 1970.— С. 29.

¹² *Снорри Стурлусон.* Круг земной.— М., 1980.— С. 31 (ср. с. 74—76); *Старшая Эдда*.— С. 83.

¹³ *Старшая Эдда*.— С. 90 (с. 72 и прим. 10 на с. 234).

¹⁴ *ПСРЛ*.— Т. 1.— Стб. 47, 53.

¹⁵ Там же.— Стб. 82.

¹⁶ *Корзухина Г. Ф.* Об Одине и кресалах Прикамья // *Средневековая Русь*.— М., 1976.— С. 135—140. Ср.: *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // *История культуры Древней Руси. Домонгольский период*.— М.; Л., 1951.— Т. 2.— С. 410.— Рис. 198, 3—5.

¹⁷ *Сизов В. И.* Древний железный топорик из коллекции Исторического музея // *Археологические известия и заметки*.— 1897.— № 5—6.— С. 145—162.

¹⁸ *ПСРЛ*.— Т. 1.— С. 73; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, 1958.— Т. 1.— Стб., 995, 996.

¹⁹ *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв.— М.; Л., 1937.— С. 58.

Р. С. Орлов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛ ЧЕРНИГОВА (СЕМАНТИКА ОКОВКИ ИЗ ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ)

Художественному металлу и ювелирному ремеслу Чернигова уделялось внимание в наиболее значительных работах по истории древнерусского искусства и ремесла. Исследователи обращали свой интерес прежде всего на выдающиеся памятники средневековой художественной культуры — оковки ритонов из Черной Могилы — крупнейшего славянского кургана, исследованного в 1872—1873 гг. Д. Я. Самоквасовым¹. Н. П. Кондаков и Б. А. Рыбаков отнесли памятники к продукции местных мастеров². В то же время следует отметить обусловленную единичностью бедность историографии памятников, хотя их изучение затрагивает ряд аспектов: технико-стилистические особенности, обрядовые функции на пиру, тризне, семантику

изображений. Более тщательное изучение локальных центров металлообработки Восточной Европы в последних работах В. П. Даркевича, А. Н. Кирпичникова, Б. И. Маршака³ облегчает задачу изучения уникальных памятников.

В последние годы фактологическая база ювелирного ремесла Чернигова и Чернигово-Северских земель значительно расширилась благодаря раскопкам, проводимым на городищах и могильниках Чернигово-Северских земель экспедициями Институтами археологии АН УССР и АН СССР, Черниговского исторического музея. Для изучения истории художественного металла раннегосударственного периода эти исследования дают много, так как изучались памятники территории, вошедшей в состав «Русской земли» в узком смысле этого слова, как ее понимали Б. А. Рыбаков и А. Н. Насонов, то есть территории регулярного взимания государственных налогов с середины IX в.

Территория каждой земли, входившей в состав «Русской земли», определяла масштаб социальных и сырьевых источников ювелирного ремесла ее центра. Есть все основания полагать, что земли западных северян раньше и прочнее вошли в состав «Русской земли». В отличие от противостоящих государственной политике Киева древлян, уличей, вятичей, радимичей, летопись не сообщает о борьбе с северянами. Остались неизвестными имена их племенных князей, возглавивших борьбу с Киевом, подобно древлянскому Малу и вятичскому Ходоте, с которым боролся Владимир Мономах.

Обратим внимание на куфические монеты, возможно, подразумеваемые летописцем под словом «щеляг» (от «шекель»?) — разновес в 1/60 мины, то есть 6,8 г серебра — ?, упоминаемый как дань радимичей (884 г.) и вятичей (964 г.), которые проникали в область левых притоков Днепра на Сейм, Сож, Десну по южному хазарскому пути. В. Я. Янин и В. В. Крпоткин приводят данные об 11 кладках дирхемов начального периода обращения (до 833 г.), ареал которых охватывает земли только северян, радимичей, вятичей⁴. Позднее, в X в. концентрацией кладов выделяется междуречье Днепра и Десны, особенно территория «Сновской тысячи»⁵.

На поселениях роменской культуры известны находки небольших кладов, по-видимому, сельской «старшины», «старост» [Новотроицкое — клад из 10 оммеядских дирхемов, датирующийся по младшей 818/819 г. и найденный в одном горшке с украшениями и ломом]. Здесь монеты использовались в качестве сырья для ювелирных изделий. В 1983 г. О. В. Сухобоков в с. Лухтовка обнаружил аналогичный клад из пяти аббасидских монет двух височных колец. Химический состав монет Горнальского городища, а также металла из тигля Переверзев-

Химический состав украшений

Год, спектр-программа, анализ	Предмет	Cu	Pb	Ag	Bi	Zn	Sn	As	Au
1982 46,27	Дирхем Исмаила ибн Ахмеда 900/901 г.	2,0	0,5	97	0,25	0,2	0,01	—	0,22
1982 46,20	Дирхем Наср ибн Ахмеда 914/932 гг.	3,5	1,4	94	0,01	0,03	0,05	0,005	0,56
1982 46,55	Тигель из Жерновца	45	0,4	50	0,35	0,4	0,6	0,1	0,09
1982 46,65	Тигель из Переверзево	2,5	0,18	92	0,6	—	0,01	0,03	0,1
1982 46,65	Височное кольцо из Горналя	60	1,4	37	1,0	0,2	0,5	0,08	0,05
1982 46,6	Височное кольцо из Горналя	65	1,3	32	0,7	0,1	0,2	0,16	0,08
1982 46,9	Браслет из Горналя	45	0,4	53	1,1	—	0,01	0,07	0,07
1982 46,7	Браслет из Горналя	45	0,09	53	1,6	0,02	0,08	0,08	0,08
1983 107,5	Дирхем из Горбова	0,2	1,4	97	1	—	0,005		0,14
1983 107,4	Браслет из Горбова	46	0,6	45	0,02	0,6	8,0	0,1	0,1
1983 4,89	Бляшка из Шестовиц, курган 110	46	1,5	46	1,5	3,0	0,7	0,035	1,0
1983, 4,90	Бляшка из Шестовиц, курган 110	60	0,4	28	0,6	9,0	0,2	0,04	1,5
1983 52,16	Височное кольцо лучевого из Выползово	62	1,8	30	0,4	4,5	1,2	0,1	0,08
1983 52,17	Височное кольцо вольнского типа из Выползово	39	1,6	51	0,6	4,5	3,4	0,04	0,12

ского II городища указывает на идентичный состав и доказывает использование дирхемов в качестве сырья для украшений (таблица). Важно то, что городища со следами ювелирного ремесла являлись более или менее крупными племенными центрами⁶. На исследованном А. А. Узяновым поселении у с. Жерновец анализ сплава из тигля показывает пониженное в сравнении с дирхемами содержание серебра — 50 %, меди — 45 %⁷. Подобное соотношение между серебром и медью в украшениях из постройки Горнального I городища — семилопастных височных кольцах почти совпадает с металлом браслетов с расширяющимися концами (рис. 1, 2).

Приведенные факты убеждают нас в том, что в Чернигове и его округе куфические монеты широко использовались в качестве ювелирного сырья для производства «племенных» украшений для «старост» и «городских» — для княжеско-дружинной

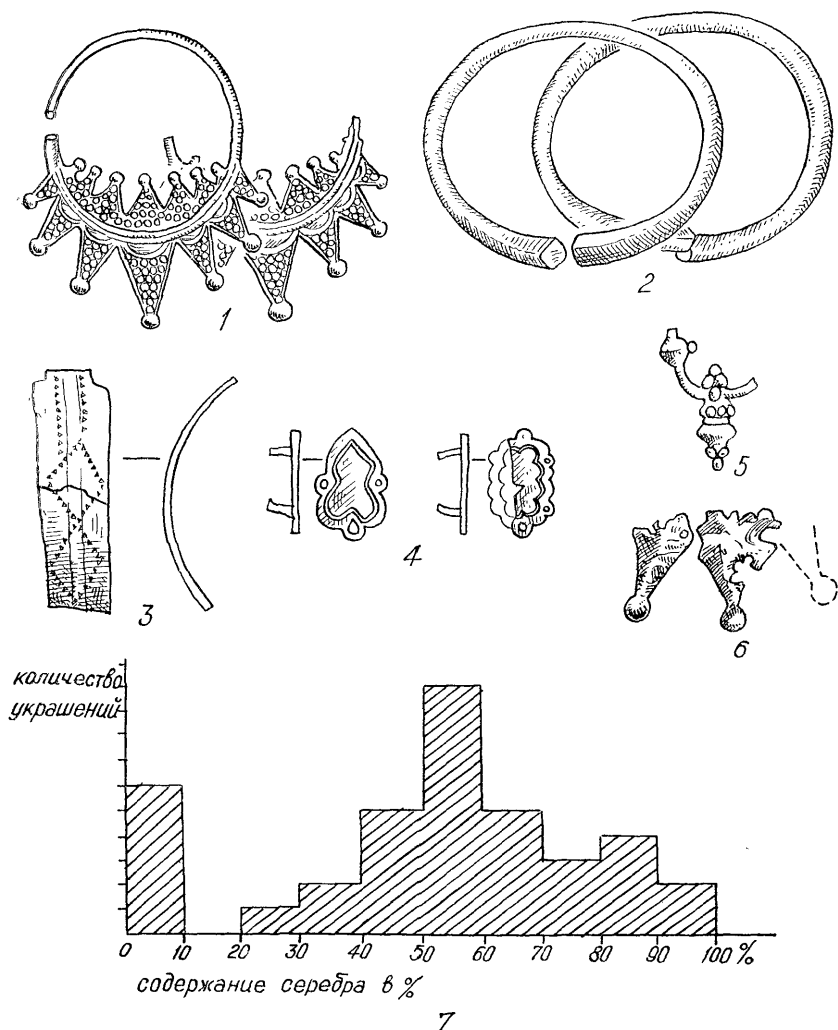

Рис. 1. Серебряные украшения Чернигово-Северских земель X в.:
 1 — Горналь, височные кольца; 2 — Горналь, браслеты; 3 — Горбово, браслет, раскопки А. В. Григорьева 1982 г.; 4 — Шестовицы, наременная бляшка, курган 110 (по Д. И. Блифельду); 5 — Выползово, височное кольцо «волинского» типа, Остерский музей; 6 — Выползово, височное кольцо лучевое, литейный брак из Остерского музея; 7 — содержание серебра в украшениях из Липового (1981—1982 гг.)

верхушки. Дружинные поясные наборы из серебра также демонстрируют связь с местной традицией. Так, бляшки из кургана № 110 Шестовицкого могильника близки по составу северянским украшениям (рис. 1, 3). Другим примером служат находки литейного брака с городища Выползово (летописная Лутава), где отливались височные кольца «волынского» типа и северянские или радимичские семилучевые по рецептуре «племенных» ювелиров (рис. 1, 4, 5).

Соответствия между типами украшений и химическим составом сплавов свидетельствуют, что Чернигов и его округа входили в зону обслуживания княжеской дружины во время ежегодных полюдий первых киевских князей, где формировались все особенности древнейшей школы художественной металлообработки⁸. Изделия мастерских этой школы демонстрируют связь со среднеазиатским ремеслом и наиболее отчетливо проявляют свои особенности в серии листовидных конских блях из курганов Чернигова, Шестовицы. За исключением единичных находок в Киеве и Гнездове, эта серия украшений отличается стилистическим своеобразием и не имеет прямых аналогий на сопредельных территориях. Подобным образом и территория Великой Моравии ограничивает массовые находки изделий великоморавского ювелирного ремесла.

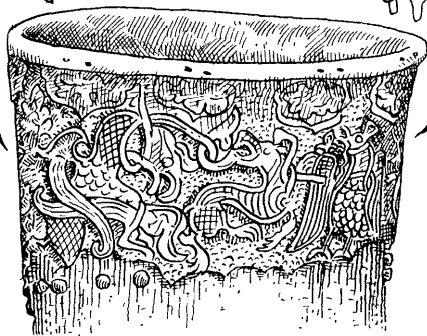
Массовость украшений данного региона Восточной Европы с характерными мотивами цветков на пунсонном фоне, штрихованными частями лепестков, стеблей служит весомым аргументом в пользу местного происхождения оковок ритонов из Черной Могилы. Но технико-стилистические особенности ритонов не являлись решающим аргументом в пользу их местного, венгерского или скандинавского⁹ происхождения. Действительно, композиция большого ритона в отличие от растительных мотивов малого включает изображения фантастических существ и людей, аналогии которым подыскать трудно. Иконография отдельных образов указывает на разные источники заимствования: ближневосточные (грифоны), скандинавские (волки или гепарды, плетение), венгерские (грифоны в сопоставлении с грифонами на ташке из Бездеда, ташке из ст. Веселовской).

Данное обстоятельство рассматривается исследователями как свидетельство «гибридного» характера художественной культуры Руси X в. Методически верным является отношение к торевтике молодых государств средневековой Европы, сформулированное Б. И. Маршаком: «...более или менее случайно отобранные... мотивы многократно тиражировались и приобретали своего рода геральдическое значение, переосмысляясь как отличительные признаки возникающей государственной культуры. Вскоре подражаний становится меньше, а на базе отобранных мотивов начинается самостоятельное развитие»¹⁰.

Своеобразная «растворенность» значения изображений на оковке большого ритона в культурном контексте делает невозможным понимание семантики как композиции в целом, так и ритонов в обряде (тризне) только на основании их собственных формальных особенностей. Нет сомнения, что сюжет оковки ритона адекватно отражает соответствующий жанр фольклорного или литературного повествования, которое разворачивается как проявление мифологического или эпического мироощущения. Следовательно, изображения на оковке как иллюстрации текста должны рассматриваться как следствие целостной системы представлений, реконструируемых на основании внешних по отношению к ним источников.

Назначение ритона как ритуального сосуда, использовавшегося в тризне или других обрядах, исключает «случайное» копирование восточных образцов, как считал Н. П. Кондаков, так как в социальном сознании эпохи «индивидуальное» поглощалось «типичным». При анализе сюжета необходимо учитывать все образы, тогда зеркально-симметричные чудовища-грифоны, сросшиеся в цветок хвостами, воспринимаются как центральный образ, как «идейно-семантический фокус композиции»¹¹. Не менее важно учитывать пространственно-временную организацию памятника — размещение грифонов и человеческих фигур друг против друга. Объединенные в одно целое нераздельное мироздание противоположности раскрывают смысл композиции в целом: структурно организованный космос (сравните горизонтальную структуру православного храма с двумя космическими пределами: алтарь и западный вход). Грифоны — традиционные спутники божества или обожествленного властителя (наруч из клада 1903 г. в Михайловском монастыре, на венце Сахновки, на колтах из древнерусских кладов, на своде Северной башни Софии Киевской). Чаще всего грифоны выступают в качестве спутников солнечного божества, функцию которого в славянском языческом пантеоне выполнял Дажьбог. В подобном контексте образы волков (барсов, гепардов?) можно связать с Перуном, а в скандинавской мифологии — с Одином. Связь стрел и петуха со славянскими жертвоприношениями отмечена Константином Багрянородным и Львом Дякону¹².

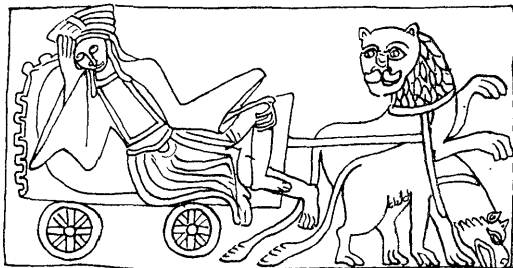
Обратимся к человеческим персонажам, завитая борода одного из которых вовсе не свидетельствует в пользу этнического признака древних венгров, как полагал Д. Ласло. В Каспийском своде сведений о Восточной Европе помещен текст о русах, реконструируемый Б. Н. Заходером: «Среди них те, кто бреет бороду, и те, кто завивает ее, и те, кто закручивают ее»¹³. В руках они держат сложносоставные луки «сасанидского» типа — инсигнация власти в иранской традиции, а также атрибу-

3

4

5

ты (вместе со стрелами и колчаном) греческого Аполлона (рис. 2, 2). У скифов лук и стрелы — атрибуты культурного героя-первопредка «Солнце-царя» Колокса¹⁴. Отметим, что у восточных славян «Солнце-цесарь» — это сохранившийся от дохристианских представлений Дажьбог. Его и Сварога славянский перевод хроники Малалы и вставка из него в древнерусскую летопись (1114 г.) представляют в качестве культурных героев, родоначальников древнерусских князей. При этих первых славянских «царях» возникло государственное налогообложение (дань), и были упорядочены отношения между полями. Б. А. Рыбаков полагает, что более позднее отражение этих представлений — цикл кузьмо-демяновских легенд¹⁵.

Согласно «Слово о полку Игореве», славянские князья — «внуки Дажьбога», Потомки «Солнце-бога» — и сами названы «солнцами», что исследователями обычно трактуется как метафора, но, скорее, служило наивно-реалистическим понятием древнерусского мировосприятия XII в.: «Тогда при Олѣ Гориславличи съяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа-внука...»; «Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука...», «...хотять прикрыти 4 солнца», «Солнце свѣтитесь на небесѣ — Игорь князь въ Русской земли, Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи»¹⁶. Не совсем понятная последняя фраза может быть истолкована как буквальное описание восхода Солнца-князя Игоря, когда его первые лучи освещают киевские холмы, а затем, опускаясь ниже, — церковь на Подоле.

В тексте «Слова» идея осмысленного порядка оказывается тесно связанной с символом «града» Киева и церковью «Богородицы Пирогощи». Данный символ раскрывался путем противопоставления «града» и «церкви» силам мирового хаоса «въ полѣ безводнѣ», что подтверждается надписью на конхе Софии Киевской¹⁷. Правильное словосочетание «Пирогощая» означает «огнемгорящая». Здесь торжество порядка достигается тесной связью языческих и христианских символов, связанных со светом, солнцем, огнем. Следовательно, и в заключительной «метафоре», использованной автором «Слова», как и во всем произведении, применено понятие, близкое славянским языческим представлениям: князь-солнце едет навстречу «огнемгорящей» церкви.

Рис. 2. Сюжеты древнерусского искусства X—XI вв.

- 1 — Черная Могила, большой ритон, «грифы»; 2 — Черная Могила, большой ритон, человеческие образы; 3 — Сахновка, княжеский венец, прорисовка головы «Александра»; 4 — Киево-Печерская Лавра, рельеф «Геракл»; 5 — Киево-Печерская Лавра, рельеф «Дионис».

Из восточных источников мы знаем титул славянского великого князя: ...глава глав именуется Свет (Свят ?) — царь, (Ибн-Русте), старшего главу их называют Свет (Свят ?) — царь (Гардизи)¹⁸. Восприятие представителей княжеской династии как потомков «Солнце царь, сын Сварогов, еще есть Дажьбог» объясняет знак «солнечного колеса» на княжеской подвеске (верительном знаке) Ярослава Владимировича из кургана под Старой Ладогой¹⁹. С этими представлениями связана взаимовстречаемость и взаимозаменяемость знаков рюриковичей и солярных знаков на дрогичинских пломбах, клеймах на керамике, начиная с древнейшего — двузубца Святослава Игоревича на костяном кружке из Белой Вежи. Возможно, популярностью солярного Божества в княжеской среде объясняется отсутствие языческого бога Дажьбога в тексте известного апокрифа «Хождение богородицы по мукам».

Путем включения божественных предков религиозное космологическое содержание сюжета приобретает социальный характер, поскольку указывает на божественное происхождение княжеской династии, а следовательно, и социальных институтов государств. Создавая образ неразделимого мироздания, мастер оковки особо выделил космологические функции княжеской власти, ее сакральную основу, мифические времена «начала» мироустройства, особую роль атрибутов власти — лука и стрел.

Анализируя сюжет оковки большого ритона из Черной Могилы и рассматривая собственно славянские идеологические представления, мы вправе ожидать, что на более высоких уровнях семантического анализа изображения на оковках могут быть реконструированы на индоевропейском, универсально-мифологическом и других уровнях. При этом возникает трудность в разграничении того, как особенности мировоззрения восточных славян можно предполагать у других этнических групп Восточной Европы, а какие отражают специфику славянского мировосприятия.

Так, борьба славянских мифических царей с чудовищами с целью уничтожения хтоничности, водворения порядка, гармонии, добывания инсигний власти находит соответствия у древних греков и китайцев, которые, как и славяне, верили в реальность мифических царей²⁰. Китайский царь-охотник, бог-охотник, добывающий Солнце, как и греческий Аполлон, бог света и охоты, семантически близки герою праславянского фольклорного сюжета «юнак обгоняет Солнце»²¹. Подобно волку, спутнику Аполлона, князь Всеслав в «Слове о полку Игореве» «...вълкомъ рискаше... великому Хърсови вълкомъ путь прерискаше:..» Лук и стрелы — атрибуты человеческих персонажей оковки ритона находят параллели в иранской традиции (в частности у скиф-

ского Колоксяя) как инсигнации власти²². Позднее, в XIII — XIV вв. лук и стрелы, вполне возможно, как атрибуты языческих богов выступают атрибутами сатаны, что и отразилось на иконе «Сосшествие в ад» из собрания ГИМа²³.

Указанная выше возможность разных уровней семантического анализа заставляет исследователей колебаться в отношении фольклорно-литературных источников сцены на ритоне. А. В. Чернецов связывает ее как со славянской языческой мифологией, в пользу чего говорит мотив возвращающейся стрелы, так и с гибелью богов, соотносимой с текстом «Проризания Вельвы»²⁴. Из-за сложности поиска изобразительных источников для сцены на ритоне в памятниках IX — X вв. более перспективным представляется поиск «светских» сюжетов, отражающих «языческое» прошлое или мировосприятие в древнерусском искусстве XI — XIII вв. Соответствие между сюжетами, подчинение их одной общей теме — героическому прошлому славянских князей — устроителей социальных институтов государства — явилось бы самым надежным критерием семантики ритона из Черной Могилы.

Обратимся к двум известным пироксилитовым рельефам из Киево-Печерской Лавры: 1) единоборство Геракла с Немейским львом, 2) Дионис в прямоугольной повозке, запряженной львом и львицей²⁵. Очевидно, что светская тематика композиций утверждает идею могущества киевского князя. Геракла — победителя льва — и в Византии сравнивали с императорами (рис. 2, 3). Дионис увенчан короной (венцом). Это свидетельствует о стремлении создать монументальный героико-эпический образ, олицетворяющий триумф властителя. Венец на Дионисе вводит рельефы в круг памятников, изображающих властителей с царскими регалиями (рис. 2, 4). Среди них наибольший интерес вызывает сцена вознесения Александра Македонского на золотом венце из Сахновки (первая половина XII в.). Греческая иконография претерпела значительные изменения: необычного вида корона (рис. 2, 3), отличающаяся от византийских и древнерусских образцов (венце Константина Мономаха, венце Александра на чаше из Инсбрука, венце императора Феодосия из Кирилловской церкви в Киеве)²⁶. На венце вместо древков с приманкой в руках Александра булавы или скипетры (рис. 3, 1). Подобная замена приманок на символ власти произошла на рельефе южного фасада Дмитриевского собора во Владимире, где Александр держит фигурки эмблематических львов. Привлекая иконографию со сценой вознесения Александра на медальоне из ризницы св. Марка в Венеции, можно интерпретировать человеческие головки на древнерусских колтах из киевских кладов 1876 и 1949 г. как изображение царской головы в венце²⁷ (рис. 3, 2).

Рис. 3. Сюжеты древнерусского искусства XII—XIII вв.:

1 — Сахновка, княжеский венец, сцена «вознесение Александра»; 2 — Кисв, колт из клада 1876 г. с изображением головы Александра; 3 — городище в Хмельницкой обл., наруч. сцена «пира»; 4 — городище в Хмельницкой обл., наруч. сцена «борьбы героя»

Идея использования светской иконографии Александра для создания героических образов славянских князей, их обожествленных предков могла опираться на легенды о происхождении князей Руси и их регалий. В XIV—XV вв., согласно легендарно-политическим сказаниям, русские князья получили регалии власти через Рюрика от потомков Августа, предками которого

были Птоломея²⁸. Удивительно совпадают некоторые эпизоды биографии первого достоверного князя Руси — Олега и Александра по отношению к язычеству. По «Роману об Александре» Псевдо-Калисфена, Александр — сын египетского царя и искусного мага Нектанеба, по Древнейшему своду Олег — князь по прозвищу «вещий» (синоним «волхва», «кудесника»). Нестор включил в летопись рассказ о волхве, предсказавшем Олегу смерть, а в «Романе об Александре» Филипп призывает Антифона, «сказателя знаменіемь», который предрекает судьбу и смерть в молодости²⁹. Из намека Нестора на «знаменія» можно заключить, что и в его время могила Олега была языческим культовым местом.

Для семантики «светских» сюжетов на киевских рельефах, на венце из Сахновки, на ритоне из Черной Могилы наиболее важно наблюдение В. Л. Комаровича: «...авторы древнерусских летописных сводов неукоснительно излагали не единственный в те времена взгляд на языческих богов как на обожествленных предков»³⁰. Такой евгемеризм можно объяснить только сохраняющимися и наиболее живучими представлениями о сакральной природе княжеской власти.

Вполне вероятно, что сцены на обруче из с. Городище Хмельницкой обл. (клад 1971 г.) иллюстрируют эпическое повествование о деяниях первых славянских князей или их обожествленных предков. На одной створке — сцена пиршества, происходящая в интерьере, арочная композиция которого, как и тронная сцена, выражает идею космического порядка. Человеческие персонажи в длинных княжеских одеяниях с регалиями власти: рогом, жезлом (?) и предметом, напоминающим лук (рис. 3, 3). На другой створке — сцена борьбы героя со зверем — волком или гепардом (рис. 3, 4). Отметим, что часть вещей из клада черниговского происхождения³¹, а, согласно летописи, дарителями пардусов (гепардов) обычно выступают черниговские князья³². Противником героя мог быть зверь «княжеского» ранга: в ПВЛ под 964 г. Святослав Игоревич «лгъгько ходя аки пардусь».

Семантика сюжетов на обруче позволяет рассматривать изображения скоморохов на других обручах как образы княжеских певцов — «хотей», подобно упомянутым в «Слове о полку Игореве» Бояну и Ходыне³³. Они — божественные певцы, «внуки» Велеса, как их называет автор «Слова», но в отличие от Анта скомороха и царя Давида³⁴ направляя свою творческую фантазию на княжеские «славы» с ориентацией на образы языческого прошлого. За прошедшие между созданием оковок ритона и обручами два-три века иконография обожествленных предков славянских князей, возможно, Дажьбога и Сварога, претерпела значительные изменения, отражая развитие новых

эпических концепций в искусстве. Но не изменился генеологический принцип оценки истории и действительности, так ярко проявивший себя в «Слове о полку Игореве», и наиболее «очеловеченные» образы языческих предков получили новое этическое переосмысление, сохраняя значение культурных героев — миростроителей, поддерживая представления о законности княжеской власти и ее певцах — скоморохах.

В заключение отметим, что славянские представления об институте княжеской власти, включая ее атрибуты, исходя из иконографии оковки большого ритона из Черной Могилы, близки иранским. Возможно, данный факт можно объяснить предполагаемой рядом исследователей славянизацией групп ираноязычного населения, от которого и происходит этноним «Русь», локализуемый (как и «Русская земля») на территории древней Черниговщины.

¹ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации. Описание и каталог коллекции древностей проф. Д. Я. Самоквасова.— Варшава, 1892.— С. 100.

² *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства.— Спб., 1897.— Вып. 5.— 168; *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА.— 1949.— № 11.— С. 7—99.

³ *Орлов Р. С.* Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X—XI вв. // Культура и искусство средневекового города.— М., 1984.— С. 32—52.

⁴ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1956.— С. 86; *Кропоткин В. В.* О топографии кладов кувшиных монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне.— М., 1978.

⁵ *Фомин А. В.* «Сновская тысяча» по нумизматическим данным в X в. Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа IX—XIII вв.».— Чернигов, 1985.— С. 37—39.

⁶ *Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города.— М., 1981.— С. 6—39.

⁷ *Узянов А. А.* Городище и селище X в. на р. Тускарь // АО 1981 г.— М., 1983.— С. 94.

⁸ *Орлов Р. С.* Указ. соч.— С. 39.

⁹ *Lászlo G.* Steppenvölkhen und Germanen Kunst der Völkherwardungszeit.— Berlin, 1975.— 154 С. *Свириц А. Н.* Ювелирное искусство Древней Руси XI—XVII вв.— М., 1972.— С. 188.

¹⁰ *Маршак Б. И.* Серебряные сосуды X—XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. II Всесоюз. конф. Доклады.— М., 1976.— С. 148—173.

¹¹ *Лелеков Л. А.* История некоторых сюжетов древнерусского искусства // Художественное наследие.— 1981.— № 7 (37).— С. 213—224.

¹² *Дуйчев И. С.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси.— М., 1976.— С. 31—34.

¹³ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе.— М., 1967.— Т. 2.— С. 212.

¹⁴ *Раевский Д. С.* Эллинические боги в Скифии (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ.— 1980.— № 1.— С. 49—71.

¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян.— М., 1981.— С. 608.

¹⁶ *Слово о полку Игореве.* Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитрова.— Л., 1967.— С. 540.

¹⁷ *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.— М., 1972.— С. 25—49.

¹⁸ *Заходер Б. Н.* Указ. соч.— С. 119.

¹⁹ *Петренко В. П.* Раскопки сопки в уроч. Победище близ Старой Ладogi // КСИА АН СССР.— 1977.— № 150.— С. 55—62.

²⁰ *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии.— М., 1984.— С. 248.

²¹ *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции.— М., 1974.— С. 264.

²² *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен.— М., 1977.— С. 216.

²³ *Овчинникова Е. С.* Икона «Сошествие в ад» из собрания Государственного Исторического музея в Москве // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова.— М., 1968.— С. 139—156.

²⁴ *Чернецов А. В.* Иллюстрации к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // ТОДРЛ.— 1985.— № 38.— С. 231—240; *Чернецов А. В.* К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.— Чернигов, 1985.— С. 55—58.

²⁵ *Даркевич В. П.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 410—419.

²⁶ *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии.— М., 1975.— С. 352; *Блиндерова Н. В.* Житие Кирилла и Афанасия Александрийских в росписях Кирилловской церкви Киева // Древнерусское искусство.— М., 1980.— С. 52—60.

²⁷ *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси.— М., 1979.— С. 136.

²⁸ *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ.— 1976.— № 30.— С. 204—216.

²⁹ *Полное собрание русских летописей.* Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г.— Спб., 1911.— С. 570.

³⁰ *Комарович В. Л.* Культ Рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ.— 1960.— № 16. С. 84—104.

³¹ *Якубовский В. I.* Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької обл. // Археологія.— 1975.— № 16.— С. 87—104.

³² *Гиришберг В. Б.* «Козьльрогъ» В Изборнике Святослава 1073 г. // Древнерусское искусство. Рукописная книга.— М., 1972.— С. 81—89.

³³ *Лихачев Д. С.* Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ.— 1985.— № 38.— С. 503—505.

³⁴ *Бетин Л. В.* Композиция на тему повести Об Анте скоморохе в росписи церкви Успения в с. Мелетове // Византия, Южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа.— М., 1973.— С. 333—338.

А. П. Толочко

ЧЕРНИГОВСКАЯ «ПЕСНЬ О МСТИСЛАВЕ» В СОСТАВЕ ИСЛАНДСКОЙ САГИ

Факт существования литературных параллелей некоторым известиям «Повести временных лет» в иностранных источниках замечен уже давно. К сожалению, интерпретировался он исследователями не всегда верно. Представители норманской

школы видели в этих параллелях чаще всего доказательство влияния скандинавской литературы (или устных преданий) на русскую. Нет необходимости доказывать некорректность такой методики. Е. А. Рыздзевская, посвятившая этой теме специальное исследование, пришла к выводу, что во многих случаях обнаруживается обратная тенденция: русские предания, позднее отразившиеся в летописи, имели определенное влияние на скандинавскую литературу¹. Наиболее же яркий тому пример — использование в «Саге о Тидреке Бернском», записанной в Норвегии около 1250 г., сюжетов русских былин об Илье Муромце².

Сходное явление обнаруживается и в русском эпизоде «Саги о Бьерне». Но если в приведенном выше случае заимствование скандинавской сагой, а также немецкой поэмой «Ортнит» некоторых сюжетных моментов русских былин не вызывает сомнений, то с «Сагой о Бьерне» дело обстоит сложнее. Русские известия ее настолько туманны, что больше напоминают вымысел, чем отражение каких-либо имевших место в действительности событий. Выяснению исторических реалий, легших в основу «русских» событий саги, и будет посвящена данная работа.

«Сага о Бьерне» — одна из саг об исландцах, основное содержание которой — распря, происходившая в Исландии в X — начале XI в. Вместе с тем в этой саге имеется сюжет, согласно которому Бьерн попадает на Русь и участвует здесь в событиях, причиной которых была междоусобица русских князей. В кратком пересказе этот эпизод саги выглядит следующим образом.

Конунг Вольдимар подвергается нападению своего близкого родственника Кальдимара, который несколько младше Вольдимара и имеет равные права на княжество, тем не менее ему не доставшееся. Обделенный, Кальдимар одно время занимается набегами и грабежами, а затем идет войной на Вольдимара и, будучи, по выражению саги, «величайшим воином, умелым в борьбе и очень смелым», отказывается от предложения взять половину княжества. Он предлагает поединок, в котором победитель получает все: «...витязь тот (Кальдимар.— А. Т.) согласился с тем условием, что он возьмет то княжество, если он одолеет того человека, а если витязь тот падет, то конунг (Вольдимар.— А. Т.) будет владеть своим княжеством, как и раньше»³. Сражаться с Кальдимаром вызывается Бьерн и побеждает.

Этот отрывок саги привлек внимание немногих исследователей, но и они по-разному подходили к вопросу об исторических событиях, отраженных в нем. Сходство их подхода ограничивалось констатацией того факта, что сага в этом месте

в искаженном виде передает какие-то действительные события русской истории. Ф. А. Браун наиболее вероятным считал влияние на сагу предания о поединке русского юноши и печенега под Переяславлем (оно помещено в «Повести временных лет» под 992 г.) и предания о единоборстве Мстислава с касожским князем Редедей. Этот исследователь исходил только из мотива поединка, но допускал и возможное влияние сведений о борьбе Владимира и Ярополка⁴. Близкой точки зрения придерживался и Х. де Боор⁵.

По иному решала проблему Е. А. Рыдзевская. Она исходила не столько из мотива поединка, сколько из темы борьбы за власть между русскими князьями-братьями. Рассматриваемый эпизод саги представлялся ей «не прямым и непосредственным отражением какого-нибудь одного исторического события, а результатом совместного влияния на скандинавское предание» нескольких случаев борьбы за власть между русскими князьями⁶.

В древнерусской истории конца X — начала XI в. случаи борьбы между братьями за главенство в державе не редкость. Это Владимир и Ярополк в 980 г., Ярослав и Святополк в 1015—1019 гг. и, наконец, Ярослав и Мстислав в 1024—1026 гг. Какие же сообщения «Повести временных лет» ближе всего к «Саге о Бьерне»?

С темой соперничества Владимира и Ярополка рассматриваемый эпизод саги сближает имя одного из участников событий — Вольдимар — Владимир. Но, пожалуй, этим сходство и ограничивается. Никаких параллелей не только с самим текстом летописи, но и последовательностью событий здесь нет. Вообще относить «русские» события саги ко времени Владимира рискованно: само имя его использовано для придания достоверности повествованию, так как это наиболее популярный в скандинавской литературе князь, а имя «Кальдимар» употреблено для создания «русского» колорита. Одним словом, имена — не более чем маски. Ничего не дает в этом плане и хронология саги: пребывание Бьерна на Руси имело место в 1008—1010 гг.,⁷ а это, во-первых, мирное для Руси время, а во-вторых, оно отстоит от усабиц владимирового времени на 30 лет.

События, последовавшие за смертью Владимира (распря Ярослава и Святополка), еще меньше схожи с описанными сагой. Отвергла Е. А. Рыдзевская и соперничество Ярослава и Мстислава как возможную сюжетную канву «Саги о Бьерне».

Что же касается упоминавшейся уже легенды о победе юного кожемяки над печенегом, которую с нашим случаем сближает только мотив единоборства, то это лишь еще одно доказательство популярности и распространенности подобных сюжетов в средневековой литературе.

Таким образом, предложенный Е. А. Рыдзевской метод исследования проблемы не приносит ожидаемых результатов и оставляет вопрос практически открытым. Между тем проблема представляется разрешимой, если подойти к ней с несколько иных позиций. Прежде всего следует оговориться, что критерием для оценки и интерпретации сюжета такие черты, как факт соперничества двух князей и мотив единоборства, служить не могут, так как они общи, неконкретны и часто встречаются в русской истории того времени. «Лакмусовой бумажкой» должны служить мелочи, но мелочи, характерные настолько, чтобы, сохранившись в тексте саги, напоминали бы (разумеется, в сильно переработанном виде) аналогичные детали древнерусского текста.

В этом плане необходимо обратиться к упомянутому уже случаю убоиц русских князей середины 20-х годов XI в., который был решительно, хотя и без должной аргументации, отвергнут Е. А. Рыдзевской. Главные фигуры этих событий — Ярослав и Мстислав Владимировичи. Причем следует отметить, что в отличие от предыдущих исследователей мы будем рассматривать все события, происшедшие между 1022 и 1026 гг., а не один какой-либо произвольно выбранный их мотив.

Вот в каком порядке описывает эти события «Повесть временных лет». В 1022 г. Ярослав, уже утвердившийся на великокняжеском столе, предпринимает поход на Берестье. В это же время Мстислав, находящийся в Тмутаракани, «поиде на касогы»⁸. Перед решающей битвой касожский князь Редедя предлагает Мстиславу, во избежание кровопролития, поединок, исход которого мог бы решить участь одного из противников. Победителем из единоборства выходит Мстислав. Под следующим, 1023 г. читаем: «Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы»⁹.

Затем Мстислав, воспользовавшись, очевидно, отсутствием брата в южной Руси, «приде... ис Тьмутороканя Къеву»¹⁰, но киевляне не впустили его в город, и он шел за лучшее, не добиваясь великокняжеского стола, закрепиться в соседнем Чернигове. Отвлеченный на некоторое время восстанием в Суздале, Ярослав не сразу смог должным образом отреагировать на происшедшее. Однако, вернувшись в Новгород, он нанимает варяжский отряд под предводительством некоего Якуна и «иде... съ Якуномъ на Мьстислава»¹¹. Решительное столкновение между братьями (Лиственская битва) оканчивается сокрушительным поражением старшего из них, Ярослава. Он бежит в Новгород, Якун — еще дальше — «за море».

Тем не менее победитель не имел намерений воспользоваться плодами своей победы. Буквально с поля битвы Мстислав посылает своих людей к Ярославу, «глаголя»: «Сяди в своемь

Киевъ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона» (Днепра.— А. Т.)¹².

Что происходило в следующем, 1025 г. не известно, он пропущен в летописи. Только через год после Лиственской битвы, в 1026 г., Ярослав решил «створить мир», который и был заключен под Киевом, «у Городця», на следующих условиях: Русская земля делилась по Днепру, «Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону»¹³.

Уже из приведенного краткого пересказа летописных свидетельств становится очевидной общая композиционная близость текста «Повести временных лет» и «Саги о Бьерне». Первое, что бросается в глаза, это присутствие в древнерусском тексте двух основных мотивов, выделяемых исследователями для «русских» эпизодов скандинавской саги: мотива поединка и мотива соперничества двух братьев-князей. Во всей летописи при описании всех других княжеских усобиц такого уникального случая нет.

Сходство между сагой и летописью обнаруживается еще больше, если обратиться к их детальному сопоставлению, сличению наиболее характерных моментов обоих сюжетов. При этом следует учитывать, что русские эпизоды «Саги о Бьерне» — это не фотографическое отражение текста «Повести временных лет», а переосмысление тех событий, которые легли в основу летописи, причем возможность контаминаций различного рода никоим образом не исключается, наоборот, они закономерны. И еще одно замечание: поскольку в летописи события, касающиеся Мстислава, поданы компактным куском, сравнивать их с сагой следует, не разрывая предания о поединке князя с Редей и описания известного конфликта между Мстиславом и Ярославом.

Начнем с характеристики одного из героев саги, Кальдимара, согласно которой, он «рослый и сильный, близкий родич конунга, величайший воин, умелый в борьбе и очень смелый»¹⁴. Очень похожей характеристикой наделяет русская летопись Мстислава: «Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицом..., храборъ на рати...»¹⁵. Ближе родича Ярославу трудно найти — Мстислав был его родным братом. Ни один князь, предлагавшийся в качестве прототипа Кальдимара — ни Ярополк, ни Святополк совершенно не подходят под приведенную характеристику. Для Ярополка летописец даже не считал нужным столь подробно перечислять достоинства, а Святополк кратко, но настойчиво (пять раз!) характеризуется как «окаянный».

В «Саге о Бьерне» один из участвующих в поединке — князь, да еще и родственник «конунга», то есть (по русской терминологии) великого князя Эта немаловажная деталь уже прямо

указывает на поединок Мстислава и Редеди. Следовательно, только его можно сближать с единоборством Кальдимара и Бьерна.

И в саге, и в «Повести временных лет» поединки между соперниками происходят на совершенно аналогичных условиях, сравним их. Сага: «... витязь тот (Кальдимар.— А. Т.) согласился с тем условием, что он возьмет то княжество, если одолеет того человека, а если витязь тот (Кальдимар.—А. Т.) падет, то конунг (Вольдимар.—А. Т.) будет владеть своим княжеством, как и раньше»¹⁶. «Повесть временных лет»: «Да аще одолѣши ты (Мстислав.— А. Т.), то возмеша имѣ мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ (Редедя.— А. Т.) одолѣю, то възму твое все»¹⁷. Это уже не просто сходство, это почти текстуальная близость.

Приведенные совпадения, находящиеся почти на уровне текстуального сходства, позволяют сделать вывод о том, что в образе Кальдимара переплетены черты двух персонажей русской летописи — Мстислава и Редеди, что привело к появлению в саге темы поединка Кальдимара и Бьерна.

Однако решающим обстоятельством, позволяющим утверждать если не тождество, то, по крайней мере, близость рассматриваемых сюжетов, является предложение разделить государство пополам: «И просил он его (Кальдимара.— А. Т.) прийти с миром и взять половину княжества»¹⁸. Почти то же читаем и в «Повести временных лет»: «... Ты (Ярослав.—А. Т.) еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И далее: «И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ приа сю сторону, а Мъстиславъ ону»¹⁹.

Каким же образом описанное «Повестью временных лет» попало в Скандинавию и отразилось в «Саге о Бьерне»? Пожалуй, возможность знакомства скандинавов с текстом русской летописи следует отвергнуть сразу же. Следовательно, не будет таким уж необоснованным предположение о том, что взаимовлияние произошло на уровне устных преданий, а затем уже было зафиксировано сагой. Но, таким образом, еще до попадания в летопись сцены, связанные с единоборством Мстислава и Редеди, а также с распрей его с Ярославом, должны были существовать в виде устного предания того или иного вида. Возможно, существовала «песнь», «слово» или нечто в этом роде, что описывало события, позднее попавшие в «Повесть временных лет» и помещенные в ней между 6530 (1022) и 6534 (1026) гг.

Существуют ли какие-либо основания помимо логического допущения, позволяющие говорить о включении в русскую летопись какой-то героической «Песни о Мстиславе»? По-видимому, существуют. Все события, связанные с этим князем, даны

в «Повести» компактным блоком, объединенным внутренней логикой развития сюжета и композиционной целостностью. Необычно и благожелательное отношение летописца-киевлянина к тмутараканскому, а затем черниговскому князю и, наоборот, несколько ироническое — к Ярославу.

Но существуют и формальные признаки, выдающие в рассматриваемом отрывке летописи переработанное устное предание. Наиболее характерной в этом плане представляется разбивка на года. Так, между двумя обширными статьями 1022 и 1024 гг. помещена статья 1023 г., содержащая всего одно предложение: «Поиде Мъстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы»²⁰. Статья эта кажется совершенно ненужной, так как далее следует предложение, почти дословно повторяющее предыдущее: «Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мъстиславъ ис Тьмутороканя Киеву...»²¹. Поскольку Мстислав даже из Тмутаракани не мог «идти» целый год, статья 1023 г. выглядит совершенно бессмысленной.

Другой случай. После статьи 1024 г. сразу же следует статья 1026 г. Целый год выпадает из повествования. Возникает закономерный вопрос: откуда такая небрежность, учитывая то, что ни до 1022 г., ни после 1026 г. подобных пропусков нет? Скорее всего, это не небрежность, а вынужденное следование обстоятельствам. Такое построение диктовала использованная песнь: очевидно, в ней отсутствовали события за 1023 и 1025 гг. Для упорядочения хронологии летописец вынужден был вставить статью 1023 г., искусственно «растянув» поход Мстислава на целый год. Статья же 1025 г. пропущена, так как иного источника о распре Ярослава и Мстислава (кроме устного предания) у составителя летописи, возможно, не было, а черпать сведения ему было неоткуда.

Интересно, что эпопея конфронтации Ярослава и Мстислава заканчивается панегириком в их честь. Пожалуй, нигде больше во всей летописи мы не находим подобной величальной: «И начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в землѣ»²². Интонационно эта концовка напоминает окончание «Слова о полку Игореве»: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганяя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!»²³ Провозглашение славы героям в конце песни — это чисто фольклорный прием, для фольклора почти обязательный: как полагают некоторые исследователи, «былевая песня» должна оканчиваться провозглашением славы, должна соединяться с народным величанием. Этот же прием характерен и для былин: даже несмотря на их вековое бытование, он продолжает сохраняться²⁴. Это обстоятельство наводило на мысль о сложении некоторых былин специально для конкретных людей, их героев²⁵. Не имеем ли мы

здесь дело с подобной концовкой героической песни, переработанной летописцем?

Итак, можно говорить о том, что летописец знал или имел перед глазами «Песнь о Мстиславе». Она послужила костяком летописного текста, который строился в соответствии с развитием ее сюжета, роль же автора летописи сводилась, следовательно, к достаточно вольному пересказу событий с одновременной разбивкой на года.

Сохранились ли какие-либо следы существования песни о Мстиславе вне «Повести временных лет»? К сожалению, во всем былевом эпосе мы ничего похожего не находим, и это странно, так как его стремительный марш через всю Русь, победа в Лиственской битве, поставившая под сомнение сам факт великого княжения Ярослава, — это ли не тема для хвalebной песни?

Но проблема не представляется неразрешимой: отголоски песни о Мстиславе сохранились. Их содержит «Слово о полку Игореве». Во вступительной части, полемизируя с Бояпом, автор «Слова» несколькими штрихами описывает его манеру: «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы, помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, и же зарѣза Редедю предъ нѣлкы касожьскими...»²⁶ В этих словах не просто свидетельство бытования песни о Мстиславе, здесь очерчен сюжет ее, причем в том же виде, в каком отражен он и «Повестью временных лет»: здесь есть и единоборство с Редедей, и соперничество с Ярославом.

Безымянный создатель «Слова о полку Игореве» называет даже имя автора песни, воспевающей тмутараканского князя — Боян, знаменитый «песнотворец» середины XI в. Некоторые историки считают, что свою деятельность Боян начинал еще в Тмутаракани, где он был свидетелем поединка Мстислава с Редедей²⁷. Во всяком случае, всю свою жизнь поэт был связан с черниговскими князьями, а возможно, и с самим Черниговом и Тмутараканью, что видно в его творчестве. Первые его песни связаны с Мстиславом, затем следует перерыв, а все последующие — с Святославом Ярославичем и его сыновьями Романом и Олегом. Именно этим критерием и пользовался певец, выбирая героев своих произведений: и Мстислав Владимирович, и Все-слав, и братья Роман и Олег Святославичи — все так или иначе были связаны с далеким русским княжеством: одни правили там, другие скрывались от преследования более удачливых соперников.

Отмеченные особенности творчества Бояна проливают свет на время включения песни о Мстиславе в летопись. В настоящее время существует несколько схем русского летописания. Однако почти все исследователи единодушны в выделении летописного свода 1073 г., составление которого приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Никону. Но ведь его деятельность также связана с Тмутараканью и Святославом Ярославичем.

Вероятнее всего, именно в этом своде под пером автора-тмутараканца в 1073 г. и появилась та версия событий 1022—1026 гг., которая сегодня читается в «Повести временных лет». Основой ее была «Песнь о Мстиславе», авторство которой с большой долей вероятности можно приписать Бояну. Д. С. Лихачев полагал, что именно в это время летопись пополнилась сюжетами, заимствованными из народного эпоса²⁸. Никон вполне мог быть знаком с творчеством Бояна (у них был один патрон — Святослав). Никоновский свод был составлен около 1073 г., то есть тогда, когда покровитель летописца, Святослав, утвердился на Киевском столе. Таким образом, прочерниговская ориентация свода вполне оправдана, оправдано и включение песни о чернигово-тмутараканском князе и его победе над киевлянином Ярославом.

Есть основания думать, что Боян написал свою песнь вскоре после событий «первых времен усобиц», то есть в конце 20-х годов XI в. Некоторые данные наводят на мысль, что она возникла еще при жизни обоих героев: об этом свидетельствует провозглашение славы братьям в конце статьи 1026 г. Как установил С. Н. Азбелев, такая концовка характерна для былин, и в них провозглашение славы в подавляющем большинстве случаев относится к здравствующим героям²⁹. Это обстоятельство позволяет датировать время составления песни 1026 (последнее описанное событие) — 1036 гг. (год смерти Мстислава), но, вероятнее всего, что она была создана сразу же после заключения мира.

Выясненные особенности бытования предания о Мстиславе на протяжении XI в. позволяют вернуться к его скандинавской параллели и по-новому взглянуть на взаимоотношения между двумя памятниками. До сих пор остается открытым вопрос о пути проникновения русского предания в Скандинавию.

Боян, предполагаемый автор Мстиславовой песни, принадлежал ко двору Святослава Ярославича, и именно при этом князе творение Бояна попало в летопись. В то же время «Круг земной» Снорри Стурлусона, рассказывая о детях Ярослава Мудрого, называет только три имени: Вальдамар (Владимир Ярославич), Висивальд (Всеволод Ярославич) и некий Хольти Смелый³⁰. В этом последнем исследователи видели различных лю-

дей³¹, но, пожалуй, из всех сыновей Ярослава более всего под эпитет «Смелый» подходит именно Святослав*. Если это так, то Святослав унаследовал скандинавские традиции семьи (его бабушка Рогнеда и мать Ирина-Ингигерда были варяжскими принцессами) и помимо славянского имел и скандинавское имя — Хольти. Возможно, Святослав культивировал у себя при дворе какие-то норманские обычаи: есть основания считать даже Бояна певцом скальдического типа³². Подобные прецеденты известны в древнерусской истории: Мстислав Владимирович, сын Мономаха, как известно, тоже носил «северное» имя Харальд, и под этим именем его знают скандинавские источники. Дочери Мстислава, видимо, также имели скандинавские имена, под которыми известны в сагах.

Если Святослав действительно не забывал своего скандинавского происхождения и его придворный певец Боян не чужд скальдической поэзии, то становится понятным, почему песнь последнего о Мстиславе проникла в Скандинавию и вошла в одну из саг, причем в таком органическом виде, что не сразу удалось отыскать ее первоисточник.

¹ Рыздзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия. IX—XIV вв. Материалы и исследования.— М., 1978.— С. 159—236.

² Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР.— М., 1978.— С. 192—202.

³ Перевод интересующего нас места саги осуществлен Е. А. Рыздзевской. Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия.— С. 75, 76.

⁴ Braun F. Das historische Rusland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts // Festschrift Eugen Mogk zum 70 Geburtstag.— Halle, 1924.

⁵ Boor H. de. Das Schwert Merig // Zeitschrift für Deutsche Philologie.— 1913.— Bd 45.

⁶ Рыздзевская Е. А. Указ. соч.— С. 225.

⁷ Там же.— С. 224.

⁸ Повесть временных лет.— М.; Л., 1950.— Ч. 1— С. 99.

⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 99.

¹⁰ Там же.— С. 100.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Рыздзевская Е. А. Указ. соч.— С. 75.

¹⁵ ПВЛ.— Ч. 1 — С. 101.

¹⁶ Рыздзевская Е. А. Указ. соч.— С. 75.

¹⁷ ПВЛ.— Ч. 1 — С. 99.

¹⁸ Рыздзевская Е. А.— Указ. соч.— С. 75.

¹⁹ ПВЛ.— Ч. 1.— С. 100.

²⁰ Там же.— С. 99.

²¹ Там же.

* Видимо, такой порядок перечисления имеет основание: Святослав был третьим (не считая рано умершего Ильи) сыном Ярослава.

- ²² Там же.— С. 100.
²³ Памятники литературы Древней Руси. XII век.— М., 1980.— С. 386.
²⁴ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора.— Л., 1982.— С. 243.
²⁵ Плисецкий М. М. Историзм русских былин.— М., 1962.— С. 110.
²⁶ Слово о полку Игореве.— С. 372.
²⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи.— М., 1963.— С. 79.
²⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947.— С. 63—100.
²⁹ Азбелев С. Н. Указ. соч.— С. 243.
³⁰ Снорри Стурлусон. Круг земной.— М., 1980.— С. 235.
³¹ Обзор литературы см.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримональных связях // Скандинавский сборник.— Таллин, 1982.— Т. 22 — С. 107—115.
³² Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...» (К вопросу о поэзии скальдов в «Слове о полку Игореве») // Скандинавский сборник.— Таллин, 1973.— Т. 18.— С. 195—200; Его же. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // Труды отдела древнерусской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).— Л., 1976.— Т. 31.— С. 14—22.

Л. Н. Большаков

МЕТРИЧЕСКАЯ ОСНОВА В ПОСТРОЕНИИ ПЛАНА ЧЕРНИГОВСКОГО СПАССКОГО СОБОРА

В истории средневековой архитектуры одним из важнейших является вопрос о том методе, с помощью которого строители размечали план здания, определяли его габариты и величины отдельных частей. Письменные источники изредка содержат лишь краткие описания закладки храмов. Не сохранилось ни чертежей, ни схем, которые позволили бы сколько-нибудь определенно представить себе основные приемы древнего проектирования*.

Основным материалом для реконструкции метода средневековых мастеров остаются сами постройки. Наибольшую долю в общем числе архитектурных памятников средневековья составляют храмы, именно в них реализованы творческие возможности многих мастеров. В некотором смысле храм представляет собой единство главных составляющих средневековой культуры, а как архитектурное сооружение храм — наиболее сложное и совершенное произведение своего времени. Поэтому неудивительно, что прежде всего в пропорциях храмов исследователи пытаются открыть исходный метод средневековых зод-

* Попытки объяснить как графические архитектурные схемы начертания на кирпичах и камнях — «вавилонь» не приводят к убедительным результатам, как и предположение о значении книжной графики, якобы содержащей в себе нечто от архитектурного чертежа.

чих. Основные усилия были направлены на отыскание геометрической схемы построения, в которой оказались бы связанными все элементы здания. Одна из наиболее ранних схем такого рода — «золотое сечение», к которому периодически возвращаются исследователи вплоть до наших дней, а наряду с ним предлагаются и другие разнообразные системы построения. Здесь нет необходимости рассматривать каждую из теорий геометрического пропорционирования отдельно. Применительно к древнерусской архитектуре капитальным трудом этого направления является книга К. Н. Афанасьева¹, в последующие годы появились некоторые другие варианты². Геометрический анализ пропорций применяется часто и в работах, посвященных другим проблемам истории архитектуры, и становится как бы постоянной характеристикой исследуемого памятника. При этом обычно не объясняются мотивы, по которым выбрана данная геометрическая схема.

Само по себе геометрическое пропорционирование не противоречит задаче исследования архитектуры. Его результаты могут оказаться полезными для понимания архитектурной формы, но это не означает, что геометрическому пропорционированию следует придавать значение профессионального метода древнего зодчего, то есть рассматривать его как прием проектирования или построения архитектурной формы. Против такой интерпретации систем геометрического пропорционирования говорит то, что ни одна из них не связана ни со специфическими идейно-художественными задачами храмового строительства, ни с особенностью научно-технических знаний того времени. Между тем, метод, претендующий на реконструкцию первоначального принципа проектирования, должен если не раскрывать основные факторы средневекового архитектурного творчества, то, по крайней мере, учитывать их. Сама множественность геометрических схем, одинаково приложимых к одному и тому же памятнику архитектуры, доказывает, что ни одна из них не является искомым единственным методом строителей³. Как писал В. П. Зубов, «беда отвлеченного геометризирования не в его отвлеченности. Беда — в неправомерных притязаниях объяснить геометрическими схемами то, что по существу лежит за пределами их возможности. Данные эмпирических обмеров всегда допускают несколько истолкований, и то обстоятельство, что сооружение укладывается в ту или иную геометрическую схему, не доказывает, что оно было построено именно по этой схеме»⁴. Таким образом, за системами геометрического пропорционирования можно оставить лишь роль аналитического метода.

Заслуживают внимания попытки связать архитектурный метод средневековья с современными ему научными знаниями, то есть отказаться от абстрактного геометризирования и искать

инженерные методы, восстановить конструктивное мышление древних зодчих⁵. При этом подразумевается, что механика как наука развивалась еще в античную эпоху, и достижения ее могли лежать в основе архитектурных методов. Однако одни и те же термины имеют разное значение в научном языке нового времени и древности⁶, например, «механика», «конструирование» и др. Если в современном значении механика — это наука об объективных законах движения и равновесия тел, то в терминологии средневековья — это знание о всевозможных приемах, которыми преодолеваются обычные свойства вещей и достигаются неожиданные эффекты (греческое слово «меканикос» переводилось русским «хитрец», что соответствует латинскому «ингениум» — остроумная выдумка). Знание, которое в XVII в. и позднее формирует научный метод, в более раннюю эпоху передавалось как свод рецептов, так как знать — означало уметь⁷. Хорошее знание понималось как способность в совершенстве что-либо исполнить. Об Апфимии из Тралл, зодчем Софии Константинопольской, Прокопий Кесарийский пишет: «...в искусстве так называемой механики самый знаменитый»⁸. Древние мастера в простых и логичных конструктивных решениях, иногда очень смелых, обнаруживали понимание основных закономерностей статики и умели подчинить им свои профессиональные методы. В этой связи следует заметить, что современные исследования в области истории науки и средневековой культуры не учитываются, к сожалению, в некоторых реконструкциях древних архитектурных методов. Так, например, в работах А. А. Пилецкого по некоторым пунктам даются верные послышки: о невозможности осуществить геометрическое пропорционирование в реальных условиях строительства, о целочисленности всех основных размеров. Однако эти предположения топлены в массе некритически принятых данных по метрологии, так что приведение мер к строгому математическому ряду оказывается произвольным. С нарушением методической логики связаны обычно исторические натяжки и произвольные сопоставления: А. А. Пилецкий по признаку сходства размеров объединяет явления совершенно различных культурных эпох, прибавляя к этому слишком прямолинейные социологические сопоставления.

Мы исходим из предположения, что метод средневекового архитектора по форме выражения соответствовал другим ремесленным методам, то есть мог быть кратко и однозначно передан. Такому требованию не отвечает геометрическое пропорционирование, так как оно необходимо требует предварительного точного чертежа. Между тем, те средневековые архитектурные чертежи, которые известны, даже наиболее подробные (Виллара д'Оннекура) имеют характер ремесленных рецептов. Они

воспроизводят практические приемы для построения отдельных деталей, но не изображают структуру зданий в целом ¹⁰. Пропорциональные схемы готических соборов относятся к эпохе Ренессанса и доказывают, что творчество мастеров другой культурной эпохи, хотя и не слишком отдаленной хронологически, не оставило о себе определенных свидетельств в виде чертежей или технических описаний и уже тогда требовало специального анализа. Итак, приемы древнего зодчего попытаемся представить себе как процедуру, которая, с одной стороны, дает последовательность возведения целого, а с другой — позволяет выполнить отдельные части, соединимые с целым.

История строительства готических соборов показывает, сколь долгим и многоэтапным мог быть процесс строительства. Геометрическое пропорционирование исключает такую возможность, так как требует постоянного соотношения каждого элемента с другим по подробному чертежу.

Поставленную задачу помогают решить греческие и древнерусские письменные источники (поэма Константина Родия) ¹¹, описание закладки церкви всех Апостолов у Прокопия Кесарийского ¹², описание закладки храма Симеоном Фессалоникийским ¹³, сообщение о строительстве Великой лаврской церкви в Киево-Печерском патерике ¹⁴. В них содержатся описания закладки храмов, относящиеся к разным временам и на разных территориях, но одинаковые по схеме. Ее можно воспроизвести следующим образом: строительство начинается с выбора места престола, через которое проводится осевая линия на восход солнца, затем определяется положение внешних углов здания, то есть задаются его габариты, прочерчиваются линии стен, вслед за этим намечается подкупольный прямоугольник и, наконец, отдельные детали плана.

Легче всего такая схема разбивки плана может быть выражена тем, что как общим очертаниям, так и каждому компартименту задан целочисленный размер в определенной единице измерения. Мера длины оказывается в этом случае модулем, а первой задачей — обнаружение этой меры из размеров постройки.

Существуют работы, в которых применена модульная система для объяснения пропорций средневековой монументальной архитектуры. Так, в анализе плана Троицкой церкви Свято-Троицкой Сергиевой лавры, который проделан В. И. Балдиным ¹⁵, как и у Л. И. Динолова в анализе многих болгарских памятников ¹⁶ и в некоторых других исследованиях, обнаружена модульная система построения. Она, в соответствии с указанной выше схемой разбивки плана, более логично и просто, чем геометрическая схема, раскрывает процесс формирования здания. В исследованиях В. И. Балдина и Л. И. Динолова выявлено, что

модулем является толщина стен. Изучение византийских памятников показало, что в построении их планов лежит метрическая основа — греческий фут, и, что особенно важно, абсолютная величина фута варьирует в пределах плюс — минус 2 см.

Обмеры памятников архитектуры явились основным источником для уточнения византийской метрической системы, а открытое при этом непостоянство абсолютной величины фута характеризует особенности не только византийской строительной метрологии. Например, величина армянского фута изменчива, что подтверждается массовой математической обработкой обмеров армянских памятников.

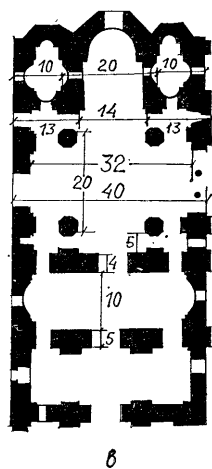
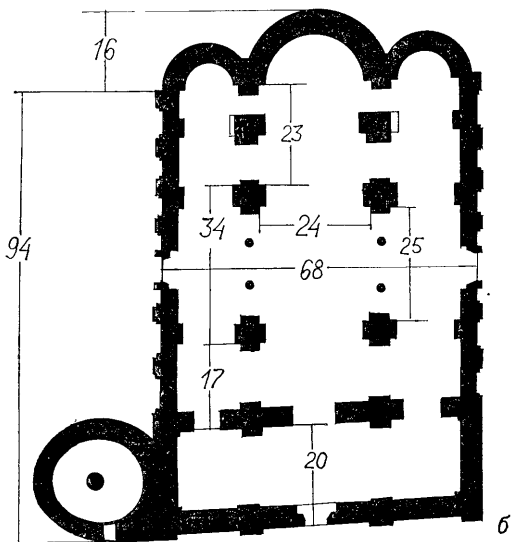
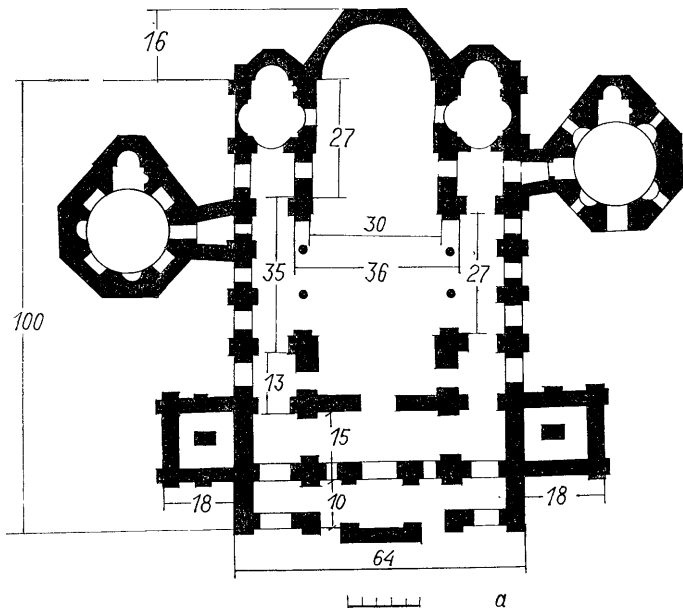
Подобные выводы сделаны также на материале средневековой архитектуры Восточной Европы.

Попытка определить единицу измерения, примененную строителями, приводит к важным результатам и в изучении древнерусской архитектуры. Нами проделан метрический анализ большого числа памятников русской архитектуры XI—XII вв. по точным обмерам в масштабе 1:50. Анализ основывается на следующих предположениях: размеры по всему объему здания определены одной мерой: в разных памятниках возможно несовпадение по абсолютной величине одной и той же меры.

Нестандартность единицы измерения, по-видимому, обычное явление в архитектурной практике средневековья. Если для торговых операций существовали различные эталоны, принадлежавшие городам или купеческим корпорациям, то в строительстве не было необходимости в строгом повторении меры. Сохраняя свое наименование (локоть, фут и т. п.), мерные палки в разных артелях могли незначительно отличаться.

Единица измерения, свойственная данному памятнику, определяется как общий делитель всех основных размеров, которые выражаются, таким образом, в целых числах. Эта мера оказывается модулем построения не только плана, но и всего объема, так как и основные вертикальные членения всегда равны целому числу мер. Таким образом, разбивка плана, как она воспроизводится в письменных источниках, приобретает конкретное выражение при обнаружении единой меры (модуля) во всех основных размерах.

В настоящей работе приводится метрический анализ двух памятников средневизантийского периода: церкви Христа Всевидящего (Эски-Имярет-Джами) в Константинополе и церкви Дерри-Ази. Первая постройка (рисунок, в), относящаяся к XI в., — единственная, сохранившаяся до наших дней в неперестроенном виде (экзонартекс относится к палеологовскому времени). Памятник плохо изучен, но подробный обмер, опубликованный в альбоме Эберзольта и Тьера, позволяет выяснить его метрическую систему. Кладка со скрытым рядом, включающая меандр

Планы церквей Дери-Ази (а), Спасо-Преображенского собора в Чернигове (б) и церкви Креста Всевидящего в Константинополе (в)

и другие декоративные элементы, роднит эту постройку с храмами XI в. киевской школы, из которых Спасо-Преображенский собор в Чернигове (рисунок, б) имеет сходство с Эски-Имярет и по базиликальной плановой схеме. Церковь в Дери-Ази (рисунок, а) по своему плану еще ближе к черниговскому собору, чем Эски-Имярет, так как имеет аркаду, поддерживающую хоры по боковым сторонам подкупольного пространства, хотя пропорции ее более вытянуты.

Постройкой константинопольских мастеров является Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Метрическим анализом обнаруживается, что условию кратности всем основным размерам для каждого из трех перечисленных памятников удовлетворяет практически одна и та же мера — византийский фут, равный 32 с.

Какие именно детали плана исчислены этой мерой, показано на рисунке. Во всех случаях поперечные размеры равны четному числу футов, что соответствует процедуре определения ширины будущей постройки влево и вправо от осевой линии.

Наиболее простая схема осуществления в церкви Христа Всевидящего: половине общей ширины здания равна внешняя ширина подкупольного прямоугольника, такова же его длина. Размер 10 футов повторяется не однажды, что совпадает с наблюдением Андервуда о кратности 10 футам основных размеров в памятниках юстиниановской эпохи.

В церкви в Дери-Ази ширина нартекса, выступающего за пределы основного объема, равна 100 футам, то есть равна длине здания без апсид. Этот храм имеет просторный центральный неф, заметно расширенный за счет боковых нефов: ширина подкупольного пространства 30 футов, внутренняя ширина боковых нефов — втрое меньше.

Равномернее разделено пространство Спасо-Преображенского собора. Это выражается близостью размеров основных пространственных ячеек: ширина подкупольного прямоугольника 24 фута, длина 25, расстояние от алтаря до восточных столбов 23 фута.

Сравнительный метрологический анализ структуры Спасо-Преображенского собора в Чернигове и хронологически близких памятников Византии показывает, что первые опыты монументального строительства на Руси осуществлялись с использованием греческой меры — фута. Это полностью соответствует тому известному факту, что именно византийская артель строителей работала в Киевской Руси в начальный период развития древнерусской архитектуры.

Из целочисленных размеров, которыми характеризуется плановая структура различных памятников, можно, по-видимому, выделить наиболее повторяющиеся величины. Попытка найти

объяснение предпочтительным числам может быть предметом дальнейшей работы, основанной на результатах массового метрологического анализа памятников.

¹ *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими.— М., 1961.

² *Желозовцева Е. Ф.* Геометрические структуры в архитектуре и живописи древней Руси // Естественно-научные знания в древней Руси.— М., 1980.

³ *Коузы Г. Дж.* Мастера строительного искусства.— М., 1982; *Гаряев Р.* К вопросу об измерении красоты в архитектуре // Архитектура СССР.— 1979.— № 8.

⁴ *Зубов В. П.* Архитектурно-теоретическое наследие и задачи его изучения // Архитектура. Сб. статей по творческим вопросам.— М., 1955.— 1.— С. 116.

⁵ *Милонов Ю. К.* Архитектурное творчество и строительная техника. Архитектура и строительная техника.— М., 1960; *Кожухаров Г.* Сводът в античността и средните векове.— София, 1974.

⁶ *Мах Э.* Механика. Исторический очерк ее развития.— Спб. 1898; *Гайденоко П. П.* Эволюция понятия науки.— М., 1980.

⁷ *Харитонович Д. Э.* Средневековый мастер и его представления о вещи. Художественный язык средневековья.— М., 1982; *Лосева И. Н.* Понятие «знание» в древнерусской традиции // Вопросы истории естествознания и техники.— 1984.— № 4.

⁸ *Прокопий Кесарийский.* О постройках // ВДИ.— 1939, Т. 4/9.— С. 209.

⁹ *Пилецкий А. А.* Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре // Естественнонаучные знания в древней Руси.— М., 1980.

¹⁰ *Коузы Г. Дж.* Указ. соч.; *Харитонович Д. Э.* Указ. соч.

¹¹ *Шевелев И. Ш.* Логика архитектурной гармонии.— М., 1972.

¹² *Прокопий Кесарийский.* Указ. соч.
¹³ *Писания Св. Отцов и Учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения.*— Спб., 1856.— Т. 2.

¹⁴ *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик.— Киев, 1930.

¹⁵ *Балдин В.* Архитектура собора Троице-Сергиевой лавры.— Архитектурное наследство.— 1956.— № 6.

¹⁶ *Динолов Л. И.* Принос към метричното изследоване на средновековната култова архитектура в България.— София, 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО— Археологические открытия
АП УРСР— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСб. ГЭ— Археологический сборник Гос. Эрмитажа.
ВДИ— Вестник древней истории
ВИ— Вопросы истории
ВИД— Вспомогательные исторические дисциплины
ГАИМК— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ— Государственный исторический музей, Москва
ИЗ— Исторические записки
Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности АН СССР
ИОЛЕАЭ— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
КСИА АН УССР— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИА АН СССР— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИМК— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛГУ— Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГУ— Московский государственный университет
МИА— Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН УССР— Научный архив Института археологии АН УССР
ОРЯС— Отделение русского языка и словесности
ПСРЛ— Полное собрание русских летописей
САИ— Свод археологических источников
СЭ— Советская этнография
ТИЭ АН СССР— Труды Института этнографии АН СССР
УІЖ— Український історичний журнал
ТОДРЛ— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Палажченко Л. И.</i> — Чернигов — крупный исторический, культурный и экономический центр УССР	5
<i>Тронько П. Т.</i> — Историческое развитие Чернигова в памятниках истории и культуры	9
<i>Толочко П. П.</i> — Киев и Чернигов в IX—XIII вв.	15
<i>Коваленко В. П.</i> — Основные этапы развития древнего Чернигова	22
<i>Брайчевский М. Ю.</i> — Первое письменное упоминание Чернигова в связи с проблемой формирования города	33
<i>Боровский Я. Е.</i> — Восточные источники о трех группах русов. Арта-ния и анты	41
<i>Сухобоков О. В.</i> — Левобережная Украина в VII—XIII вв.	46
<i>Сухобоков О. В.</i> — Левобережная Украина в VII—XIII вв.	46
<i>Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П.</i> Чернигов и Новгород-Северский в эпоху «Слова о полку Игореве»	56
<i>Григорьев А. В.</i> — О роменской культуре в Среднем Подесенье	65
<i>Фомин А. В.</i> — Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днестра и Десны	74
<i>Пеняк П. С.</i> — Структура ремесленного производства Чернигово-Северской земли в X—XIII вв.	80
<i>Калюк А. П.</i> Об экспорте стеклоделательного ремесла из киевской земли во второй половине XII в.	86
<i>Шекун А. В., Веремейчик Е. М.</i> — Селища IX—XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днестра	93
<i>Моця А. П.</i> — Курганный могильник X в. у с. Клонов	110
<i>Покас П. М.</i> — Средневековое население Среднего Подесенья по данным антропологии	118
<i>Сагайдак М. А.</i> — О конструкциях погребальных комплексов Киевщины и Черниговщины IX—XI вв.	127
<i>Асеев Ю. С.</i> — Стилистические особенности черниговского зодчества XII—XIII вв.	135
<i>Чернецов А. В.</i> — О языческой дружинной культуре Черниговщины	143
<i>Орлов Р. С.</i> — Художественный металл Чернигова (Семантика оковки и Черной Могилы)	152
<i>Толочко А. П.</i> — Черниговская «Песнь о Мстиславе в составе исландской саги	165
<i>Большаков Л. Н.</i> — Метрическая основа в построении плана черниговского Спасского собора	175
Список сокращений	183

